

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ООО НПО «ЧЕРНОЗЕМЬЕ»

ВЫПУСК 1

А. Н. Голотвин

**Д. Я. САМОКВАСОВ И ИЗУЧЕНИЕ
СЛАВЯНО-РУССКИХ ДРЕВНОСТЕЙ**

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2014

УДК 902/904(092)
ББК 63.4д
Г61

Рецензенты:
д. и. н. *Н.А. Тропин*, д. и. н. *А.С. Смирнов*
Научный редактор
д.и.н., заслуженный деятель науки РФ *А. Д. Пряхин*
Редакционный совет серии:
д. и. н., заслуженный деятель науки РФ *А. Д. Пряхин*, д. и. н. *А. М. Обломский*,
д. и. н. *Н. А. Тропин*, к. и. н. *А. Н. Бессуднов*, к. и. н. *Г. Л. Земцов*, к. и. н. *А. Н. Голотвин*,
И. Е. Бирюков, *М. В. Ивашиов*, *Н. Е. Чалых*

Голотвин, А. Н.

Г61 Д. Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей [Текст] : монография / А. Н. Голотвин. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. — 196 с. : ил.
ISBN 978-5-4446-0413-7

Монография посвящена анализу научного наследия одного из ведущих отечественных археологов последней трети XIX — начала XX вв. Д. Я. Самоквасова. Предпринята попытка осмысления динамики формирования его взглядов на проблемы славяно-русской археологии, их источниковой, теоретико-методологической и методической базы.

УДК 902/904(092)
ББК 63.4д

На первой странице обложки: турий рог из раскопанного Д. Я. Самоквасовым в 1872 г. кургана «Черная могила»

Научное издание

Голотвин Александр Николаевич

Д. Я. САМОКВАСОВ И ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНО-РУССКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Монография

Корректор *О. В. Голотвина*

Подписано в печать 13.05.2014. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 15,93. Тираж 1000 экз. Заказ № 164.

ООО Издательско-полиграфический центр «Научная книга»
394030, г. Воронеж, ул. Среднемосковская, 326, оф. 3
Тел. +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга».
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 116
Тел. +7 (473) 220-57-15, 238-02-38
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: typ@n-kniga.ru

© Голотвин А. Н., 2014

© Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2014

ISBN 978-5-4446-0413-7

ОТ РЕДАКТОРА

Наследие выдающегося исследователя отечественных древностей Дмитрия Яковлевича Самоквасова занимает особое место в гуманитарной науке последних десятилетий XIX — начала XX столетия. Профессор истории русского права Варшавского, а впоследствии Московского университета оказал существенное влияние на развитие археологии, когда наряду с господством ее расширительной трактовки как науки о «древностях», шел процесс становления ориентирующихся на ископаемые остатки частных археологий, включая и славяно-русскую.

Оценке жизненного пути и научных трудов Д. Я. Самоквасова как «историка русской земли» была посвящена опубликованная в 1998 г. книга С. П. Щавелева (Щавелев С. П. Историк русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск: Изд-во КГМУ, 1998), появление которой повлекло за собой рост интереса к наследию этого ученого. Обратился к этой теме и специализирующийся по археологии студент исторического факультета Воронежского госуниверситета Александр Голотвин, которому мною — его научным руководителем, было предложено приступить к изучению сделанного Д. Я. Самоквасовым в изучении юго-восточных пределов Древней Руси. И уже в студенческие годы были опубликованы первые научные статьи А. Голотвина об исследовании Д. Я. Самоквасовым славяно-русских курганов на юго-востоке Древней Руси.

Когда Александр выполнял дипломную работу, перед ним уже стояла задача попытаться взглянуть на сделанное Д. Я. Самоквасовым в изучении славяно-русских древностей в рамках осмысления данных, полученных в результате археологических раскопок. Последующая диссертационная работа аспиранта А. Голотвина предполагала необходимость дать анализ вклада Д. Я. Самоквасова в становление частной славяно-русской археологии.

В 2010 г. А. Н. Голотвиным защищается кандидатская диссертация «Д. Я. Самоквасов и археологическое изучение «славяно-русских древностей», текст которой лег в основу книги, которая предлагается читателю. После защиты кандидатской диссертации он продолжает активно заниматься данной проблематикой в рамках перспективной научной темы, в основе которой целостная оценка научного наследия Д. Я. Самоквасова в системе развития отечественной археологии второй половины XIX — первых десятилетий XX столетия.

Являясь научным руководителем кандидатской диссертации А. Н. Голотвина, а в данном случае и научным редактором новой научной серии, открываемой публикуемой монографией, мною была высказана мысль поместить в приложении список научных публикаций автора книги, что позволит составить более целостное представление о его научных интересах.

*Заслуженный деятель науки РФ,
д. и. н., профессор, А. Д. Пряхин*

Одним из важных признаков современного этапа развития отечественной археологии является выделение истории этой науки в самостоятельную «субдисциплину»¹. При этом, пожалуй, наиболее пристальное внимание историографов привлекает дореволюционное время². В изучении этого вопроса наблюдается качественный рост, выразившийся в появлении обобщающих исследований не только по тому или иному периоду истории археологии, но и по ее проблемам, регионам, организациям, персоналиям. Важным представляется разработка истории развития тех или иных отраслей отечественной археологии. К сожалению, еще ждет исследователя работа, посвященная славяно-русской археологии дореволюционного времени.

В своем развитии этот раздел археологии прошел значительный путь от понимания его как части науки о «древностях», включающей в себя весь спектр славяноведческих дисциплин, через «русскую археологию», под которой А. С. Уваров подразумевал науку, изучающую «древний быт народов по всем памятникам», до оформления славяно-русской археологии как отдела науки, занимающегося исследованием ископаемых остатков жизнедеятельности человека. В осмыслении этого процесса важным представляется анализ истории археологического изучения славяно-русских древностей в последней трети XIX — начала XX в. В это время происходит оформление теоретико-методологических и методических основ отечественной археологии, накопление необходимой источниковой базы, создание организационных структур, появление специальных университетских курсов, т. е. фиксируются признаки, свидетельствующие об институализации археологии в качестве отдельной научной дисциплины, составной частью которой являлась славяно-русская археология.

Для более адекватного понимания движения археологической мысли принципиальное значение приобретает изучение научного наследия ведущих исследователей этого периода, которые внесли значительный вклад в становление отечественной археологии, и в чьих работах этот сложный процесс нашел отражение. Среди археологов данного времени в первую очередь должно быть названо имя Д. Я. Самоквасова (1843—1911).

Несмотря на то, что для него, как и для большинства историков этого периода, была характерна широта научных интересов, археологические памятники восточных славян на протяжении всей жизни оставались в сфере его внимания. Исходя из своих теоретико-методологических взглядов, он обратился к комплексному междисциплинарному источниковедению, при этом данные археологии приобрели в его работах самостоятельное значение. За сорок лет полевых исследований им было раскопано значительное количество памятников, до настоящего времени составляющих солидный корпус источников по древнерусской истории и археологии. С именем Д. Я. Самоквасова связано развитие методической базы отечественной археологии, разработка проблем охраны археологического наследия, хранения и экспонирования музейных коллекций, внедрение археологического материала в педагогический процесс.

Основным объектом предлагаемого исследования стали археологические работы Д. Я. Самоквасова, посвященные происхождению и ранним периодам истории восточных славян, отражающие процесс формирования археологической составляющей его взглядов на указанные проблемы. Среди ее главных целей можно выделить опре-

деление источниковой, теоретико-методологической и методической базы археологических исследований ученого, а также анализ роли археологических источников в формировании его взглядов на проблемы происхождения восточных славян, становления и развития древнерусского города и государства.

В основу работы положен анализ нескольких групп взаимодополняющих друг друга источников.

Первую группу составили археологические коллекции из раскопок Д. Я. Самоквасова, хранящиеся в фондах Отдела археологических памятников ГИМ, Курском государственном областном музее археологии и музее им. В. В. Тарановского в Чернигове.

Вторая группа включает в себя первичную археологическую документацию — тексты отчетов и иллюстрации к ним, содержащиеся в Рукописном архиве ИИМК РАН и Отделе письменных источников ГИМ, описи находок и дневники раскопок.

Третья группа — опубликованные научные работы Д. Я. Самоквасова по древнерусской археологии, труды, программы, протоколы заседаний III—XIV всероссийских АС и их Предварительных комитетов, Московского археологического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Археологической комиссии, Русского археологического общества и других обществ и организаций, чьим членом являлся ученый.

К четвертой группе следует отнести многочисленную корреспонденцию Д. Я. Самоквасова, важнейшей частью которой является переписка с крупнейшими археологами второй половины XIX — начала XX столетия, а также другие документы и материалы, хранящиеся в Рукописном архиве ИИМК РАН и Отделе письменных источников ГИМ.

Имеет смысл оговорить и хронологические границы рассматриваемых в монографии проблем. Мы отталкиваемся не от современных понятий славяно-русские древности и славяно-русская археология, а от того смысла, который вкладывал в этот термин Д. Я. Самоквасов. Он понимал его несколько шире современных определений, включая в «славяно-русскую археологию» и скифо-сарматские древности, поскольку считал эти народы предками славян. Кроме того, анализ подходов Д. Я. Самоквасова к изучению памятников предшествующих эпох дает более объективное представление о теоретико-методологической и методической базе работ ученого, а также о его взглядах на проблему происхождения славян. Тем не менее, акцент в своих исследованиях Д. Я. Самоквасов делал на археологическое изучение древностей восточных славян языческой эпохи, иногда расширяя верхнюю границу применения археологических источников до времени монгольского нашествия.

В территориальном плане Д. Я. Самоквасова интересовали обширные пространства Восточной Европы, для которых исследователь использовал термин «надпонтийская область» (понимая под этим термином Южные и Центральные губернии Российской империи), однако наиболее активно им изучалась южные и юго-восточные территории расселения восточнославянских племен.

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность моему научному руководителю, профессору Воронежского государственного университета А. Д. Пряжину, под

чьим влиянием происходило мое становление как исследователя. Также, я глубоко признателен за ценные консультации и помощь А. З. Винникову, Е. Ю. Захаровой, Л. С. Клейну, И. Е. Сафонову, А. С. Смирнову, Н. А. Тропину, М. В. Цыбину, С. П. Щавелеву.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гайдуков П. Г., Дэвлет Е. Г., Носов Е. Н., Шуньков М. В. II (XVIII) Археологический съезд в Суздале // Российская археология. № 3. 2009. С. 176.

² Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986; Он же. Начало изучения каменного века в России. М., 1983; Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992; Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.). СПб., 2002; Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003; Пряхин А. Д. История отечественной археологии. Часть I. Русская дореволюционная археология. Воронеж, 2005; Он же. Доно-до-нецкая степь-лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX — начало 90-х гг. XX в.). Кн.1. Воронеж, 2008; Императорская Археологическая Комиссия (1859—1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009; Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества и поиск российских ученых. СПб., 2008; Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX вв.). СПб., 2010; Клейн Л. С. История археологической мысли. Т. 1. СПб., 2011; Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011 и др. раб.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Дмитрий Яковлевич Самоквасов родился 15 мая 1843 г. в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии в обедневшей дворянской семье. Достаточно основательную подготовку он получил во время обучения в Новгород-Северской гимназии. В 1863 г. он был зачислен на юридический факультет Санкт-петербургского университета¹. В октябре 1868 г. он заканчивает курс кандидатом права и поступает в магистратуру. Темой диссертации Д. Я. Самоквасов выбирает «Древние города России». В магистратуре ученый находился до 1 апреля 1871 г. Некоторое время после этого Д. Я. Самоквасов «был вне службы», пока в августе 1873 г. его не утвердили на должность доцента юридического факультета Императорского Варшавского университета. В декабре того же года на юридическом факультете Киевского университета Св. Владимира им защищается магистерская диссертация². Получив степень магистра государственного права он становится экстраординарным профессором кафедры истории русского права Варшавского университета.

В Варшаве Д. Я. Самоквасов проработал девятнадцать лет, пройдя все возможные ступени университетской карьеры. В 1878 г. к публичной защите им была представлена докторская диссертация под заглавием «История русского права. Т. I. Начала политического быта древнерусских славян. Вып. 1. Литература. Источники. Методы ученой разработки источников», и Советом университета он был утвержден в степени доктора государственного права. Эта была одна из немногих, если не единственная, докторская защита по юридическим наукам в Варшавском университете того времени³. За получением степени доктора последовало производство в статские советники, избрание ординарным профессором (в декабре 1883 г.). Кроме того, начиная с 1878 г. он постоянно был секретарем факультета, «кандидатом в члены библиотечной комиссии», судьей университетского суда. Наконец, в 1887 г. Д. Я. Самоквасов выбран деканом юридического факультета и «за отличие, вне правил» произведен в действительные статские советники. Он стал первым русским деканом Варшавского университета, до этого все факультеты университета возглавляли поляки. В этой должности он проработал практически до конца своего пребывания в Варшаве. В 1891 г., во время

Рис. 1. Д. Я. Самоквасов. 1880-е гг. Варшава. Архив С. П. Щавелева

летнего отпуска ректора, Д. Я. Самоквасов исполнял его обязанности, а с ноября того же года министр народного просвещения утвердил его «исправляющим» эту должность⁴. К концу 1891 году Д. Я. Самоквасовым была выслужена пенсия, и он приказом по Министерству юстиций назначается директором Московского Архива министерства юстиций (ММЮ), крупнейшего в стране хранилища древних актов и рукописей. С этого времени Самоквасов занимается преимущественно архивными делами, выступает сторонником проведения архивной реформы⁵, хотя не оставляет педагогических занятий. Им читалась история русского права в Московском университете сначала в качестве сверхштатного (1894 г.), затем ординарного (1895 г.) и, в конце концов, заслуженного (1900 г.) профессора. Преподавал он и в Лицее памяти цесаревича Николая, участвовал в создании Московского археологического института.

Уже в Варшавском университете Самоквасов становится опытным преподавателем и администратором. Университетский курс истории русского права, читавшийся профессором, получил достаточно противоречивые отклики современников⁶. Однако такие крупные историки русского права, как Н. П. Загоскин и А. Н. Филиппов, высоко оценивали работы Самоквасова, отмечая его приоритет в хронологическом расширении области истории русского права и применении нового «археологического» метода в ее исследовании⁷.

Административной и учебной деятельности Д. Я. Самоквасова сопутствовала активная научная работа. Помимо археологии этот исследователь оставил заметный след и в других отраслях гуманитарного знания. Во-первых, он опубликовал имевшую самостоятельное значение «Историю русского права», состоящую из нескольких выпусков и переизданий. Во-вторых, им была зафиксирована и описана крестьянская «семейная община» Софроничей, состоявшая из 42 работников, сравниваемая им с древнерусской вервью и южнославянской задругой⁸. Кроме того, правильно оценив купленный Варшавским университетом свод обычаев коренных народов России, составленный по инициативе М. М. Сперанского, Д. Я. Самоквасов опубликовал его, снабдив обстоятельными вступительными статьями и комментариями⁹. В-третьих, этот ученый известен как издатель важнейших архивных материалов по отечественной истории позднего Средневековья и раннего Нового времени, теоретик и практик архивного дела¹⁰.

Этот исследователь состоял во многих ученых обществах и организациях, возникших тогда в России. Уже в 1873 г. он избирается действительным членом Императорского общества Любителей Естествознания, антропологии и Этнографии (ИОЛЕЭ) при Московском университете, Императорского Русского географического общества (ИРГО) и членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества (ИМАО). С 1876 г. он уже действительный член ИМАО, а с 1877 г. — и Императорского Русского археологического общества (ИРАО). В 1886 г. Д. Я. Самоквасов утвержден в звании член-корреспондента Императорской Археологической комиссии (ИАК), в 1891 г. — ее «сверхштатным членом». Включение Д. Я. Самоквасова в члены Комиссии стало доказательством его заслуг в области археологии и было связано с приходом туда в качестве председателя графа А. А. Бобринского, при котором произошел «заметный подъем» в деятельности этого учреждения¹¹. Числился Д. Я. Самоквасов и во многих губернских ученых архивных комиссиях и археологических комитетах¹².

Особенно активно Д. Я. Самоквасов сотрудничал с ИМАО. Он не только выступал с докладами на Археологических съездах (III—XIV) и заседаниях Общества, но и принимал инициативное участие в обсуждении разнообразных вопросов, разработке правил и программ, на собственные средства организовывал раскопки и издавал труды¹³. Как член ИОЛЕЭ он предоставлял свою коллекцию для участия в Парижской всемирной выставке (1878 г.) и Антропологической выставке в Москве (1879), а за подаренные Обществу антропологические материалы из своих раскопок был удостоен именной золотой медали¹⁴.

Много внимания уделял Самоквасов распространению археологических знаний, читая публичные лекции и выступая со статьями в журналах и газетах, организовал преподавание «русской археологии» на базе возглавляемого им архива¹⁵. Помимо всего прочего, он принес в дар императору свою уникальную археологическую коллекцию, по указанию которого она поступила в Императорский Исторический Музей¹⁶. Это собрание состояло из пяти с половиной тысяч экспонатов, представлявших зна-

Рис. 2. План г. Чернигова. Арабскими цифрами указаны археологические объекты. (См.: Могилы Русской земли. М., 1908)

чительную материальную ценность, сопровождалось каталогом, оригиналами полевых дневников, чертежами и фотографиями изученных памятников¹⁷.

Скончался Дмитрий Яковлевич Самоквасов 5 августа 1911 г.

Первой попыткой осмысления его вклада в отечественную науку была серия выступлений, докладов и статей, посвященных его кончине¹⁸. Среди этой группы исследований, основная задача которых состояла «...не в том, чтобы сделать полный обзор и подробную оценку деятельности... а в том, чтобы указать, что было в этой деятельности наиболее положительного...», интерес представляет статья Д. Н. Анучина «Самоквасов как археолог». В ней последовательно сообщается обо всех наиболее крупных археологических раскопках ученого. Как первая попытка выделения курганов северян в отдельную группу характеризуется доклад на III Археологическом съезде, подчеркивается приоритет Д. Я. Самоквасова в применении данных археологии в лекциях по истории русского права и др.¹⁹.

До конца 80-х гг. XX вв. специальных работ, посвященных Д. Я. Самоквасову не выходило. Тем не менее, отдельные оценки сделанного этим ученым в изучении славяно-русских древностей содержатся в историографических исследованиях С. А. Желбелева²⁰, М. Г. Худякова²¹, А. В. Арциховского²², А. Л. Монгайта²³, В. Л. Янина²⁴, А. А. Формозова. Последний называл Д. Я. Самоквасова среди основоположников исторического направления дореволюционной археологии, отмечая разработанную им классификацию древностей и книгу «Северянская земля и Северяне по городищам и могилам» как пример применения данных раскопок для решения исторических вопросов²⁵. В другой работе А. А. Формозов, явно недооценивая «Древние города России» Д. Я. Самоквасова, значение этого сочинения видел лишь в том, что оно напомнило о городищах, несколько позабытых после дискуссии З. Я. Доленги-Ходаковского и К. Ф. Калайдовича. Отдавая должное курганным раскопкам Д. Я. Самоквасова, он ставил под сомнение его полевые работы на городищах²⁶.

К научному наследию ученого в той или иной степени обращались практически все исследователи славяно-русских древностей Днепро-Донского междуречья²⁷. Результаты раскопок Д. Я. Самоквасова стали основой для анализа и реконструкция погребального обряда черниговского некрополя, осуществленных Б. А. Рыбаковым. При этом, «система исследования» Самоквасова, хотя он и характеризовался как один из немногих дореволюционных «археологов-специалистов»²⁸, «горячий энтузиаст археологии, не жалеющий ни сил, ни средств на раскопки», с работ которого началось научное историко-археологическое исследование Чернигова²⁹, признавалась «неудовлетворительной». Б. А. Рыбаков отказывал Д. Я. Самоквасову в использовании данных археологии в качестве полноценного источника, отводя им роль иллюстраций к сообщениям письменных источников, что считал причиной многих заблуждений этого автора. Более высокой оценки заслужили попытки Самоквасова определить (посредством детального картографирования) не только племенных границ северян, но и групп городищ внутри этой территории («волости») ³⁰. В книгах В. В. Седова Д. Я. Самоквасов называется основным исследователем северянских курганов, после работ которого в научной литературе и укоренилось представление о принадлежности северянам всей левобережной части Среднего Поднепровья³¹. А. В. Гри-

Рис. 3. Курган «Черная Могила» в начале раскопок. (См.: Древняя и новая Россия. СПб., 1876)

Рис. 4. Курган «Черная Могила». Современный вид. Фото автора

горьев считает работы Д. Я. Самоквасова итогом дореволюционного этапа изучения древностей северян. Говоря о вкладе этого исследователя, автор отмечает выявление и изучение раскопками значительной части известных сегодня городищ и курганов, установление их принадлежности летописным северянам довеликокняжеского периода, первые попытки обобщения полученного материала и определения времени существования изученных памятников. А. В. Григорьев, как и Б. А. Рыбаков, полагает, что археологические источники в работах Самоквасова не являлись основой доказательств³².

С начала 1980-х гг. отмечается более взвешенная оценка взглядов Д. Я. Самоквасова на характер городищ, что можно связать с расширенной трактовкой понятия «город»³³. В качестве примера приведем мнение А. В. Кузы, согласно которому, именно работа Д. Я. Самоквасова «Древние города России» окончательно решила спор о характере городищ в пользу их поселенческого происхождения³⁴.

Специально теме «Славяне и Русь в научном наследии Д. Я. Самоквасова» посвящался историко-археологический семинар, проведенный в сентябре 1993 г. на родине ученого, в Новгород-Северском³⁵. На нем прозвучала серия докладов, рассматривающих вклад Д. Я. Самоквасова в изучение отдельных территорий Древней Руси, анализирующих исследованные им памятники с позиций современной науки и раскрывающих некоторые аспекты научной биографии ученого. Данные работы отличаются тезисностью изложения, что позволило дать лишь общую характеристику вклада Самоквасова в славяно-русскую археологию.

Первой работой монографического характера, специально посвященной Д. Я. Самоквасову, стала книга С. П. Щавелева «Историк Русской земли: жизнь и труды Д. Я. Самоквасова». В ней подробно изложена биография ученого, освещаются все разрабатываемые им научные направления — история русского права, архивнистика, этнография, археология. При таком подходе задача детального изучения взглядов Д. Я. Самоквасова на проблемы славяно-русской археологии не ставилась. Тем не менее, отдельные аспекты археологической части научного наследия Д. Я. Самоквасова получили освещение, и в целом, верную, аргументированную оценку.

С. П. Щавелевым рассмотрены основные вехи полевых исследований археолога. Немало внимания уделено причинам, способу осуществления и результатам проведенного по инициативе Д. Я. Самоквасова массового учета сохранившихся городищ и курганов³⁶.

Говоря о методике Д. Я. Самоквасова, среди достоинств которой он выделяет ориентацию археологии на задачи исторической науки и заботу о сохранении исторически сложившегося ландшафта (восстановление черниговских курганов), С. П. Щавелев останавливает свое внимание, прежде всего, на инструкции археологам, одним из авторов которой был этот ученый³⁷. Слабые стороны методики Д. Я. Самоквасова (раскопки «колодцем», крестообразной траншеей, оставление части насыпи неисследованной, использование стального щупа и т. д.) абсолютно верно связываются не с недостатками отдельно взятого археолога, а с несовершенством археологической методики того времени. Между тем, практически не анализируются приемы раскопок, применявшиеся при исследовании конкретных памятников археологии, не всег-

да совпадающие с требованиями инструкции и в большей степени отражающие развитие методики.

Характерной чертой методологии Д. Я. Самоквасова С. П. Щавелев называет стремление к комплексному, междисциплинарному источниковедению не раскрывая, при этом, теоретических основ такого подхода. Кроме того, недостаточно внимания уделено таким важным вопросам, как восприятие Д. Я. Самоквасовым археологического источника, способы и этапы его препарирования, используемый понятийный аппарат³⁸. Разбирая «хронологическую классификацию древностей», разработанную этим археологом, С. П. Щавелев считает ее важной вехой становления археологии, необходимой для того времени попыткой конкретизировать универсальную схему трех веков, а ее «уязвимость» видит в прямолинейности³⁹. Вместе с тем не всегда точно выглядит соотношение «эпох» «классификации» Д. Я. Самоквасова с современной археологической периодизацией⁴⁰, не показан процесс ее развития, взаимосвязь с полевыми исследованиями и взглядами на конкретные историко-археологические проблемы.

Обращаясь к вкладу Д. Я. Самоквасова в изучение славянских курганов, основное внимание С. П. Щавелев уделяет известнейшей «Черной Могиле»⁴¹. Раскопки же других погребальных памятников славяно-русского времени, за исключением исследования Гочевского археологического комплекса, практически не получили освещения. Говоря о работах Д. Я. Самоквасова, посвященных проблемам древнерусского города, ученый справедливо указывает на то, что после этих сочинений утвердился

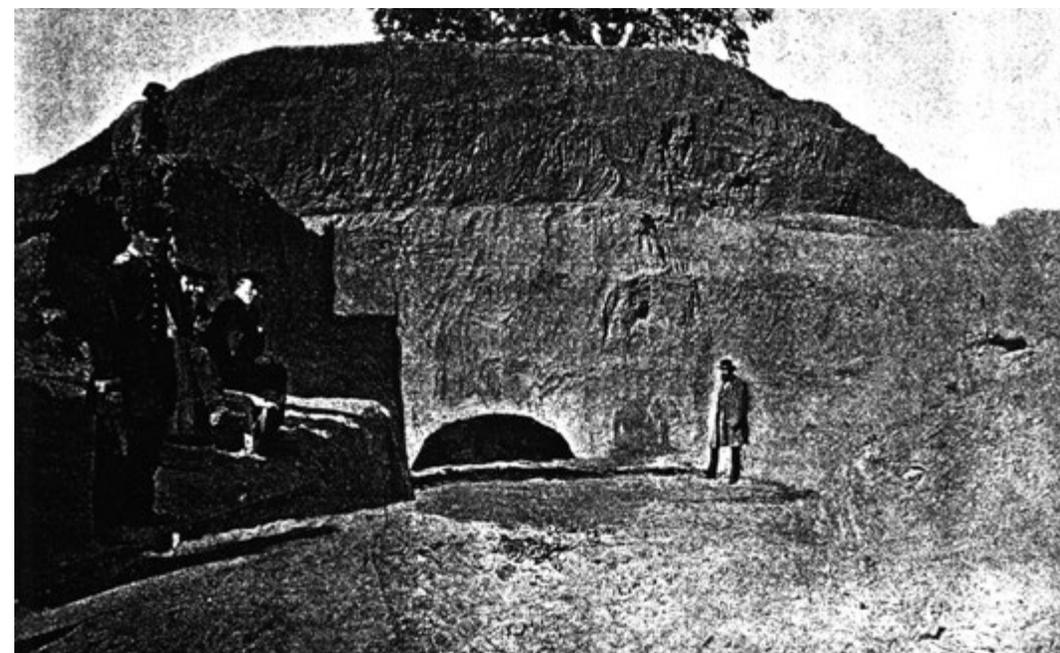

Рис. 5. Курган «Черная Могила» в процессе раскопок. 1872 г. Д. Я. Самоквасов стоит на заднем плане. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

подход к изучению города как центра общественной и культурной жизни славян. При этом подчеркивается неумение Д. Я. Самоквасова уверенно выделять собственно славянские культурные слои, полное отрицание им неукрепленных поселений у раннесредневековых славян, недооценка роли посадов, понимание всех подряд городищ как «первогородов-микросударств»⁴². Все вышеперечисленное в той или иной мере было характерно для работ Д. Я. Самоквасова, но, без внимания был оставлен тот факт, что ряд отмеченных положений со временем был пересмотрен ученым. К «малообоснованным гипотезам», «фантастическим предположениям», построенным на некорректной интерпретации источников, С. П. Щавелев относит теорию происхождения славян, характеризуя при этом как «эффективный метод историко-археологического исследования» идею перенесения на карту сведений о кладах римского серебра. Обращает автор внимание на выделение отдельных генетических связей народов, дисперсность и динамизм очертаний прародин славян, нелинейность этногенетического развития, а также верно подчеркивает, что этот ученый стоял у истоков развивающихся сегодня археологического, лингвистического и исторического подходов к проблеме происхождения славян⁴³. Тем не менее, взгляды Д. Я. Самоквасова на этногенез славян изложены без детального анализа используемой аргументации, динамики их формирования и соответствия уровню науки того времени.

В целом, работы С. П. Щавелева, среди которых и обширные публикации архивных источников⁴⁴, создают прекрасную основу для более углубленного исследования творчества Д. Я. Самоквасова.

Опыт осмысления места Д. Я. Самоквасова в славяно-русской археологии дореволюционного времени принадлежит Г. С. Лебедеву. По его мнению, Д. Я. Самоквасов — крупнейший археолог позднего этапа «уваровского» периода, после работ которого городища вошли в состав принципиально важных археологических памятников, а также, вследствие усилий которого по обобщению всего массива известных курганных древностей и организации их систематических исследований, была соз-

Рис. 6. Курган «Черная Могила». Вертикальный разрез. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

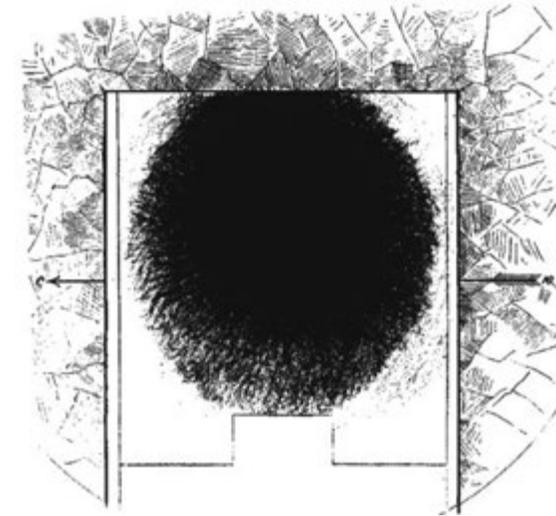

Рис. 7. Курган «Черная Могила». 1872 г. Горизонтальный разрез. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

дана первая основа для «типо-хронологической классификации» древнерусских погребальных насыпей Среднего Поднепровья⁴⁵. В книге А. Д. Пряхина «История отечественной археологии. Часть I: Русская дореволюционная археология» предпринята первая попытка анализа развития взглядов Д. Я. Самоквасова, чье научное наследие рассматривается в системе авторской периодизации. А. Д. Пряхин подчеркивает значимость работ Д. Я. Самоквасова для формирования славяно-русской археологии на втором этапе второго периода (50-е — первая половина 80-х гг.), отмечая полевые работы, вклад в методику раскопок, изучение курганов, городищ, периодизацию древностей, взгляды на происхождение славян, стремление применить данные археологии в лекционных курсах по истории права и др.⁴⁶. Работы Г. С. Лебедева и А. Д. Пряхина, дающие представление о развитии всей дореволюционной археологии в России, содержат общие оценки вклада Д. Я. Самоквасова.

Исследование этим ученым археологических памятников Курского края отражено в диссертации Г. Ю. Стародубцева⁴⁷, вклад в изучение славяно-русских древностей Черниговщины получило освящение в диссертации Л. В. Ясновской. По мнению последней, Д. Я. Самоквасов придал систематический характер археологическим работам и способствовал возрастанию интереса к древнерусскому периоду истории этого региона⁴⁸. Среди последних работ, посвященных этому автору необходимо упомянуть и диссертационное исследование В. А. Мамонова «История русского государства и права в научном наследии Д. Я. Самоквасова»⁴⁹.

Вышеизложенное показывает, что подходы Д. Я. Самоквасова к изучению «славяно-русских древностей» не становились предметом специального исследования. Нeosмысленной остается динамика формирования его историко-археологических взглядов, их источниковая, теоретико-методологическая и методическая база.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Щавелев С. П.* Историк Русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск, 1998. С. 14—26.
- ² Формулярный список о службе Управляющего Московским Архивом Министерства Юстиции тайного советника Дмитрия Яковлевича Самоквасова // Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912. С. 52, 63.
- ³ *Михальченко С. И.* Исторические дисциплины на юридическом факультете Варшавского университета (1869—1917) // Российские университеты в XVIII—XX веках. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 182—183.
- ⁴ Формулярный список о службе Управляющего Московским Архивом Министерства Юстиции тайного советника Дмитрия Яковлевича Самоквасова... С. 55—59.
- ⁵ *Щавелев С. П.* Историк Русской земли... С. 110—146; Он же. В защиту Д. Я. Самоквасова // ВИ. 2002. № 2. С. 174—175; *Шохин Л. И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX вв. М., 1999; *Лебедев Б. Б.* Архив Самоквасова не сохранился // ВИ. 2003. № 3. С. 174—175.
- ⁶ Речь на могиле профессора Д. Я. Самоквасова бывшего сослуживца Дмитрия Яковлевича по Варшавскому Университету профессора Московского Археологического Института Д. В. Цветаева... С. 32—33; *Тур К. Н.* Студенческие годы // Русская старина. 1912. № 9. С. 417.
- ⁷ *Загоскин Н. П.* История права Русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т. I. Введение. I. Наука истории русского права. II. Формация народа и государства. Казань, 1899. С. 119—120; *Филиппов А. Н.* Труды Д. Я. Самоквасова в области русского права // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 423. Современный анализ его работ: *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов — историк русского государства и права // Государство и право. 1993. № 2. С. 114—120.
- ⁸ *Самоквасов Д. Я.* Семейная община в Курской губернии // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. VIII. Отдел 3. Заметки по обычному праву. СПб., 1878. С. 12—15. Он же. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян. Источники и литература. Варшава, 1878. С. 233—236.
- ⁹ *Самоквасов Д. Я.* Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Он же. Сборник обычного права сибирских инородцев. 2-е изд.: Варшава, 1884.
- ¹⁰ *Самоквасов Д. Я.* Централизация государственных архивов. Архивное дело на Западе. М., 1900; Он же. Архивное дело в России. Кн. 1—2. М., 1902; Он же. Новооткрытые помещико-вотчинные документы XV—XVII столетий. М., 1905; Он же. Крестьяне древней России по новооткрытым документам. М., 1909. Подробнее См.: *Самошенко В. Н.* Д. Я. Самоквасов как историк-архивист // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984; *Щавелев С. П.* Историк Русской земли... С. 110—146.
- ¹¹ *Тихонов И. Л.* Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2003. С. 95—117; Он же. Императорская Археологическая комиссия (1859—1918). К 150-летию создания // Из истории отечественной археологии. Вып. 1. Воронеж, 2008. С. 13—65.
- ¹² Формулярный список о службе Управляющего Московским Архивом Министерства Юстиции тайного советника Дмитрия Яковлевича Самоквасова... С. 55—63; Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие своего существования.

- (1864—1914). Т. II. 1. Биографический словарь Членов Общества. 2. Список трудов Членов Общества, помещенных в трудах Общества / [под ред. П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина]. М., 1915. С. 318; *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов и становление исторической археологии // История отечественной археологии: дореволюционное время. Материалы IV чтений по историографии археологии Евразии. — Воронеж, 2004. С. 32.
- ¹³ *Анучин Д. Н.* Д. Я. Самоквасов как археолог // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 409.
- ¹⁴ Там же. С. 406.
- ¹⁵ *Щавелев С. П.* Вопросы теории и методики в археологических трудах Д. Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 42—43.
- ¹⁶ *Анучин Д. Н.* Указ. соч. С. 408.
- ¹⁷ *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист // ВИ. 1993. № 3. С. 179.
- ¹⁸ Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912; Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 403—440; *Кротков А. А.* Самоквасов Дмитрий Яковлевич // 25-летие Саратовской УАК, 1886/12/XII 1911 г. Исторический очерк. Краткие биографии. Саратов, 1911. С. 30—32.
- ¹⁹ *Анучин Д. Н.* Указ. соч. С. 403—410.
- ²⁰ *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Часть I. История археологического знания. Пг., 1923. С. 187—188.
- ²¹ *Худяков М. Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933. С. 73, 74—100.
- ²² Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960. С. 621—622.
- ²³ *Монгайт А. Л.* Археология в СССР. М., 1955. С. 41.
- ²⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960. С. 671.
- ²⁵ *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 117.
- ²⁶ *Формозов А. А.* Следопыты земли московской. М., 1988. С. 64—65.
- ²⁷ *Блифельд Д. И.* К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. // СА, 1954. XX. С. 149—161; *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА. № 152. Л., 1968. С. 57—58, 60, 64—66, 69—72, 76, 79—80; Он же. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. // КСИИМК. Вып. XII. М. — Л., 1946. С. 117; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975; Археология Украинской ССР. Т. III. Раннеславянский и Древнерусский периоды. Киев, 1986. С. 191; *Моця А. П.* Погребальные памятники южнорусских земель в IX—XIII вв. Киев, 1990; *Шинаков Е. А.* Население верхнего течения реки Псел в XI—XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. История. 1982. № 2. С. 90—97; *Коваленко В. П.* Начальные этапы изучения Шестовицкого археологического комплекса // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского. Вып. 2—3). Брянск, 2006. С. 148—151; Археологическая карта России: Курская область. Часть 1 / Автор-сост. А. В. Кашкин. М., 1998. С. 3, 14; *Стародубцев Г. Ю.* Исследование археологических памятников Верхнего Псла в XIX—XX вв.: исторический обзор // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе Римского времени и в раннем Средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г.). СПб., 2004. С. 111; *Енуков В. В.* Славяне до Рюриковичей (Курский край. Т. III.). Курск,

2005. С. 5—6; *Цыбин М. В.* Юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия (история развития идеи) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000. С. 130—137 и др. раб.

²⁸ *Рыбаков Б. А.* Место славяно-русской археологии в советской исторической науке // СА. № 4. 1957. С. 34.

²⁹ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. № 11. 1949. С. 8.

³⁰ *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне // СЭ. VI—VII. 1947. С. 88—90.

³¹ *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 126; Он же. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 138.

³² *Григорьев А. В.* Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 6—7.

³³ Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 129—130; *Ширина Д. А.* Русский средневековый город в дореволюционной историографии // Исторические записки. М., 1982. Т. 108; Становление и развитие обществ (город и государство). Л., 1986. С. 199—200; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. М., 1988. С. 9—10 и др. раб.

³⁴ Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 8; *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 15—16; Он же. Древнерусские городища X—XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. С. 7—8.

³⁵ Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, 1993.

³⁶ *Щавелев С. П.* Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоквасова 1872—1873 гг. и ее результаты) // РА. 1992. № 1. С. 255—264

³⁷ *Щавелев С. П.* Становление археологической методологии и методики в России (*Вклад А. С. Уварова и Д. Я. Самоквасова*) // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 9—12.

³⁸ *Щавелев С. П.* Историк Русской земли... 1998. С. 70—73.

³⁹ Там же. С. 105—106.

⁴⁰ *Щавелев С. П.* Вопросы теории и методики в археологических трудах Д. Я. Самоквасова... С. 44.

⁴¹ *Щавелев С. П.* Историк русской земли... С. 66.

⁴² Там же С. 41—46.

⁴³ Там же. С. 100—102.

⁴⁴ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843—1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С. П. Щавелева. Курск, 2007.

⁴⁵ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 168—170.

⁴⁶ *Пряхин А. Д.* История отечественной археологии. Часть I: Русская дореволюционная археология. Воронеж, 2005. С. 91—93.

⁴⁷ *Стародубцев Г. Ю.* Исследование археологических памятников Курского края в XIX—XX вв.: автореф. канд. ... ист. наук. Брянск, 2006.

⁴⁸ *Ясновська Л. В.* Давньоруські старожитності Чернігівщини в історико-культурному просторі та науковому житті регіону: автореф. канд. ... іст. наук. Чернігів, 2010. С. 12, 16.

⁴⁹ *Мамонов В. А.* История русского государства и права в научном наследии Д. Я. Самоквасова.: автореф. канд. ... юр. наук. М., 2012.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ Д. Я. САМОКВАСОВА

Для адекватного понимания предлагаемых Д. Я. Самоквасовым теорий и гипотез, определения причин начала масштабных полевых исследований выпускником юридического факультета, а затем профессором русского права, принципиальное значение имеет определение теоретико-методологической базы его историко-археологических работ. Оговоримся, что под «методологией» мы, прежде всего, понимаем область знания, изучающую средства, предпосылки и принципы организации познавательной и практически-преобразующей деятельности¹. К теоретическим проблемам мы, ссылаясь на работы Л. С. Клейна², посчитали возможным отнести подходы Д. Я. Самоквасова к определению археологического источника, а также предмета, объема и задач археологии как науки.

Становление Д. Я. Самоквасова как ученого происходило в стенах Санкт-Петербургского университета. Его учителями были такие выдающиеся представители историко-юридической или государственной школы как И. Е. Андриевский, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский и др. Имел Д. Я. Самоквасов и возможность посещать лекции профессоров исторического факультета — Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. И. Срезневского и др.³.

В доступных нам источниках и литературе не сохранилось сведений о научном руководителе ни «кандидатской», ни магистерской диссертации Д. Я. Самоквасова. Нет прямых данных и о теме выпускного сочинения. С. П. Щавелев, не без оснований считает, что руководство его магистерской диссертацией осуществлял А. Д. Градовский (1841—1889), занимавший кафедру государственного права, к которой и был прикреплен магистрант⁴. В таком случае логично предполагать А. Д. Градовского и в качестве руководителя выпускного сочинения. На наш взгляд, с большой долей вероятности можно утверждать, что выпускное сочинение молодого ученого легло в основу его первой научной публикации — «Заметки по истории русского государственного устройства и управления»⁵, вышедшей уже в 1869 г. в журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП). Данный вывод подтверждается структурой статьи, состоящей из трех частей, и ее достаточно солидным объемом. Видимо, уровень выпускного сочинения Д. Я. Самоквасова, позволивший опубликовать его в одном из центральных правительственных изданий того времени, в немалой степени способствовал его оставлению, среди лучших выпускников, в магистратуре⁶. Кроме того, данная тема, как и тема магистерской диссертации «Древние города России», вполне соответствовала кругу научных интересов А. Д. Градовского. Думается, не случайно за год до выпускного сочинения Самоквасова, им была опубликована статья «Государственный строй древней России»⁷, также посвященная разбору книги В. И. Сергеевича «Вече и князь»⁸. Крупный деятель либерального движения, А. Д. Градовский находился и под влиянием идей славянофилов, вводя идеи общинности и земства Руси в число основных постулатов «государственной школы»⁹. Как отмечает А. Ю. Минаков «...будучи умеренным западником, А. Д. Градовский тем не менее пытался, что называется, сидеть между двух стульев, постоянно прокламируя особую «промежуточную», среднюю линию между радикальными западниками и славянофилами и националистами»¹⁰. Подобные подходы пытался проповедовать

в своих работах и Д. Я. Самоквасов¹¹, но как человек достаточно консервативных общественно-политических взглядов, он все больше тяготел к патриотической, русофильской, части научной интеллигенции. С. П. Щавелев характеризует этого ученого как человека ортодоксально-монархических убеждений¹². По воспоминаниям его сослуживца по Варшавскому университету Д. В. Цветаева, он вел своих слушателей «...к сознательному уважению Русского народа, к обоснованному призванию крепкой жизненной силы Русской государственности»¹³. Именно за такие взгляды многие студенты уже Московского университета, в котором Д. Я. Самоквасов преподавал в начале XX в., были «предубеждены против него», считали его «человеком правого лагеря», «ультрапатриотом» и «черносотенцем»¹⁴. О принадлежности Д. Я. Самоквасова к Союзу русского народа упоминает и А. А. Формозов¹⁵. Национальный аспект достаточно рельефно просматривается в работах Д. Я. Самоквасова. В стремлении отыскать генетическое родство «русских славян» с такими хорошо известными античным писателям народами, как скифы, сарматы и гетто-дакийцы, а как следствие, доказательстве их цивилизованности уже в древнейшие времена, взгляды этого ученого особенно близки подходам немецких романтиков, возвеличивших германцев¹⁶. В его работах отчетливо проявилась «национально-романтическая традиция», влияние которой, по мнению Л. С. Клейна, наиболее сильно ощущалось в России и Германии и было связано с затяжным развитием капитализма, сохранением феодальных пережитков в социальном устройстве, консервативной общественной атмосферой¹⁷.

При этом такая «традиция» сочеталась у Д. Я. Самоквасова с идеями ведущего в отечественной историографии второй половины XIX века теоретико-методологического течения — позитивизма. Произошло это, видимо, не без влияния Градовского, уже в молодости увлекавшегося трудами О. Конта¹⁸, указывавшего на важность изучения народного быта и широко применявшего сравнительно-исторический метод исследования¹⁹. А. Н. Нечухрин основное содержание позитивистской парадигмы сводит к следующим элементам: «1) гносеологический оптимизм и рационализм, вера в возможность средствами науки познать и преобразовать в благоприятную для человека сторону мир; 2) утверждение единства научного знания; 3) стремление «подтянуть» историю до уровня естественных наук за счет реализации в ней основных идеалов и норм естественнонаучного исследования; 4) объективизм; 5) признание существования законов развития общества; 6) признание наличия прогресса в истории человечества; 7) трактовка общества как организма; 8) теория факторов»²⁰.

Конечно взгляды такого крупного исследователя как Д. Я. Самоквасов, отличались своеобразием и полностью не могут быть вписаны ни в одну схему, но большинство из вышеперечисленных положений могут быть отнесены и к работам этого ученого. Современные историки отмечают как положительные, («...особое внимание к анализу исторического факта, его структуре в происхождении и развитии...»), так и отрицательные следствия позитивистского подхода: «...отсутствие целостного анализа системы, обобщение по аналогии и подобию, а не через тождество структур...», а отсюда — «...предопределенный как результат абсолютизации или преувеличения одного из исторических явлений или факторов обширный разброс вариантов обобще-

ний в исследовательском поле без объективных критериев системного анализа всей изучаемой общественной структуры»²¹.

Значительное воздействие на формирование позитивистской парадигмы оказывали успехи в развитии естественных наук. Как и многие отечественные историки второй половины XIX в., не избежал увлечения естествознанием и Самоквасов, пы-

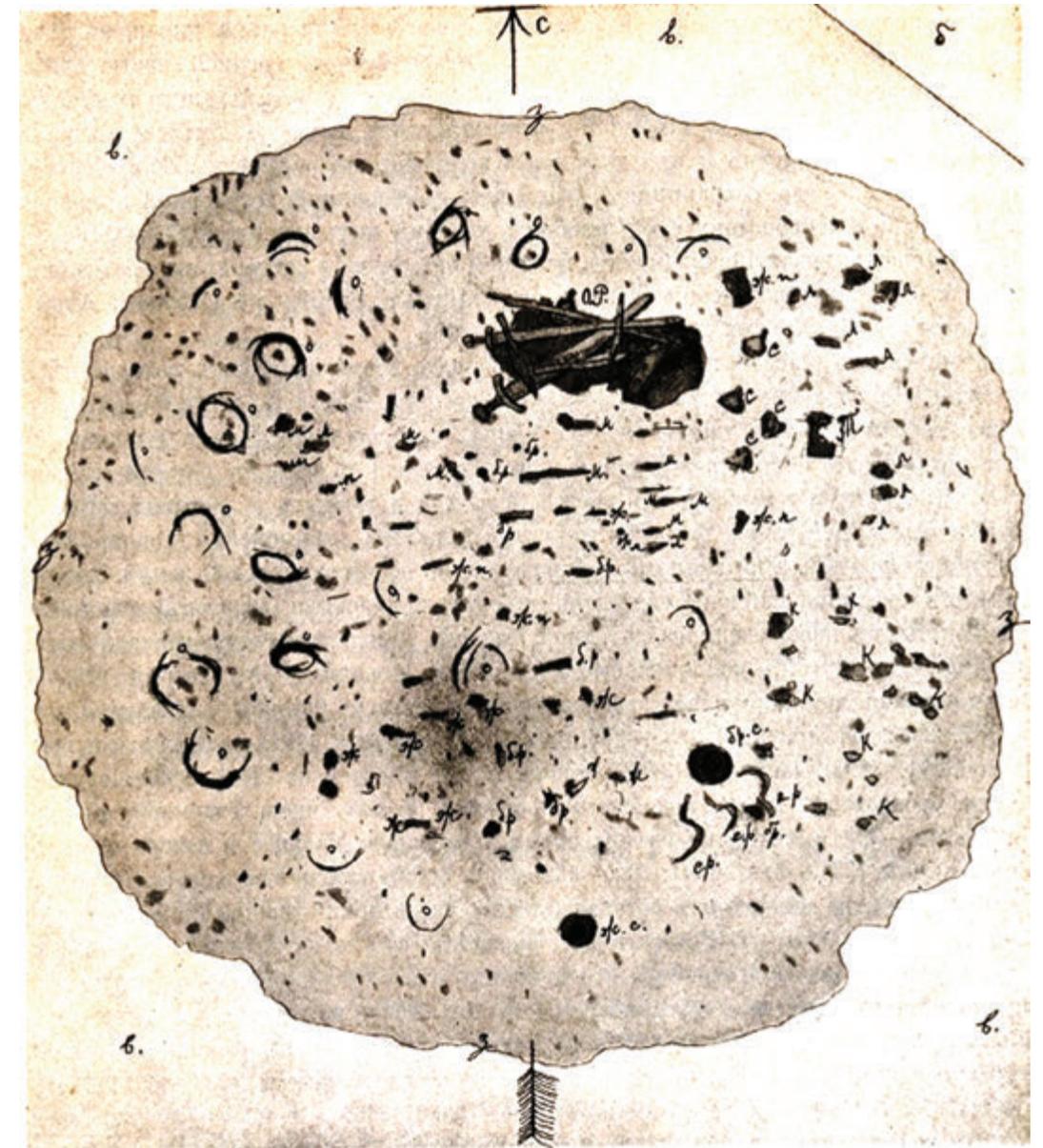

Рис. 8. Курган «Черная Могила». План кострища. 1872 г. (См.: Могилы Русской земли. М. 1908)

тавший поступить на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета²². Не удивительно, что позднее он писал: «Изумительные приобретения науки в нашем столетии в области естествознания объясняются тем, что естествоиспытатели, оставив теории метафизиков, алхимиков, астрологов, с их общими, абсолютными началами, как бесполезные в деле объяснения частных фактов в познании действительных законов вещественной природы...»²³. В работах этого ученого достаточно четко прослеживается стремление поставить на такие же «положительные» основания и историческую науку.

Уже первая его публикация содержала последовательную критику существующих теорий политического устройства и управления в древнерусском государстве («Почти все существующие ныне теории заключают в себе долю достоверности; но эти теории односторонни, не точны, а потому шатки и только ведут к построению противоречащим друг другу систем русского права...»²⁴), их методологическую и источниковую базу («... главный источник наших познаний о древнерусском быте представляет не чистый материал, а руду, накопление фактов, нуждающихся в очищении, обработке, чтобы стать источником истинного познания. Отсюда ни метод филологической инквизиции, ни прием ссылки на данное место летописи не могут быть признаны научными для восстановления, по летописцу, строя древнерусского государства»²⁵). Такие воззрения стали исходным пунктом повышенного внимания Д. Я. Самоквасова к историческим источникам и методам их анализа. В 1873 г. в ЖМНП публикуется его вступительная лекция к курсу истории русского права, прочитанная в Варшавском университете, под заголовком «О методе ученой разработки исторических источников»²⁶. Принадлежит ему и одна из первых монографий по историографии, источниковедению и методологии истории древнерусского государства и права²⁷.

Желание Д. Я. Самоквасова приблизить историческую науку к нормам естествознания имело своим следствием обращение к вопросу о законах исторического развития. По его мнению, к открытию общих физических законов привело изучение простых тел и явлений, а также условий их преобразования в более сложные. В связи с этим ученый считал, что при помощи такого индуктивного метода можно познать и «общие законы управляющие отношениями людей»²⁸. Так, в своей магистерской диссертации он писал: «Законы народной жизни, при неизменности внешних условий, так же постоянны и неизменны, как законы физические...»²⁹. Уже на этом примере хорошо видно, что одним из ведущих факторов развития «народной жизни» у Д. Я. Самоквасова выступали географические условия. В другой работе ученый уже более четко говорит о применимости к общественным системам биологических закономерностей, характерных для живых организмов: «Жизнь политических организмов подчинена таким же законам органического развития и самосохранения, как и жизнь организмов физических...»³⁰. Таким образом, Д. Я. Самоквасова вполне можно отнести к последователям так называемой «органической теории». Среди первых приверженцев подобных взглядов был и А. Д. Градовский, который еще в 1866 г., начиная чтение государственного права в Санкт-Петербургском университете, говорил о государстве как об организме, определяя его как «внешнее выражение национальности и высшее выражение власти...»³¹. Однако стоит отметить, что такие пред-

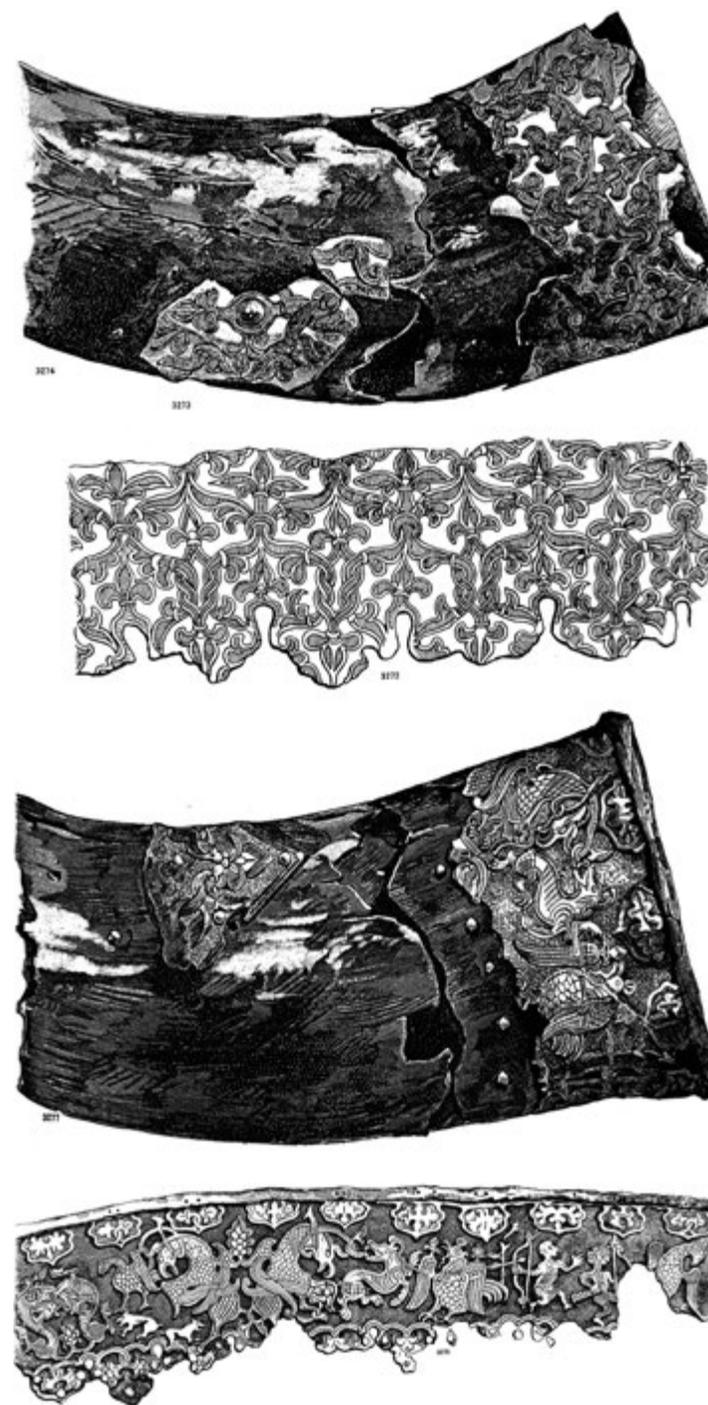

Рис. 9. Турьи рога из курган «Черная Могила». (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

ставления имели достаточно широкое хождение в среде отечественных историков-юристов в 70-е гг. XIX в.³²

Д. Я. Самоквасов, хотя и уподоблял общество живому организму, законы развития человеческого общества, не считал «достоянием положительного знания» в той же мере, как законы физические. Причину этого он видел в специфике объекта исторического исследования, исключающего возможность его экспериментального изучения, поскольку историк имеет дело с «мертвыми историческими памятниками», с материалом, который «не так полон и не так реален, как материал естественных наук»³³. Возможность решения проблемы исследователь связывал с использованием сравнительно-исторического метода. Д. Я. Самоквасов прекрасно понимал, что этот метод мог использоваться не только для «пополнения и истинного понимания» исторических источников, но и для «прикрытия произвольных, теоретических построений». Поэтому, чтобы получить «положительное знание исторической действительности», а не «построение фантастических гипотез и теорий» он предлагал соблюдать следующие условия при сравнительном изучении исторических явлений: 1) «знание всех воззрений, высказанных в ученой литературе по предмету исследования, аргументации на которой основаны сказанные воззрения»; 2) «знание фактов, сообщаемых по предмету исследования древними памятниками как письменными, так и вещественными» [курсив мой. — А. Г.]; 3) «знание следов, сохранившихся по предмету исследования в исторических памятниках и современном быте изучаемого народа»; 4) «знание фактов, имеющих прямое или косвенное отношение к предмету исследования и сохранившихся в исторических памятниках других народов как родственных по происхождению так и не родственных этому народу, к быту которого относится предмет исследования»; 5) «знание фактов, имеющих прямое или косвенное отношение к предмету исследования и находящихся в современном быту народов, стоящих на различных ступенях цивилизации»³⁴.

В этих положениях, на наш взгляд, выражена основа комплексного подхода к источникам, ставшего у Д. Я. Самоквасова основным критерием объективности исследований. Объективность — один из основополагающих, исходных, принципов исторического познания — в позитивизме, связывалась с ограничением познавательной активности субъекта. За точку отправления брался не изучающий субъект, а изучаемый объект. При таком подходе современность рассматривалась не как итог развития человечества, а как одно из проходящих состояний и задач исторического изучения становился исторический процесс³⁵. Уже в первой своей работе Д. Я. Самоквасов утверждал: «Идея движения служит верховным началом не только политической истории, но и истории права. Изложение юридических начал только данной эпохи, без исследования связи этой эпохи с последующей, легко ведет к искажению самих излагаемых начал...»³⁶. В таких взглядах можно увидеть влияние эволюционизма. Его широкому распространению в истории способствовали труды таких западноевропейских исследователей как Дарвин, Спенсер, Мэйн, Фюстель де Куланж, МакЛеннан, Тайлор и др.³⁷. Их работы, в большинстве своем опубликованные в 60—70-х гг. достаточно оперативно переводились на русский язык, хорошо были известны Д. Я. Самоквасову³⁸ и оказали на него влияние.

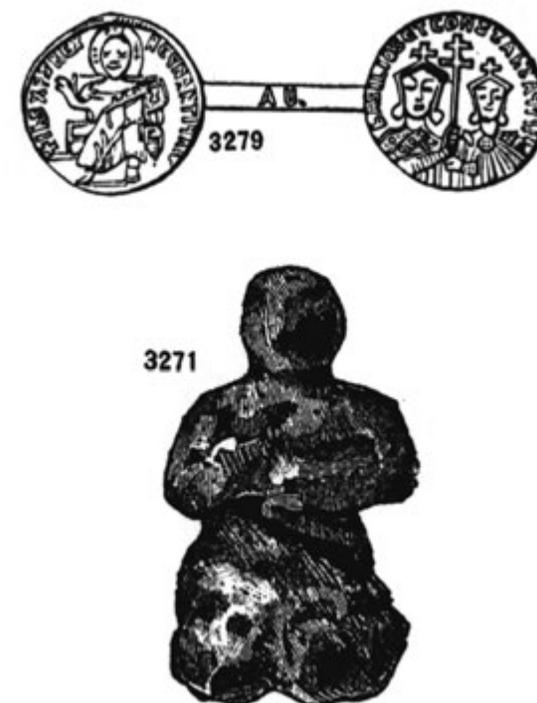

Рис. 10. Курган «Черная Могила». Находки. 1872 г. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

Наиболее выпукло эволюционизм Д. Я. Самоквасова проявился в его классификации древних форм общественных отношений. Приступая к изложению этого вопроса, он писал: «История права должна определить, в каких формах проявляется человеческое общежитие, какие формы должны быть признаны наукою древнейшими и простейшими, какими признаками одна форма отличается от другой и при каких условиях простейшие формы общежития развиваются в сложные»³⁹. В результате способу питания «дикие народы» подразделялись на четыре ступени: «общества сидячих народов» («стадная сидячая коммуна» и «сидячая община»), «общества бродячих народов» («семья охотника» и «бродячий род»), «общества кочевых народов» и народы «оседлые»⁴⁰.

Другим следствием установки на объективность стал приоритет факта над теорией. Последней отводилась только роль вспомогательной ступени к познанию исторической действительности⁴¹, более того, применительно к периоду образования Древнерусского государства ученый уже в первой своей работе писал: «Состояние нашего знания об элементах русской общественной и государственной жизни и их взаимных отношениях в так называемый удельный период, и особенно в начале его, находится именно в той ступени, которая нуждается в накоплении фактов, в обработке по частям и почти не допускает общих теорий»⁴².

Такой подход и обусловил повышенное внимание Д. Я. Самоквасова к источниковедению, предполагал определенный уровень критики источников, их тщательный анализ, осторожность в выводах. Надо сказать, что последнее не всегда соблюдалось нашим автором, но важнее — стремление исходить из всей совокупности источников, сопоставлять не только летописные сообщения разных списков и редакций, но и проверять их данными других наук⁴³, в том числе и археологии. Д. Я. Самоквасов оказался в числе тех исследователей последней трети XIX в., которые, переориентировавшись с изучения только политических событий на исследование «истории культуры» и «древнего быта», обратились за помощью к археологии как исторической дисциплине. Такие изменения Л. С. Клейн связывает с социальными сдвигами, общей демократизацией, пробуждением интереса к родной старине, представлением о единстве культуры народа и т. д.⁴⁴.

В результате, в магистерской диссертации Д. Я. Самоквасова «Древние города России» среди источников появились «свидетельства вещественных памятников — сохранившиеся городища»⁴⁵. Одним из первых в отечественной науке он включил данные археологии и в число источников истории русского права, что нашло отражение и в его педагогической деятельности.

Начиная со второй половины XIX в. наблюдается увеличение роли университетов в развитии археологического знания. «Вещественные памятники» все чаще рассматриваются в курсах по истории, искусствоведению, палеонтологии и другим дисциплинам. Примером такого рода могут служить лекции старших коллег Д. Я. Самоквасова — историка К. Н. Бестужева-Рюмина и филолога И. И. Срезневского⁴⁶. Д. Я. Самоквасов поддержал их почин и во время своих занятий по истории русского права, по словам Д. Н. Анучина, «...уделял гораздо большее место, чем это вообще принято, данным бытовой археологии, посещал со студентами Исторический Музей, устраивал даже для них раскопки курганов...»⁴⁷.

Широкое привлечение археологического материала, объяснялось энциклопедичностью этой дисциплины и оригинальным определением ее источниковой базы. По мнению профессора, право отражалось как в государственных, так и в «частных» отношениях народа. Исходя из этого, он выделял два вида источников изучения «политико-юридических» отношений: общие и специальные. Специальные — это сборники законов, правил и норм, отдельные акты, прямые указания на нормы права и т. д. К общим средствам относились «летописные указания и нравы, общественный быт и политические события и отношения в древнерусской земле, *вещественные памятники быта наших предков* [курсив мой. — А. Г.], архаические следы в обычном праве русского народа христианского времени, праславянская терминология и выводы сравнительной этнологии»⁴⁸. Не удивительно, что в 2-х выпусках «Истории русского права», в части, посвященной источникам, мы находим отдельный раздел — «Памятники вещественные».

Однако, ни количество, ни качество доступного в начале 70-х годов археологического материала явно не соответствовало уровню тех задач, которые ставились перед ним историками. Перед славяно-русской археологией такие задачи, как определение племенных территорий и времени появления там славян, уровень развития их мате-

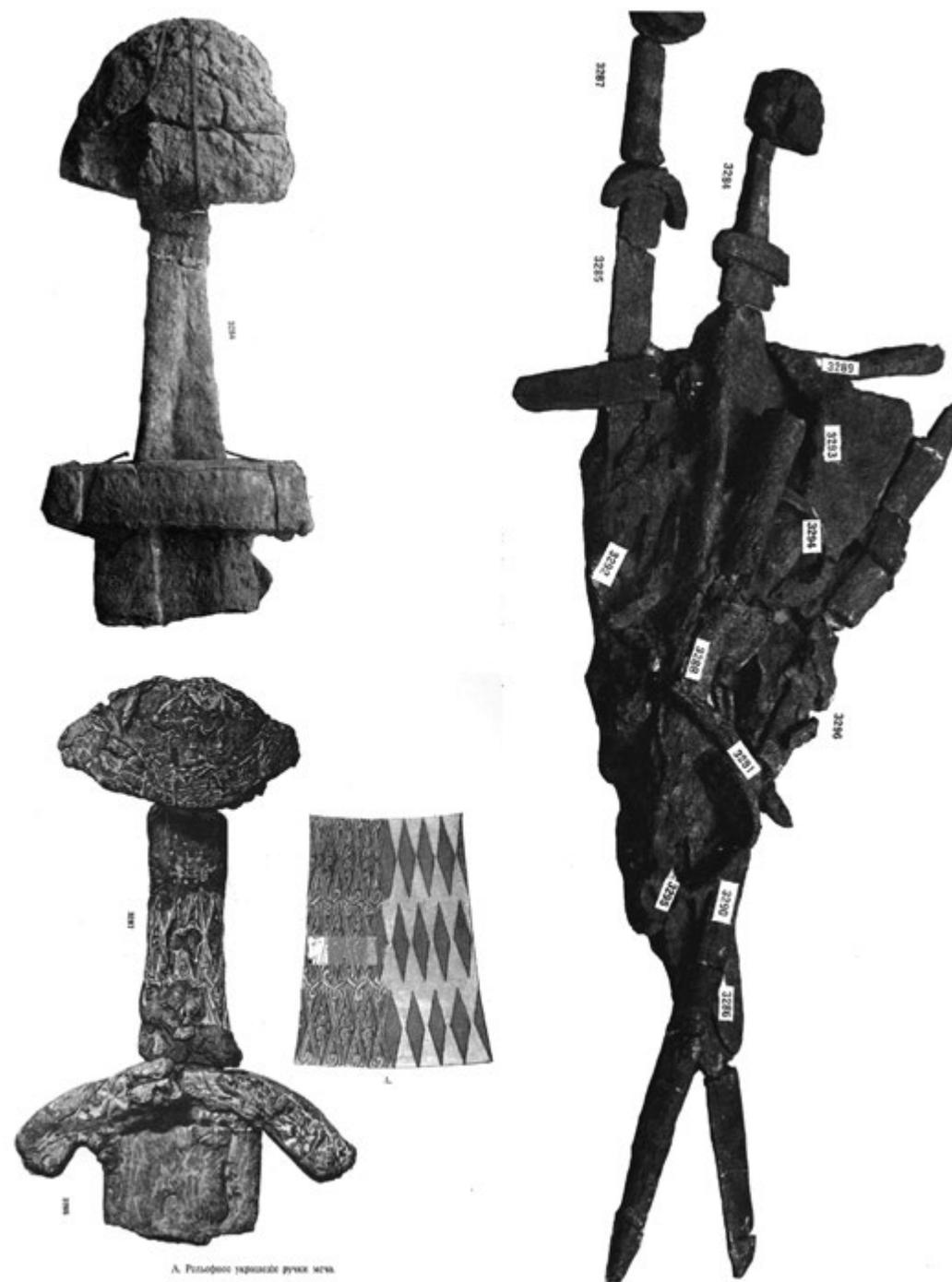

Рис. 11. Курган «Черная Могила». 1872 г. Находки. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

риальной культуры, политических, экономических и культурных связей. По справедливому замечанию Г. С. Лебедева, к решению подобного комплекса задач этот раздел археологии даже в конце 60-х — начале 70-х гг. еще не был готов⁴⁹. Связано это было с отсутствием целенаправленного изучения славяно-русских древностей и, как следствие, отсутствием необходимого фонда источников. Несмотря на то, что к этому времени славяно-русская археология прошла довольно значительный путь развития, она находилась еще на стадии своего становления. По мнению А. А. Формозова, складыванию этого раздела археологии способствовало повышение интереса к русским древностям и подъем национального самосознания в обществе после войны 1812 года⁵⁰. Определяющее же влияние на становление славяно-русской археологии оказали успехи в развитии всего комплекса славяноведческих дисциплин.

Возникновение славяноведения как науки в Европе связывается с деятельностью немецких ученых А. Л. Шлёцера, основоположника критического подхода к истории, и К. Г. фон Антона, который одним из первых начал привлекать все доступные ему источники, в том числе и археологические находки. Использовал материалы археологических раскопок для характеристики быта и обычаев древних славян и Й. Домбровский. На рубеже XVIII—XIX вв. накопление знаний о славянах позволило Гердеру сформулировать философскую основу возрождения славянских народов, создать идеологическую базу для укрепления самосознания славян⁵¹.

Как продолжение этого процесса следует рассматривать и развитие отечественного славяноведения, основы которого были заложены Н. М. Карамзиным. В «Истории государства Российского» им затрагивались вопросы происхождения славян, расселения славянских племен и их отношений с другими народами, характеризовались общественное устройство, быт, религия, язык и т. д. Именно этим ученым «впервые был очерчен широкий круг взаимосвязанных проблем, составивших содержание особых, новых разделов славянской истории, а затем и славянской археологии»⁵². На развитие славяно-русской археологии оказала влияние деятельность и таких организаций как «Общество истории и древностей Российских» при Московском университете и «Вольное общество любителей российской словесности» в Петербурге, а также научные путешествия ряда русских славистов по славянским землям, в результате которых установились тесные контакты с ведущими учеными этих стран: П. Шафариком, Й. Домбровским, В. Ганкой, Ф. Палацким⁵³. Необходимо отметить и значительный вклад исследователей проводивших самостоятельные археологические изыскания, — это З. Д. Ходаковский, В. В. Пасек, Е. А. Болховитинов и некоторые другие.

В первой половине XIX века в славяноведении, включавшем целый ряд субдисциплин (языкознание, фольклористику, этнографию, историю), в том числе и археологию, процесс дифференциации еще не был завершен⁵⁴. Видимо, данный факт оказал влияние и на распространение расширительной трактовки понятия «археология», воспринимаемой как наука о «древностях»⁵⁵. Наглядно это проявилось в деятельности отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, создание которого воспринималось как важная веха в становлении славяно-русской археологии⁵⁶.

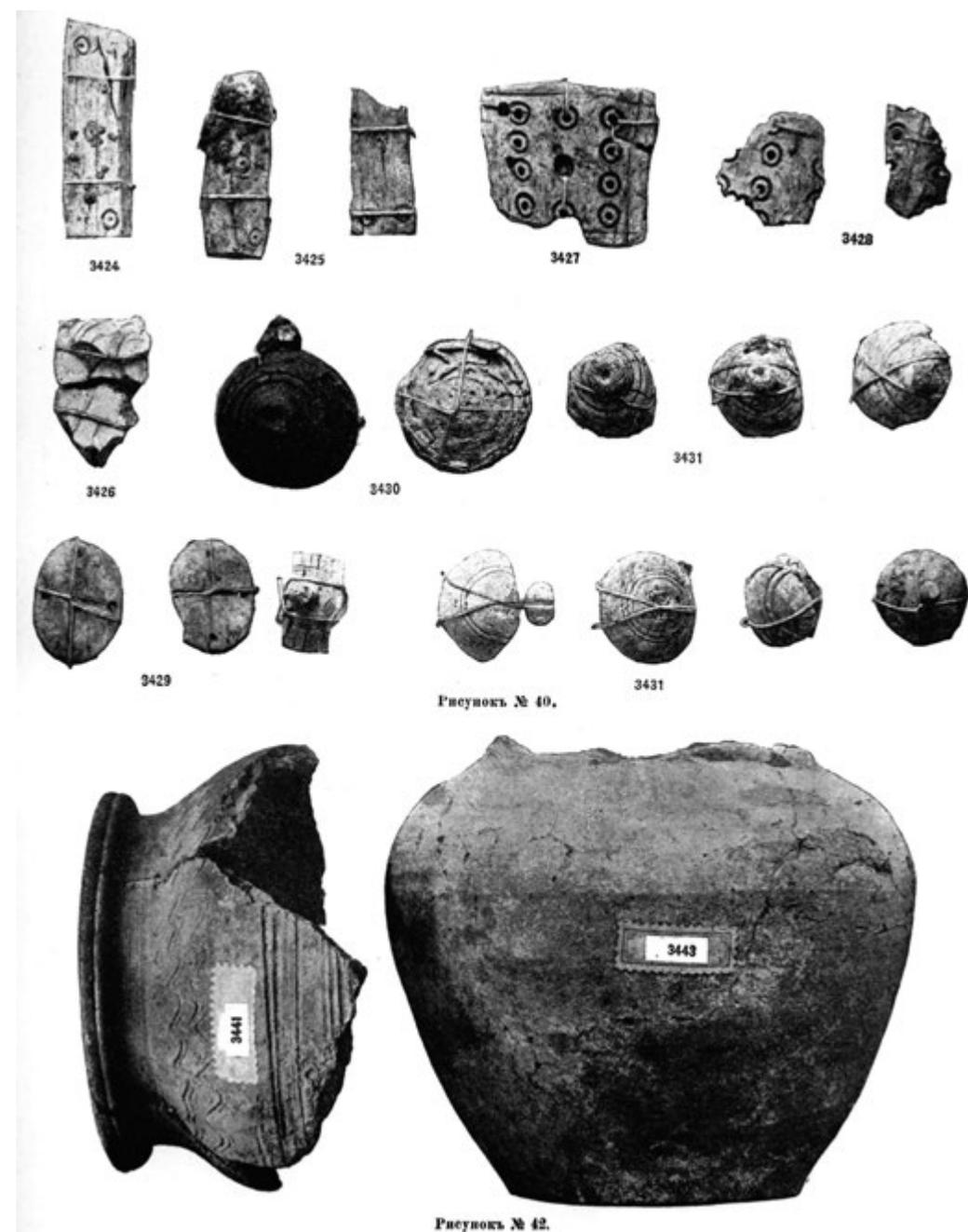

Рис. 12. Курган «Черная Могила». 1872 г. Находки. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

Свою роль в развитии этого отдела археологии сыграла и политика государства на «укрепление» и «консолидацию русского начала», проводимая со второй половины XIX в.⁵⁷. Усиление внимания государства к истории русского народа оказало значительное содействие успехам славяноведческих дисциплин.

Акцент на изучение «русских» древностей просматривается и в деятельности созданного в 1864 г. Императорского Московского археологического общества (ИМАО). Славяно-русские древности, в современном понимании термина, стали рассматриваться в рамках «русской археологии», которую основатель общества и наиболее авторитетный «археолог» того периода А. С. Уваров определял «...как науку, занимающуюся исследованием древнего русского быта по памятникам, оставшимся от народов, из которых сперва сложилась Русь, а потом Русское государство»⁵⁸. Включалось в задачи этой науки и изучение памятников «первобытной археологии». «...Мы не в праве отрицать а priori всякую связь между этими народами первобытной эпохи с нашими историческими племенами...» — писал Уваров⁵⁹. При этом продолжались споры о предмете и объеме археологии, а ряд исследователей даже отказывали ей в праве на существование в качестве самостоятельной науки.

Наиболее наглядно это проявилось во время дискуссии I—III АС⁶⁰. По главному вопросу — определение предмета археологии, ее целей и задач, отношению к истории — сложились две основных позиции: 1) археология — это самостоятельная наука, отличная от истории, хотя характер отличий трактовался по-разному; 2) предмет археологии не отделялся от предмета истории, они либо сливались, либо находились в соподчинении. Большинство участников съезда поддержали вторую трактовку. Это можно связывать с господством «бытописательной»⁶¹ или «историко-культурной»⁶² парадигмы, когда под «археологическим памятником» понимался «...только тот остаток вещественный, только то письменное известие или устное сведение, которые поясняют нам культурное состояние древнего быта какого-либо народа в известную эпоху»⁶³.

Однако, несмотря на то, что определение археологии как науки занимающийся «исключительно памятниками вещественными» было объявлено «узким» и «несостоятельным»⁶⁴, после III АС постепенно укрепляла свои позиции первое направление, причем в форме, отвергнутой большинством участников съезда, через увязку предмета с особым видом источников. Следует согласиться с М. В. Аниковичем в том, что эти изменения в определении археологии происходили не из-за новых теоретических посылок, а из-за изменений в археологической практике⁶⁵.

Подтверждает последний тезис и творчество Д. Я. Самоквасова. В начале своих археологических занятий он явно находился под влиянием воззрений графа Уварова, с которым у него установились тесные научные и дружеские контакты. В его работах мы не найдем определения археологии как науки, но обращает на себя внимание терминология, применяемая для обозначения археологического материала в 70- гг. Употреблялись термины «памятники древности, скрытые под землей», «древние земляные насыпи»⁶⁶, «памятники жизни»⁶⁷, «вещественные памятники»⁶⁸ и т. п. В этом списке нет ни одного обозначения с термином «археологический». На наш взгляд, это свидетельство того, что, в общем, разделяя точку зрения Уварова на предмет и объем археологии, Д. Я. Самоквасов, на практике оперировал не «археологическими памят-

Рис. 13. Курган «Черная Могила». 1872 г.
Находки. (См.: Могильные древности
Северянской Черниговщины. М., 1917)

никами» Уварова, а «памятниками вещественными», которые рассматривались как исторические источники.

Восприятие Д. Я. Самоквасовым вещественных памятников, четко просматривается в его позиции по вопросам сохранения археологического наследия: «До новейшего времени не принимали мер к сохранению древних земляных насыпей по неведению, не знали, что они интересны для истории»⁶⁹. Положение дел в этой сфере, ученый констатировал следующим образом: «...до сих пор мы сохраняли очень мало, а теряли очень много»⁷⁰. Он видел несколько причин уничтожения «драгоценнейшего из национальных имуществ, национальных древностей». Большинство памятников историко-культурного наследия, и это прекрасно понимал ученый, погибали в результате хозяйственной деятельности, масштабы которой с началом «великих реформ» и перехода страны к капитализму стали быстро увеличиваться⁷¹. «...Эти памятники, — писал он А. А. Котляровскому, — со времени уничтожения у нас крепостного права, поступив в частную собственность крестьян, дорожащих каждым клочком земли, распаиваются и уничтожаются в чрезмерном количестве...»⁷². На его глазах исчезали сотни насыпей, поэтому он призывал, если не исследовать (было ясно, что это громадный труд и он не под силу одному поколению ученых), то хотя бы сохранить «богатство археологических памятников» в России, которую могла ждать участь более густонаселенной Западной Европы⁷³.

Однако каких-либо эффективных мер сам Д. Я. Самоквасов не предлагал, да и пока не ставил перед собой задачи найти способы борьбы с кладоискателями или

крестьянами, распахивающими курганы и городища⁷⁴. В большей степени его интересовало противодействие раскопкам, проводившимся с научными целями, но людьми, не имеющими специальной подготовки. Такие раскопки он также считал уничтожением исторических памятников. На одном из заседаний МАО, после доклада А. С. Уварова о работе, созданной в 1870 г. комиссии по охране древних памятников, Д. Я. Самоквасов заметил, что и курганы принадлежат к числу важнейших исторических памятников и «требуют так же самой заботливой охраны»⁷⁵. Но особенно он подчеркнул вред, наносимый «неумелыми, ненаучными» раскопками, проводимыми людьми, не имеющими специальной подготовки.

Свой вариант решения обозначенной выше проблемы Д. Я. Самоквасов озвучил на IV АС в Казани в реферате «О причинах непроизводительности для науки уничтожения древних земляных насыпей и о мерах к предупреждению бесплодных для науки раскопок курганов и городищ». Ученый выделял четыре вида таких раскопок — распашка, случайные раскопки, раскопки кладоискателей и раскопки лиц не подготовленных. Подробно Д. Я. Самоквасов касался научных исследований. Он считал бесполезными для археологии раскопки естествоиспытателей, не обращающих должного внимания на особенности погребального обряда, вещи и др. данные. Выступал археолог и против поручения научными обществами раскопок лицам, не имеющим специальной подготовки. Он настаивал на необходимости разработки правил для производства раскопок, которые должны были обязывать соблюдение четырех условий: «1) Раскопки древних памятников могут быть производимы не иначе, как с ученой целью, и с разрешения археологических учреждений и археологических обществ. 2) Лица, получающие право на производство раскопок, должны строго руководствоваться общеобязательной инструкцией и для доказательства того должны представить по окончании работ отчет и журнал, веденный во время раскопок, в то место, откуда получено разрешение на работы; но пользоваться этими документами означенные учреждения и общества могут только с согласия автора. 3) Инструкция для производства раскопок, утвержденная III Археологическим Съездом, предлагается общеобязательная, но должна пересматриваться в каждом съезде и утверждаться им до следующего съезда. 4) Лица, не исполнившие требования инструкции, утвержденной Археологическим Съездом, и не представившие удовлетворительных отчетов о произведенных ими раскопках, лишаются права раскопки, о чем сообщается учреждением, давшим поручение всем археологическим обществам и ученым учреждениям в России»⁷⁶.

После реферата некоторые участники съезда высказали свои суждения по рассматриваемому вопросу, в которых, в общем, разделяя соображения Д. Я. Самоквасова, предложили ряд дополнений. Л. К. Ивановский указал на то, что памятники гибнут не столько от ненаучных раскопок, сколько от природных условий, например в результате разлива рек, и призвал ускорить их исследование. С целью привлечения средств он предлагал создавать частные общества по примеру «Английского общества исследования исторических памятников Палестины». А. С. Гацисский выступил против поручения волостным правлениям археологических исследований. В. В. Радлов обратил внимание на разрушение курганов кладоискателями. Он заявил, что ад-

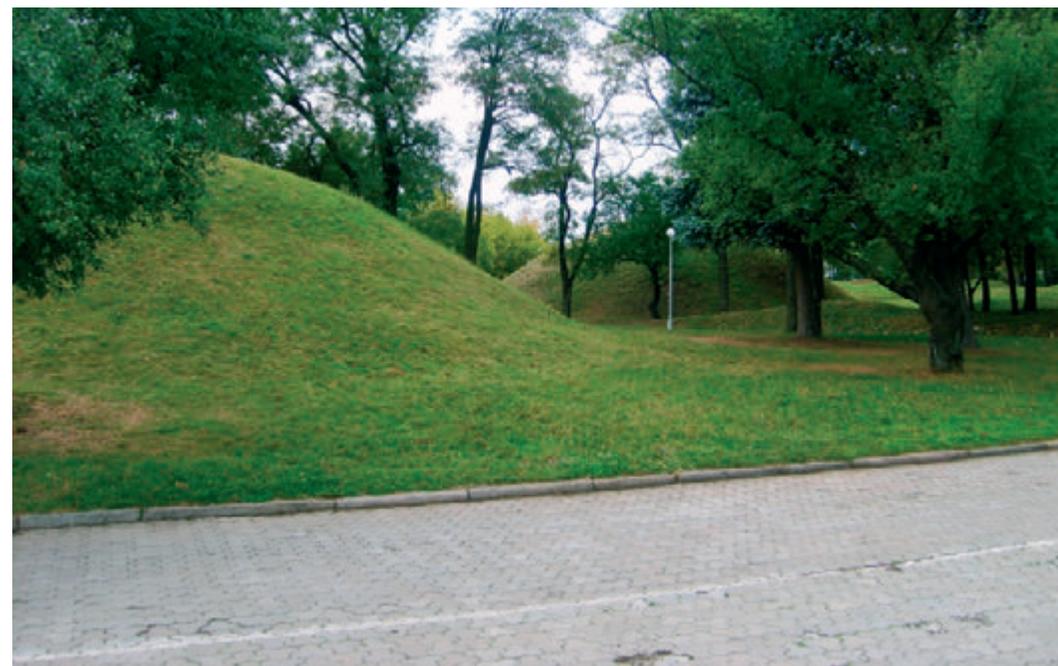

Рис. 14. Курганы «Гульбище» и «Безымянный». Современный вид. Фото автора

Рис. 15. Курганы на Болдиной горе. Современный вид. Фото автора

министративными мерами эту проблему не решить и высказался за усиление деятельности археологических обществ, которые могли бы найти по одному человеку в каждой губернии и поручить ему слежение за сохранением памятников. Д. Я. Самоквасов же еще раз подчеркнул большой вред для науки раскопок, проведенных неподготовленными людьми, которые не только разрушают объект, но и приводят к ложным выводам. По предложению А. С. Уварова собрание съезда представило министру народного просвещения разработки Д. Я. Самоквасова, которые должны были дополнить проект правил комиссии по сохранению вещественных памятников древности⁷⁷. Речь идет об учреждении органа с центром в столице и округах на местах. В 1876 г. в Министерстве просвещения даже подготовили закон, по образцу европейского, но он так и не был принят⁷⁸.

Чтобы препятствовать исследованиям, не соответствующим «современным требованиям исторической науки», Д. Я. Самоквасова даже в своем учебнике по истории русского права помещал подробные методические рекомендации для производства раскопок. К таковым он относились не только работы естествоиспытателей, которых интересовали главным образом кости, но и работы «археологов», цель которых — добыть вещи⁷⁹.

При этом заниматься раскопками, по его мнению, должны были только люди, имеющие историческую подготовку. Показательный случай, датированный 1876 г., описал в своем дневнике И. Е. Забелин: «Затем в воскресенье он [Д. Я. Самоквасов. — А. Г.] читал в Антропологическом обществе, которое обругал, что портит только курганы. Был, говорят, скандал»⁸⁰. Тем не менее, это не помешало его дальнейшему плодотворному сотрудничеству с обществом и его основателем А. П. Богдановым⁸¹.

Одновременно с требованиями запрета не научных раскопок, он призывал историков и историков-юристов к масштабным полевым исследованиям, в которых видел один из основных способов сохранения этих важнейших исторических источников. Сам Самоквасов прилагал серьезные усилия в этом направлении.

Однако «вещественные памятники» требовали специальных методик и методов изучения, специфического понятийного аппарата, что, в конечном счете, и привело к самоопределению археологии как отдельной науки. Именно «археологический источник», по мнению современных исследователей, как одно из фундаментальных понятий археологической науки, иерархически высшая категория, и позволяет рассматривать науку о древностях как самостоятельную⁸². Некоторые из них даже сводят проблему развития археологической мысли к проблеме основного археологического источника. Так, археологическая наука, по мнению А. В. Жука, становится самостоятельной, если ей соответствует «археологическое сознание», для которого вещь есть исторический источник⁸³.

Поэтому изменения во взглядах Д. Я. Самоквасова на археологические источники приобретают первостепенное значение при решении вопроса о понимании им археологии как науки.

В первом выпуске своей «Истории русского права» (1878 г.) ученый в число «вещественных памятников» включал «... древние могилы, остатки древних селитьб, монеты, гербы и пр.»⁸⁴. Фактически же в его первых работах анализировались только го-

Рис. 16. Курганы «Гульбище». Находки. 1872 г.
(См.: Могильные древности Северянской
Черниговщины. М., 1917)

родища и курганы с их внутренним устройством и содержанием. Основным объектом фиксации при раскопках, например курганов, для Д. Я. Самоквасова, в отличие от предшественников, были не одни вещи, в большинстве случаев воспринимаемые как произведения искусства, а внешнее и внутреннее устройство погребения в целом. Это доказывает то, что в качестве археологического источника использовались городища, без вычленения на них каких-либо объектов, и погребальный обряд, отождествляемый ученым с курганом в целом⁸⁵. А. В. Жук определяет подобные источники как «археологические комплексы» и справедливо считает такой подход наиболее характерным для большинства исследователей этого периода⁸⁶.

Используемое понятие следует отличать от современного понятия «археологический комплекс». К нему пришли через отдельные археологические источники (вещи, находки, артефакты)⁸⁷. В рассматриваемом же случае приходится говорить только о начале такого пути, когда «комплекс» выступал основным источником вслед-

ствии недостаточной разработанности археологического источниковедения. В работах Д. Я. Самоквасова 70-х гг. отдельная вещь еще не выступала ведущим хроноопределяющим и этноопределяющим признаком. Такой подход был характерен для представителей «историко-культурного направления» в отечественной археологии. Как верно подчеркивает Н. И. Платонова: «...в первые десятилетия развития историко-бытового направления на передний план выступало именно изучение контекстов, комплексов находок с точки зрения их хронологии и историко-этнографической реконструкции»⁸⁸.

Взгляды Д. Я. Самоквасова не оставались статичными, и прежде всего, это следует связывать с масштабными полевыми исследованиями. Если в первой половине 70-х гг. им копались славянские курганы, содержащие, как правило, одно захоронение, то со второй половины десятилетия среди объектов исследований оказались и большие курганы с несколькими одновременными захоронениями. Только в кургане «Бесчастливая могила» на р. Конке их было встречено четырнадцать⁸⁹. В результате курган стал восприниматься как могильник. В работах 80-х гг. фиксируются и другие изменения. Так, к «памятникам вещественным» Д. Я. Самоквасов теперь относил «...имущественные клады, городища, могилы, предметы культа, орудия добывания средств питания, вооружения, одежда, орнамента костюма и всякого рода вещественные предметы, составляющие обстановку домашней и общественной жизни наших предков»⁹⁰. Однако если клады широко привлекаются в его исторических исследованиях⁹¹, то об отдельных находках этого сказать нельзя.

Обращает на себя внимание появление новых терминов для определения археологического источника. Во втором выпуске «Истории русского права», посвященного проблеме этногенеза славян, он указывал: «В решении вопроса о происхождении наших предков мы пользовались... и фактами археологическими, открытыми в скифской и славянской земле» [курсив мой. — А. Г.]⁹². В этом определении просматривается сужение значения термина «археологический», по сравнению с тем, которое вкладывал в него А. С. Уваров, и применение его только к материалам, полученным в ходе раскопок. Отход от расширительной трактовки археологии как науки еще более наглядно читается в других работах ученого: «Славяно-русская археология дает возможность показать и определить формы, состав и способы изготовления многих предметов древнего домашнего и общественного быта, неизвестных литературным памятникам или известных им только по названиям. Археология исправляет, поясняет темные и дополняет неполные известия литературных памятников, отрицая одни из них и давая другим значение положительных исторических фактов» [курсив мой. — А. Г.]⁹³. Эти цитаты, с одной стороны, свидетельствуют об ограничении числа источников «археологии» ископаемыми остатками жизнедеятельности человека, с другой — иллюстрируют ее понимание как источниковедческой исторической науки. Кроме того, употребление термина «славяно-русская археология» можно рассматривать как стремление к выделению особого раздела отечественной археологии. Если А. С. Уваров под «русской археологией» подразумевал науку, изучающую памятники всех народов входивших в состав Российской империи, то Д. Я. Самоквасов, вводя термин «славяно-русская археология», делал акцент на этнической при-

Рис. 17. Курганы «Гульбище». Находки. 1872 г.
(См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

надлежности предмета этого раздела науки. Сам термин следует рассматривать как производное от определения «Русские Славяне» (отсюда «славяно-русы», «древнерусские Славяне» и т. п.), которое использовалось Д. Я. Самоквасовым для обозначения великороссов, малороссов и белорусов, и имело достаточно широкое хождение в исторической литературе того времени⁹⁴. Придавая этнический оттенок этому понятию, Д. Я. Самоквасов увязывал его хронологические границы с проблемой происхождения восточных славян. Поскольку их предков он видел уже среди скифских племен, то и скифо-сарматская археология, в современном ее понимании, включалась в «славяно-русскую археологию». Как, впрочем, и сообщения Геродота были одним из главных источников древнейшего периода истории русского права. Не удивительно, что он призывал А. А. Бобринского поспешить с организацией систематического

изучения не только собственно «славяно-русских древностей», но всего «скифо-славяно-русского мира»⁹⁵. В территориальном плане объектами «славяно-русской археологии» определялись, прежде всего, памятники «внутренних» или «центральных» губерний Российской империи, которые и в научной литературе, и официальных документах того времени, считались историческим и культурным ядром государства⁹⁶. «Для славянорусской археологии находка в содержании варварской могилы на берегах Днепра, Роси, Суллы, Десны и пр. обломка греческого терракотового сосуда или римской шпоры более важна, нежели находка обыкновенной формы золотого венка в могильной обстановке Грека под Панतिकопеей или Фанагорией» — писал Д. Я. Самоквасов в 1886 г.⁹⁷.

В связи с вышесказанным интерес представляет следующее высказывание, содержащееся в статье, посвященной «археологическому богатству» Малороссии: «Размеры настоящего очерка не позволяют мне остановиться на подробной оценке научного значения изложенных фактов, а равно и на вопросах более частных: сравнении форм древних памятников... с формами подобных памятников, открытых в других местностях, их материале, способах изготовления и употребления и пр.»⁹⁸. Следует обратить внимание на отнесение к более частным вопросам изучение формы и материала памятника, их сопоставление с такими же признаками других артефактов. В выделение этих процедур в отдельную группу можно увидеть тенденцию к ограничению предмета археологии исследованием вещей.

Выделение Д. Я. Самоквасовым «славянорусской археологии» стало следствием осознания им специфики «славянорусских древностей», необходимости в науке, точнее ее отделе, изучающем эти важнейшие источники «древнейшего периода русской истории и истории русского права». Отмеченные в работах этого ученого тенденции можно рассматривать как важный шаг к выделению славяно-русской археологии как части науки об ископаемых остатках жизнедеятельности человека, оформившейся уже в начале XX в.

Между тем, конец XIX — начало XX в. — один из самых сложных и противоречивых периодов в развитии отечественной историографии. С 90-х гг. XIX в. исследователями констатируется теоретико-методологический кризис, как в истории, так и в археологии. В исторической науке кризисные явления проявились в рождении на основе позитивизма нового течения — «критического позитивизма». Оно характеризуется повышением роли познающего субъекта, учетом специфики истории как общественной науки, утверждением относительности исторических истин, признание повторяемости основных элементов и стадий в общественно-историческом процессе, возросшим вниманием к социально-экономическому фактору в развитии древних обществ, отказом от теории исторического прогресса и модернизацией древней истории⁹⁹. Особое значение «критические позитивисты» придавали историко-сравнительному подходу к общественным явлениям, на базе которого и формировали свои взгляды на исторический процесс, при этом широко обращаясь к новым материалам, предоставленным археологией¹⁰⁰.

В отечественной археологии причинами теоретико-методологического кризиса называются резкое превосходство нарастающего количества материала над познава-

Рис. 18. Курганы «Гульбище». Находки. 1872 г. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

тельными и организационными возможностями научных школ, а также дифференциация существовавших подходов, совпавшая с осознанием качественной специфики археологического источника¹⁰¹. Последнее и стало следствием превращения вещи в главный объект археологического изучения и ограничения предмета археологии ископаемыми свидетельствами жизнедеятельности человека¹⁰². Преодоление кризиса связывается с началом систематизации накопленных материалов, что позволило «... осветить новые теоретические понятия, оперировать типами и культурами в эмпирических исследованиях»¹⁰³. Кроме того, получают распространение диффузионизм и миграционизм, характерные для «этнологической парадигмы», теснившей парадигму «эволюционистскую»¹⁰⁴.

Любопытно, что в эти важные для развития археологии годы Д. Я. Самоквасов отходит от активной археологической деятельности и обращается к проблемам архивоведения¹⁰⁵. Однако археология осталась в сфере научных интересов ученого. Он принимал участие в организации и проведении археологических съездов, поддерживал переписку с ведущими археологами этого периода¹⁰⁶, т. е. был осведомлен о новейших достижениях этой науки. Кроме того, как показано выше, отдельные признаки, характерные для нового периода развития этой науки, фиксируются уже в более ранних историко-археологических работах Д. Я. Самоквасова. Среди них можно назвать широкое использование историко-сравнительного метода, употребление археологического материала как важного исторического источника. Собственно сам Д. Я. Самоквасов, его открытия и накопленный им фонд источников, в немалой степени способствовал изменениям в археологии.

Отмеченные теоретико-методологические сдвиги конца XIX — начала XX в., коснулись и подходов к понятию «археологический источник». В качестве вещественного источника все чаще стали выступать не только комплексы, городища и погребения, но и отдельные, в том числе и рядовые, находки. «...Каждый предмет и даже каждый обломок бытового изделия в содержании кострища представляет собою исторический факт, разрушение и потеря которого может быть очень важною утратою для русской археологии и истории» — отмечал Д. Я. Самоквасов¹⁰⁷. Встречается теперь в его работах и термин «археологический источник». Устанавливая причину расселения восточнославянских племен из своей степной прародины, ученый приходил к выводу, что «фактического ответа на этот вопрос нужно искать в *источниках археологических*, — в наслоении могил русской прародины», определив «раскопками какой народ жил в области бассейнов Сулы и Роси...» [курсив мой. — А. Г.]¹⁰⁸. Контекст употребления этого термина свидетельствует, что здесь речь идет об ископаемых остатках жизнедеятельности человека.

Более четко проявила себя и тенденция ограничения объектов исследования археолога ископаемыми «древностями» и их «формами»: «Древности, извлеченные из жилищ и могил неизвестных времен и народов, безгласны для историка, хотя их формы могут быть интересны для археолога; наоборот, бытовые изделия, извлеченные из могил и жилищ известных мест, времен и народов, могут и должны служить фактической основой исторического знания, перед которой должны смолкнуть свидетельства летописных памятников, несогласные с фактическим вещественным материалом»¹⁰⁹.

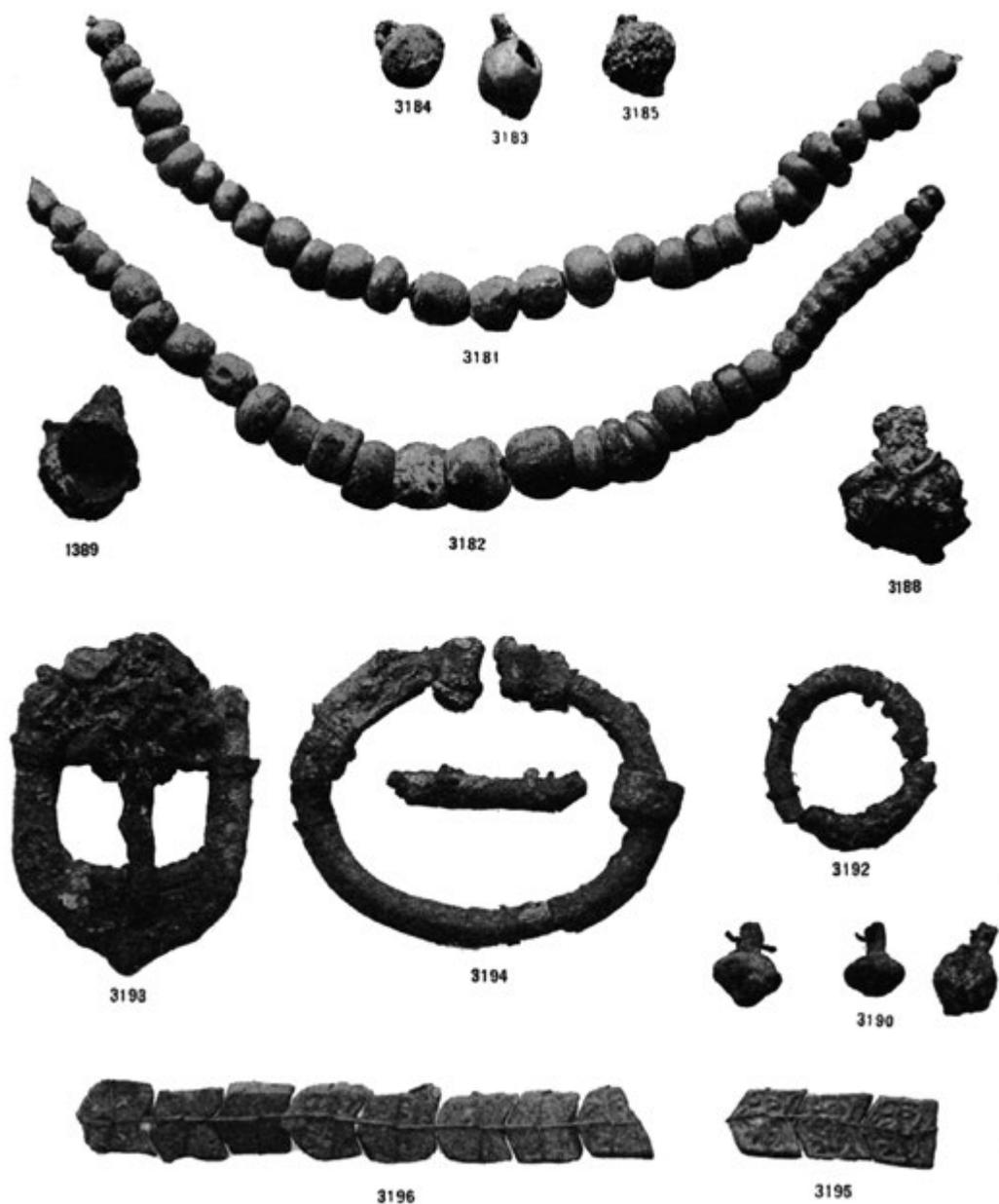

Рис. 19. Курганы «Гульбище». Находки. 1872 г. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

Была им опубликована и специальная работа «Программа курса лекций по русской археологии»¹¹⁰. Курс читался им в МАМЮ по собственной инициативе. В небольшой по объему брошюре приводилась его классификация археологических памятников, указывались крупнейшие отечественные и зарубежные археологи, археологические учреждения России, частные коллекции, методика раскопок¹¹¹. Развернуто своих подходов к определению объема археологии он не излагал, но структура этой работы однозначно свидетельствует об отходе от ее расширительной трактовки.

Отмеченные подходы Д. Я. Самоквасова к определению археологии, отражают тенденции, получившие развитие в работах ведущих археологов этого времени. У А. А. Спицына археология выступала и как отдельная дисциплина, изучающая развитие «внешнего быта народностей» (историю материальной культуры), и как часть истории (синтетическая наука аккумулирующая данные разных источников). Его работы — соединение двух традиций — историко-культурной, с ее акцентом на изучении исторического контекста, и художественно-исторической, уделяющей приоритетное внимание формальному и технологическому анализу вещей¹¹². В. А. Городцов рассматривал археологию как науку, состоящую из взаимосвязанных компонентов, цель которых — познание событий, «сопровождающих жизнь вымерших поколений человечества, поскольку эти события выражались в вещественных творениях...». Ее задачи он видел в том, «... чтобы отыскать и понять закономерность условий возникновения и изменения форм творения, ... выяснить взаимную связь этих форм, ... указать их распространение во времени и пространстве»¹¹³. При таком подходе важная роль Городцов отводил упорядочиванию материала, что выразилось в создании собственного варианта классификации¹¹⁴.

Признаком самостоятельности археологии как науки считал наличие собственной классификации и Д. Я. Самоквасов: «Каждая наука начинается классификацией своего материала; должна приступить к этому и русская археология; если для научной классификации могильных древностей «недостаточно фактов» ныне, когда наши музеи переполнены фактическим материалом, то мы никогда не будем иметь и науки археологии» — отмечал он 1902 г.¹¹⁵.

Сам Д. Я. Самоквасов уже с конца 70-х гг. уделял разработке этой проблеме повышенное внимание. Первую попытку классификации древностей он предпринял в статье «Вещественные памятники древности в пределах Малороссии», подготовленной к Московской Антропологической выставке 1879 года. Практически в том же виде статья была перепечатана в одном из томов фундаментального издания «Живописная Россия», под заголовком «Археологическое богатство Малороссии»¹¹⁶.

В этих работах, рассматривались в «исторической последовательности памятники эпохи каменной культуры, памятники эпохи бронзовой культуры и памятники эпохи культуры железной»¹¹⁷. К первой из них Д. Я. Самоквасов относил четыре вида памятников: 1) «Расколотые человеком кости мамонта и современные мамонту человеческие орудия»; 2) «следы общественных поселений...»; 3) могилы каменной эпохи и 4) «клады и случайные находки отдельных предметов...»¹¹⁸. Наличие в Приднепровье эпохи бронзы ставилось Д. Я. Самоквасовым под сомнение, но ее открытие в других регионах склоняло к преждевременности такого вывода¹¹⁹. Представляется, что

в этом случае над ученым довлел характерный для эволюционистов закон «единства человечества», согласно которому смена эпох происходила во всей ойкумене практически одновременно¹²⁰. К эпохе «железной культуры» относились памятники не позднее VI в. до н. э. (упоминание Геродота о скифах) и до X в. н. э. (времени распространения христианства). Все они делились на скифскую и славянскую эпохи, рубежом между которыми был VI в. н. э.

Прежде всего, необходимо определить является ли «хронологическая классификация» Самоквасова археологической, или это только историческая периодизация. Л. С. Клейн показал, что к понятию, под которым мы понимаем «археологическую периодизацию», более применим термин «хронологическая классификация»: «Это классификация комплексов и археологических культур, построенная так, чтобы в ней наиболее адекватно отразился прогресс техники. Для такой цели избран один из аспектов этого прогресса — наиболее удобный для прослеживания и ранжирования по археологическим остаткам»¹²¹. Терминология похожа, но лежал ли в основе группировки материала Д. Я. Самоквасовым технологический критерий?

Сам ученый указывал, что он следовал «... принятой в археологии классификации древнейших следов человеческой культуры...»¹²². Однако под терминами «памятники эпохи культуры» он имел ввиду исторические эпохи. Так, эпоху каменной культуры ученый начинал с «отдаленнейшего времени» совместного существования человека и мамонта, а заканчивал первыми сообщениями исторических источников. На основании сообщений письменных источников определялись и границы эпохи желе-

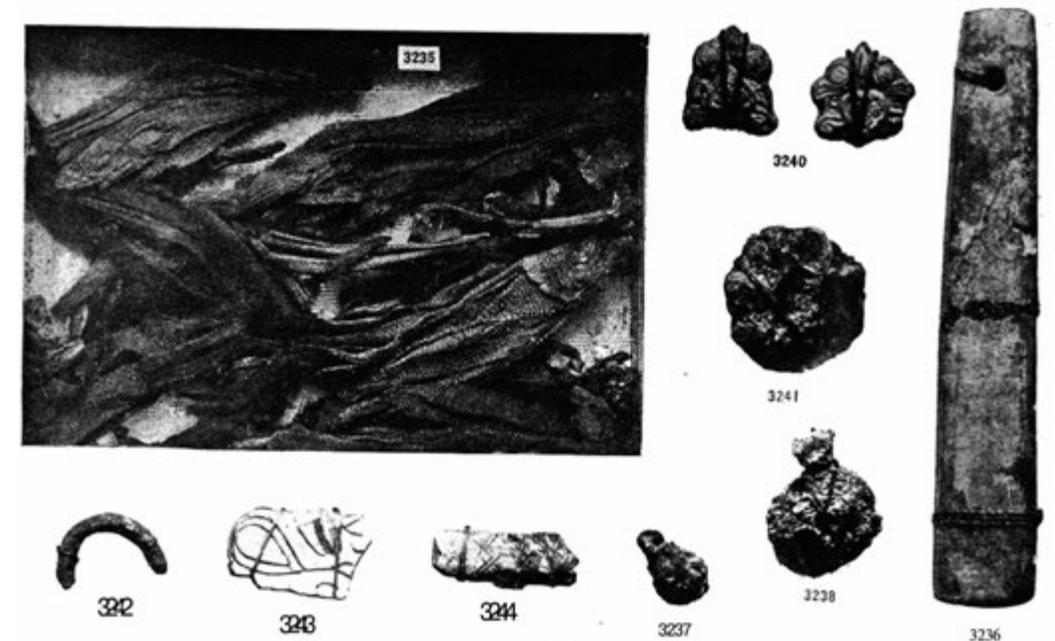

Рис. 20. Курган «Безымянный». Находки. 1872 г. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

за, и деление внутри нее. Тем не менее, основанием для отнесения выступал преобладающий материал — камень, бронза, железо, т. е. сами памятники группировались по технологическому критерию, как и система «трех веков» Томсона-Ворсо, лежавшая в основе этой периодизации. Эта систематизация представляет собой распределение археологического материала по историческим эпохам, но прежде чем распределить памятники каменной, бронзовой и железных «культур» по эпохам, они относились либо к каменному, либо к бронзовому, либо к железному веку. Основание для этого, как собственно и для сопряжения со «славянской» или «скифской» эпохами, служили состав, форма и материал вещей в комплексах, стратиграфические наблюдения. Таким образом, прежде чем распределить материал по историческим эпохам, он членился по «векам» археологическим, а уже потом соотносился с исторической хронологией. Вот здесь и обнаруживалась специфика археологии как науки. Ведь конечная цель и современной археологии — выход на исторические реконструкции, но сегодня этому предшествует более развитая внутренняя и внешняя критика археологического источника, и только тогда он переходит в разряд исторических.

Подчеркивая связь археологической и исторической периодизаций, Д. Я. Самоквасов в названиях исторических эпох использовал принятую археологическую терминологию. Большое значение приобретает определение понятия, вкладываемого при этом в термин «культура». Прежде всего, этот термин служил и как средство систематизации «археологического материала», объединял группу древностей, ограниченную пространственно-временными рамками, т. е. в качестве, близком к понятию «эпоха», «период», «цивилизация»¹²³. Подтверждает это синонимичное употребление терминов, «скифская культура» и «скифо-греческая цивилизация»¹²⁴. С другой стороны, по мнению Н. И. Платоновой, в этот период его эквивалентом выступало понятие «древний быт»¹²⁵. В таком же значении употреблялся термин и Д. Я. Самоквасовым, что подтверждают такие определения как «культурный слой почвы отдаленных эпох», «следы культуры человека каменной эпохи» и т. п.¹²⁶. Кроме того, следует подчеркнуть и определенный этнический акцент при применении термина: «Народное богатство составляет культурная обстановка жизни народа, то есть предметы, извлеченные трудом человека из природы и приспособленные к удовлетворению его потребностей; богатство в этом смысле выражает степень культуры народа; чем проще и беднее культурная экономическая обстановка быта данного народа, тем ниже стоит он на ступенях развития цивилизации, тем проще и беднее институты и отношения его государственной и гражданской жизни. К главнейшим предметам искусства, составляющих экономическую обстановку жизни народов и выражающих степень их культурного состояния, принадлежат: частные и общественные жилища, пища, одежда, способы и орудия добывания пищи и одежды, оружие и вооружение и искусственные средства передвижения»¹²⁷.

Прежде всего, для целей хронологической классификации употреблялись и термины «скифская эпоха», «славянская эпоха». Ими обозначались исторические периоды, а не древности отдельного этноса. В связи с этим Д. Я. Самоквасов выделял «памятники славянской эпохи, но неизвестных народностей» и собственно «славянские памятники»¹²⁸.

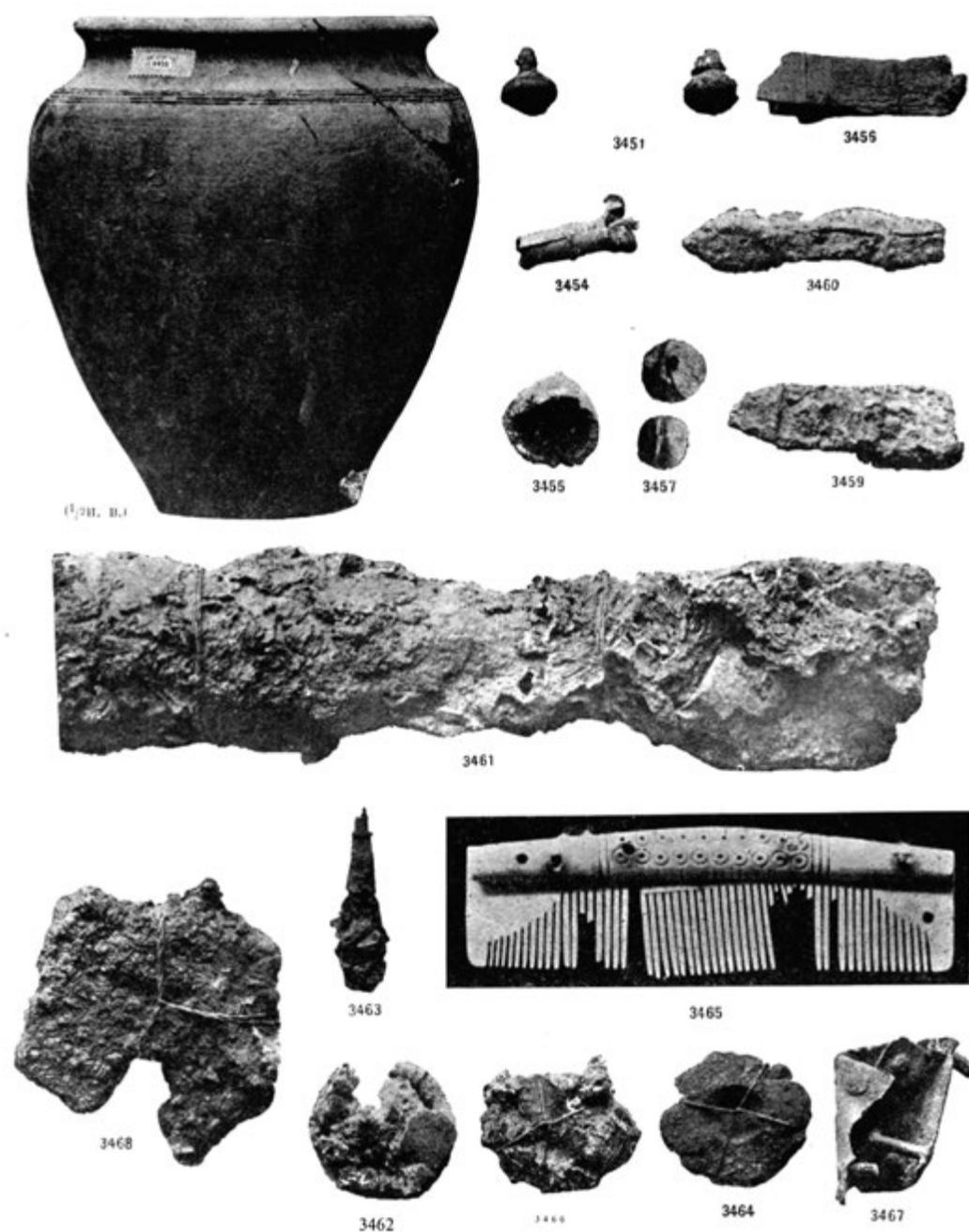

Рис. 21. Курганы у м. Седнев Черниговского уезда. 1874 г. Находки. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

Классификацию, изложенную в «Вещественных памятниках древности в пределах Малороссии» можно рассматривать как одну из первых отечественных попыток уточнения «системы трех веков» для определенного региона, создание ее локального варианта. Примерно в это же время создавали свои хронологические колонки и ведущие западные ученые. Первые попытки разделения, например, каменного века были палеонтологические. Так, Э. Ларте выделял век гиппопотама, пещерного медведя, мамонта и шерстистого носорога и др. В 1865—66 гг. на основе уже технологических критериев были выделены палеолит, неолит и мезолит, а в 1869 г. Г. Мортелье разделил на четыре эпохи палеолит Франции¹²⁹. Можно предположить, что Д. Я. Самоквасов, называя один из видов памятников каменной эпохи «расколотые человеком кости мамонта и современные мамонту человеческие орудия», пытался соединить оба подхода. Предпринимались попытки классификации могил и отечественными учеными. Еще к первой половине XIX в. относится записка П. Дебрюкса «Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи», написанная на французском языке и переведенная В. Г. Тизенгаузенном. Им выделялось шесть видов гробниц, «относящихся к известным народам и временам», к киммерийцам, скифам и грекам¹³⁰. Тому же В. Г. Тизенгаузену принадлежит одна из первых попыток хронологического членения и исторической интерпретации древних погребений степных курганов¹³¹. Видимо, поэтому же пути шел и Д. Я. Самоквасов.

На V AC в Тифлисе, в реферате «Могильные древности Пятигорского округа», четырнадцать раскопанных могильников Д. Я. Самоквасов разделял на три исторические эпохи. Самые древние он отнес к эпохе «бронзовой культуры». Затем следовали могилы народа «железной культуры», которые датировались первыми столетиями до и после Р.Х. и включались в «старо-сарматскую эпоху». Самыми «новыми» из выделяемых могил были погребения «не древнее времени вторжения в Европу монголо-татарских народов», которые назвались могилами «старо-Кабардинского типа»¹³².

Дальнейшей корректировке его взглядов способствовали раскопки 1883—1884 гг. на р. Конке в Екатеринославской губернии. Опубликованы эти раскопки были в трудах VI AC в Одессе¹³³. В реферате все раскопанные курганы были разделены на четыре исторические эпохи. К первой, «древнейшей», относились курганы, содержащие могилы с «утробным или скорченным положением покойников и могильной обстановкою, состоящею только из предметов глиняных, каменных, костяных, медных и различного цвета красок»¹³⁴. Пять насыпей с ограбленными погребениями, датировались первыми веками до н. э. и включались в скифскую эпоху. Девять грунтовых могил с трупосожжениями, были связаны с переходным временем от скифской эпохи к славянской — «временем господства сарматов в области Приднепровья». Погребения четвертого «типа» Д. Я. Самоквасов отнес к периоду господства в южных степях России уже другого народа — татар¹³⁵.

В результате, в «Истории русского права» (1888 г.) все «вещественные памятники», сохранившиеся в пределах «земли славянорусских племен», делились на следующие «группы»: «доисторического времени», «скифской эпохи», «сарматской эпохи», «славянской эпохи», «татарской эпохи»¹³⁶. Критериями этой группировки Д. Я. Самоквасов называл «...различия в устройстве и содержании...». Признаком могил до-

исторического времени считалось присутствие вещей только из кости, камня, глины и меди. Погребения скифской эпохи от них отличало появление предметов из железа и серебра, а при отчленении от последующих эпох определяющим было наличие «предметов греческого искусства» первых столетий до н. э. В сарматскую эпоху выделялись труположения и трупосожжения с «изделиями римского искусства императорской эпохи» первых столетий н. э., в славянскую с монетами VI—XI вв. (распространение христианства) и вещами, отсутствующими в другие эпохи, главной особенностью погребений татарской эпохи стали монеты XIII—XVI вв. Д. Я. Самоквасов, как и в первом варианте, отметил могилы «Славяноруссов», а кроме того, указал на подразделение скифской эпохи на могилы греков и скифов¹³⁷.

Более заверченный вид «хронологическая классификация» Д. Я. Самоквасова приобрела к 1890 г. Теперь археологический материал распределялся по «киммерийской» (до VI века до н. э.), «скифской» (VI—I вв. до н. э.), «сарматской» (I—V вв. н. э.), «славянской» (VI—XI вв. н. э.) и «половецко-татарской» (XII—XVII вв. н. э.) историческим эпохам¹³⁸. По сравнению с предшествующим вариантом расширилась территория охвата, рассматривались памятники, прежде всего, языческие могилы, «надпонтийской» области Европы (южные и центральные области Российской империи), исторические эпохи получили более четкие хронологические границы и более подробное обоснование, у некоторых из них изменились названия.

Перед этой периодизацией Д. Я. Самоквасов ставил две цели: 1) служебную (в данном случае это систематизация музейной коллекции) и 2) исследовательскую.

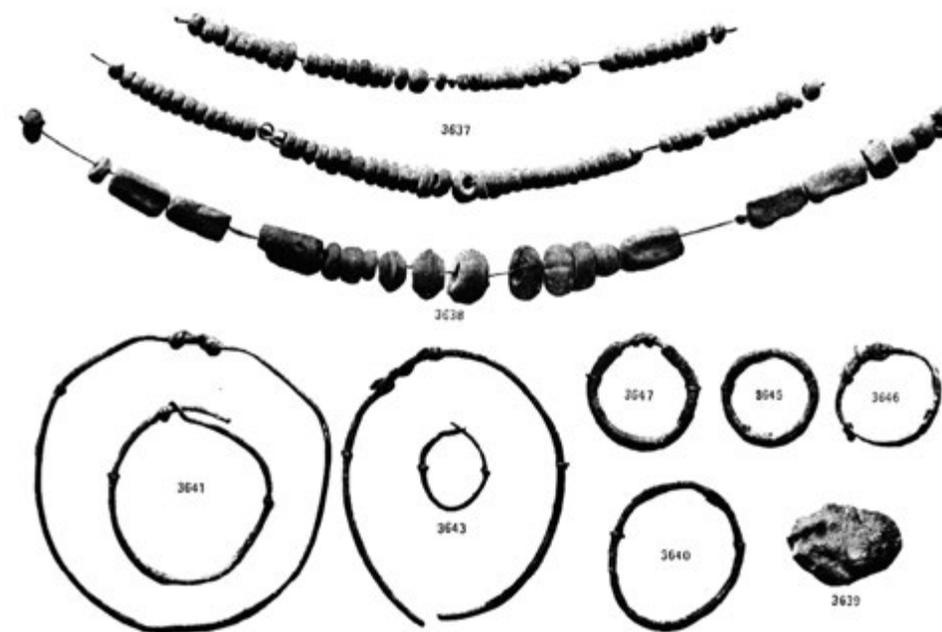

Рис. 22. Курганы у с. Мериновки Стародубского уезда. 1874 г. Находки. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

Подтверждением служит название его книги — «Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей профессора Д. Я. Самоквасова» (1892 г.). И в предшествующих, и в данном варианте группировка строилась, в первую очередь, на материалах собственных раскопок ученого. К 1890 г. им была собрана богатейшая и во многом уникальная коллекция, переданная в 1892 г. в Исторический музей. Вместе с коллекцией поступала на хранение и вышеназванная книга, а экспонирование находок, по условиям Д. Я. Самоквасова, должно было производиться в соответствии с выделенными эпохами. Подробно этот вопрос рассматривается С. П. Щавелевым, который, при этом, дает не совсем верно характеристику сути излагаемой в работах этого периода классификации: «Проще говоря, речь шла о том, каким народам принадлежат различные типы древностей, и как их можно датировать»¹³⁹.

Действительно, Д. Я. Самоквасов широко использует этнографическую терминологию, но, посмотрим, какую роль она выполняла.

Поскольку самым ранним этнонимом, применяемым древними авторами по отношению к населению так называемых «надпонтских областей», был «киммерийцы», то Д. Я. Самоквасов и посчитал возможным назвать первую эпоху киммерийской. В общем, эта была синоним уже применявшемуся термину — «доисторическая»¹⁴⁰. Древнейшее население России, по мнению ученого, находилось на уровне каменного века или «каменной культуры». В третьей четверти VII в. до н. э., согласно сообщению Геродота, в Причерноморье появились скифы, пришедшие из Ирана. Они, о чем также свидетельствовал «отец истории», находились уже на стадии «бронзовой культуры» и распространили ее среди местного населения. Однако «скифскую эпоху» Д. Я. Самоквасов начинал не с прихода в Северное Причерноморье скифов, а с VI в. до н. э., с появления первых греческих колонистов, которые и познакомили своих соседей с железом. В связи с этим и ранние могилы скифов относились не к «скифской эпохе», характеризующейся влиянием греческой культуры железного века, а к эпохе киммерийской, включавшей и непродолжительный бронзовый век. Выделялись могилы и переходного времени, содержащие предметы всех трех соприкоснувшихся культур¹⁴¹.

По тому же принципу определялись границы других эпох. Например, передвижение сарматов относилось ко II в. до н. э., а «сарматская эпоха» начиналась с I в. н. э., когда эти племена, носившие уже название гето-дакийцев, стали переселяться от границ Римской империи в области Приднепровья, распространяя предметы римской культуры. Влиянием других центров цивилизации, главным образом Византии и стран арабского востока, характеризовалась «славянская эпоха». Поскольку объектом исследования ученого были только языческие могилы, то эту эпоху он заканчивал распространением христианства. Лакуну между XI и XIII в. в предшествующем варианте он заполнил древностями кочевников домонгольского времени и «татарская» эпоха стала «половецко-татарской»¹⁴².

Из работ Д. Я. Самоквасова видно, что и в этом варианте материал группировался не по этническому принципу, а по хронологическому. Сам ученый писал, что он выделяет не собственно могилы скифов или сарматов, а только определенный хронологи-

ческий отрезок, для удобства называя его именем господствовавшего этноса: «... главным образом, на основании нумизматических находок в курганах разных эпох, я пытаюсь установить хронологию в наслоении древних могил Южной России»¹⁴³.

Основным хроноопределяющим признаком стали не только монеты, но и импортные вещи, появление которых у местного населения объяснялось сношениями с тем или иным центром цивилизации. Значительная роль при этом отводилась миграциям. Например, финские племена, не испытывавшие влияния античных цивилизаций, по мнению Д. Я. Самоквасова, до столкновения со славянами в X в. оставались на уровне развития «киммерийской эпохи»¹⁴⁴. Иначе говоря, он вполне допускал, что каждая секвенция может иметь свой темп, и не обязательно проходит все этапы общемирового развития. Такие взгляды стоит связывать с бурным развитием этнографии, давшей богатый материал для применения историко-сравнительного метода. Л. С. Клейн называет подобные взгляды «протодиффузионистскими»¹⁴⁵.

Следовательно, принципиальное значение имели временные рамки периодов, а не их названия: «Впрочем, за названия я не стою; сохраняя периоды и их основания, можно заменить названия, если будут найдены более удобные; можно разграничить периоды только хронологически, без названий, сущность дела от этого не изменится»¹⁴⁶. Границы эпох определяли конкретные исторические события. С одной стороны это давало объяснение изменениям погребального обряда, материала и форм сопровождающего инвентаря, с другой — давало возможность относительную хронологию, какой является деление на каменный, бронзовый и железный век, превратить

Рис. 23. Курганы у г. Переяславль Полтавской губернии. 1877 г. Находки. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

в хронологию абсолютную. «Скандинавская археология в настоящее время не может служить нам руководством в деле классификации могил Восточной Европы по историческим эпохам и народностям. Желал бы я знать: какими хронологическими терминами и какими этнографическими именами могли бы определить скандинавские археологи могилы их земли... Таких терминов нет и быть не может... Отсюда, скандинавские археологи... вынуждены обозначать могилы разных эпох... терминами... совершенно не определенными в историческом и этнографическом смысле: могилы *каменного века*, могилы *бронзового века*, могилы *железного века*. Какие же это века и где их границы в истории Скандинавии? Таких веков европейская история не знает, а пока эти века остаются только результатом домыслов археологов...»¹⁴⁷. Необходимо отметить, что такое неприятие «системы трех веков», было характерно не только для отечественных ученых и Д. Я. Самоквасова в частности. Целый ряд ведущих немецких и английских археологов выступали с ее критикой. Близкие к самоквасовским взгляды еще в середине 70-х гг. высказывал англичанин Томас Райт. В своей книге «Кельты, римляне и саксы» (1875 г.) он писал: «...такие деления не имеют смысла в истории...» и призывал группировать древности по народам¹⁴⁸.

Тем не мене, хотя Самоквасов и призывал не принимать во внимание «теоретические века скандинавской археологии», сам предлагал лишь локальный вариант хронологии железного века, совмещенной, правда, с исторической периодизацией. Выбранный этим ученым путь был движением к выделению археологических культур. Пока же это были археологические культуры, в их, пользуясь терминологией Л. С. Клейна, «хронологической» или «периодизационной» версии¹⁴⁹. То есть, в хронологической периодизации Д. Я. Самоквасова понятие «эпоха», «период», «век» не отделяется от понятия «культура» в современной трактовке термина.

Классификация Д. Я. Самоквасова, представленная широкой научной общественности на VIII АС в Москве, вызвала достаточно оживленную дискуссию. Поддержал его взгляды Д. И. Иловайский, предложив «сарматский» период назвать «гето-сарматским», а «славянский» — «славяно-русским», в то время как Д. А. Хвольсон, высказывался против именованя эпох названиями древних народов, поскольку содержание каждого этнографического наименования точно не определено, и предлагал называть могилы по инвентарю, в них находящемуся (могилы с каменными вещами, могилы с бронзовыми вещами, могилы с железными предметами и могилы с монетами). П. Н. Милоков находил более удобным именовать периоды по культурным влияниям (греческий, римский, византийский)¹⁵⁰. В статье посвященной деятельности VIII АС писал: «Эта классификация не несет в себе задатков долговечности. Этнографические эпитеты являются в ней посторонними придатками в признаках действительно несомненных, но могущими характеризовать только хронологию, а не этнографию раскопок. Если присутствию бронзы или предметов греческого, римского или византийского производства определило взгляд исследователя на раскопку, то естественнее всего эти же признаки и принять в основание классификации, а не маскировать их терминами, из которых одни носят лишь мнимо этнографический характер (Киммерийцы и Скифы), а другие, своим этнографическим характером только стесняют исследователя, заставляя его, например, называть «анто-славянской» ка-

кую-либо находку в западной Европе или на Кавказе, где, конечно никто Славян искать не будет. Но мало того: в этой классификации есть и еще более существенный недостаток: она не обнимает всех предметов, подлежащих классификации»¹⁵¹.

Последовательным критиком классификации Д. Я. Самоквасова выступил Д. Н. Анучин, придерживавшийся разработанной скандинавскими археологами периодизации, предполагавшей выделение каменного, бронзового, железного веков и более дробное деление внутри каждого из них. Он считал преждевременным и опасным вводить этнографические названия, что доказывал на примере Кавказа и Центральных областей России, где, по его мнению, схема Самоквасова не работала¹⁵².

В. А. Городцов называл классификацию Д. Я. Самоквасова необоснованной¹⁵³, но при этом, до выработки собственной системы, достаточно активно пользовался ей. Об этом свидетельствуют как выписки, сделанные им при подготовке известных раскопок на Украине, так и его переписка с графиней П. С. Уваровой¹⁵⁴. Как «...един-

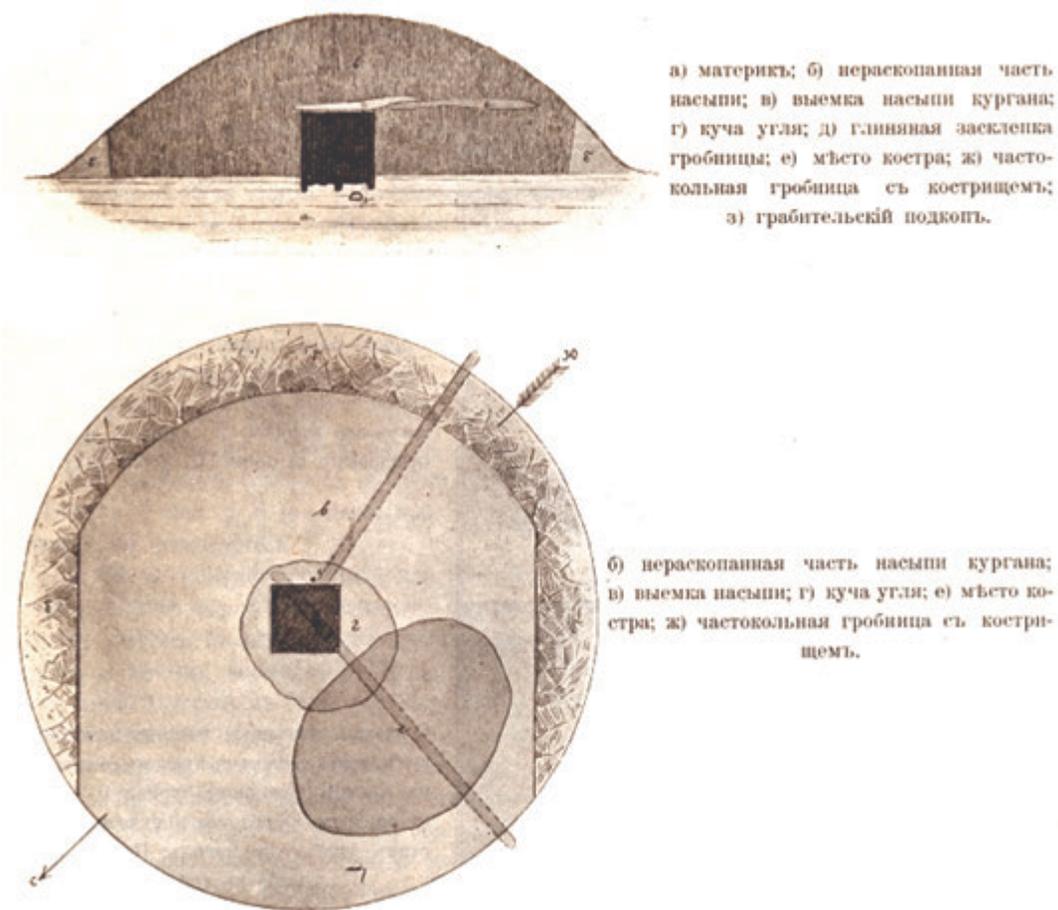

Рис. 24. Курган «Острая могила». Каневский уезд, р. Россава. 1877 г. (См.: Могилы Русской земли. М., 1908)

ственную пока попытку классификации всех южно-русских древностей» характеризовал статью Д. Я. Самоквасова «Хронологическая классификация могил Южной России» (1890 г.) известный чешский славист Л. Нидерле¹⁵⁵.

Разработки Самоквасова оказали влияние и на других исследователей. Близкие к его классификации варианты предлагали В. И. Гошкевич¹⁵⁶ и А. А. Бобринской¹⁵⁷. Так, например, последний, строил свою классификацию древностей по тому же принципу, что и Самоквасов. Хотя сам граф подчеркивал, что его классификация «...лишь вывод из систем гг. Забелина, Самоквасова и Антоновича...», тем не менее, считал «слишком смелым» термин «Киммерийский» и «пока преждевременным» выделение сарматской эпохи, а половецко-татарская эпоха, на его взгляд, «...могла бы быть совершенно выпущена»¹⁵⁸.

Дальнейшее развитие подходов Д. Я. Самоквасова к археологической периодизации фиксируется уже в работах начала XX в. Вновь открываемые типы древностей потребовали от Д. Я. Самоквасова осмысления и размещения в его хронологической системе. Предлагая свой план подготовки к XIV АС, Д. Я. Самоквасов исходил из того, что при собирании и систематизации древностей Малороссии, необходимо было учитывать «наслоение внешних культур, периодически вносивших новые предметы искусства в домашний и социальный быт древних обитателей Приднепровья»¹⁵⁹. В результате он все древние памятники Черниговщины предлагал систематизировать по 10 «группам древностей», от палеолита до «нового периода»: 1) «Древности доисторические» — время от которого не сохранилось письменных источников; 2) «Древности скифские» — от времени образования скифского государства и появления греческих колоний до завоевания Римом Дакии; 3) «Сарматские древности» — от выселения дакийцев из своей родины в Поднепровье до завоевания части восточнославянских племен хазарами; 4) «Древности русские языческой эпохи» — от распада славян на 12 племен до XI в. н. э.; 5) «Древности русские христианской эпохи до монгольского нашествия»; 6) «Древности русские» монгольского времени; 7) «Древности малорусские» — господство Литвы и Польши; 8) «Древности малорусские» — от первого соединения с Москвой до второго соединения с Польшей; 9) «Древности малорусские» — от Деулинского договора (1618 г.) до присоединения к Москве (1654 г.); 10) «Древности русские новейшего периода»¹⁶⁰.

Интерес представляет первая группа, в которой выделялись «расколотые человеком кости мамонта, сопровождаемые находками при таких костях кремневых и костяных изделий», «песчаные россыпи», «глиняные площадки» или «памятники площадной культуры», открытые В. В. Хвойко под Трипольем, «городища бронзовой культуры». Порядок перечисления этих видов памятников, отражающий их хронологическую последовательность, свидетельствует о том, что под ними подразумевался определенный период в развитии материальной культуры. Находки костей мамонта с кремневыми и костяными орудиями соответствуют палеолиту, «песчаные россыпи» относятся к неолиту, что подтверждает и употребление Д. Я. Самоквасовым по отношению к подобным древностям определений «стоянка» «неолитической эпохи» или «неолитической культуры»¹⁶¹. Трипольская культура связывалась исследователями того времени с медно-каменным веком¹⁶², а Юхновское городище оказалось

единственными памятниками Черниговщины, отнесенным к бронзовому веку. Однако, происходящие с него медные трехгранные наконечники стрел были помещены в «древнейший период скифской эпохи», в который включались и типичные, судя по их содержанию (присутствие ножей-кинжалов с намечающимся перекрестием первоначально интерпретируемых ученым как копья¹⁶³), курганы эпохи бронзы¹⁶⁴.

Рассмотренная периодизация стала развитием варианта, изложенного в «Вещественных памятниках Малороссии», и представляет собой одну из первых хронологических колонок для территории Левобережной части Среднего Поднепровья. По сути, она делится на две части: доисторическую и историческую. Первая — это относительная хронологическая классификация, построенная по технологическому критерию. Вторая — историческая периодизация, в основу которой положено конкретное историческое событие. Однако наполнять исторические эпохи Д. Я. Самоквасов предлагал «древностями». В данном случае ученый использовал этот термин в рас-

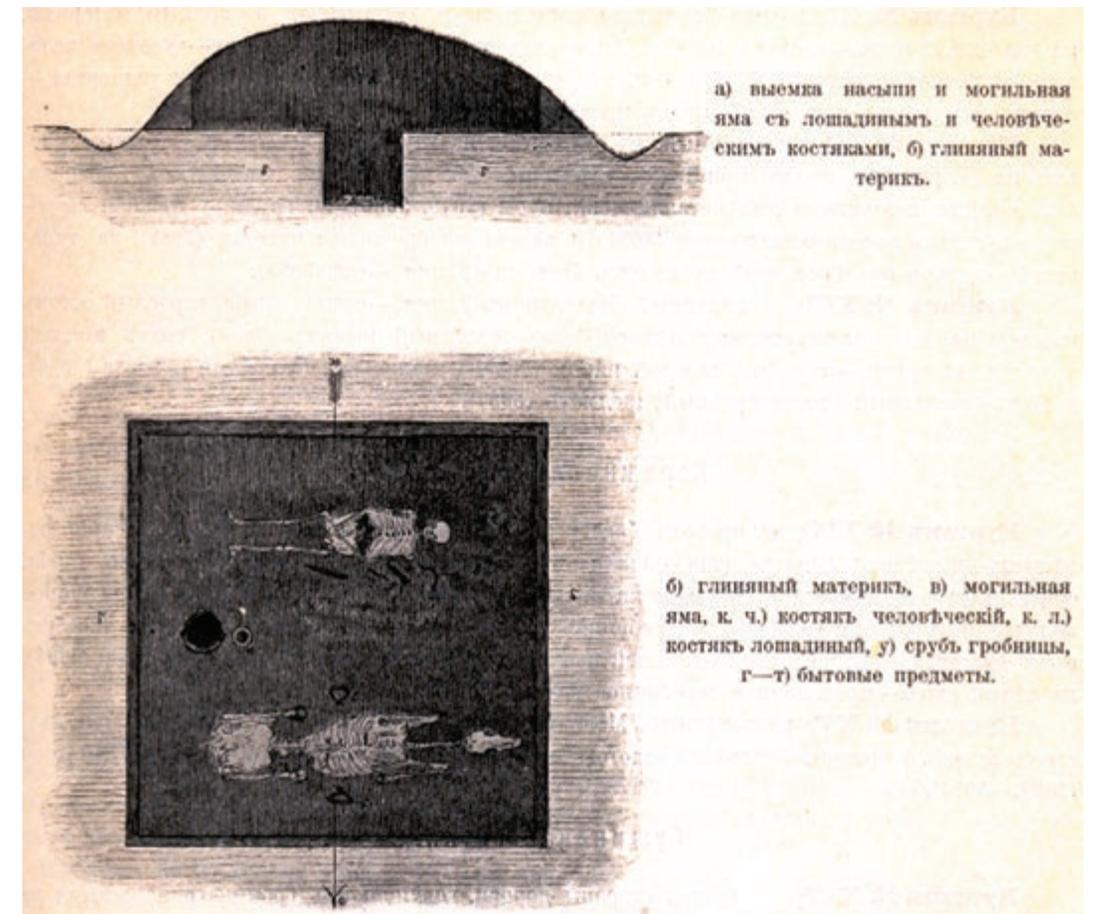

Рис. 25. Курган у с. Гущино, Черниговский уезд. 1878 г. (См.: Могилы Русской земли. М., 1908)

ширительной его трактовке, включая в него археологические, этнографические, исторические и др. памятники. Между тем, он не касался памятников поздних периодов, останавливаясь более подробно на «эпохах» домонгольского времени, содержание которых составлял, главным образом, археологический материал. Для обозначения последнего Д. Я. Самоквасов также употреблял термин «древности», но сужал его значение, вводя определение «могильные». Отсюда целый ряд его работ носит название «Могильные древности...»¹⁶⁵. Поэтому основанием для датировки таких древностей, как и в предшествующих вариантах классификации, служили археологические признаки. Отличием же этого варианта стал акцент на этническую принадлежность при выделении эпох — древности «скифские», «сарматские», «русские».

Итоговый вариант классификации древностей был предложен Самоквасовым в его фундаментальном издании «Могила Русской земли» (1908 г.), представлявшем собой систематический свод его полевых дневников и одновременно каталог коллекции древностей. На первый взгляд, там представлена лишь усложненная вариация хронологической классификации 1890 г. Однако анализ работы позволяет заметить ряд значительных изменений.

Наиболее крупными подразделениями остались исторические «эпохи», но и их хронологические границы, и названия претерпели изменения. Классификации подвергались языческие погребения. «Древнейшие русские могилы христианского времени, городища и клады» выделялись в самостоятельный «отдел», правда, клады и городища также размещались в хронологической последовательности¹⁶⁶. Появление этого структурного подразделения иллюстрирует и прикладную цель работы — размещение материала при хранении и музейном экспонировании.

Киммерийская эпоха, по-прежнему не имевшая нижней границы, заканчивалась не VI в. до н. э., а серединой VII в. до н. э. — возвращением скифов из похода в Малую Азию и образованием «царства Парлатов». Это историческое событие ученый считал началом новой, «скифо-сарматской» эпохи, продолжавшейся до появления в «надпонтских областях» в VII в. н.э. хазар. Вместо славянской эпохи появилась «русская эпоха», к которой относились могилы VII—XI в. Границы «половецко-татарской» эпохи остались без изменений¹⁶⁷.

Еще одним отличием стало подразделение «скифо-сарматской» эпохи на три периода: «сколотский» (вторая половина VII до н. э. — 399 г. до н. э.), «сарматский (399 г. до н. э. — II в. н.э.) и «росский» (II—VII в. н. э.).

Появление в «надпонтской области» сарматских племен связывалось с конкретным историческим фактом — разгромом Филиппом Македонским державы царских скифов. Правда, эти события датируются 399 г. до н. э., тогда как победа македонцев над армией скифского царя Атея имела место в 339 г. до н.э.¹⁶⁸. Скорее всего, мы имеем дело с опечаткой, которая из «Могила Русской земли»¹⁶⁹ перекочевала и в другие издания¹⁷⁰. Хронологические рамки «росского периода» совмещались со временем существования в Поднепровье государства «Россов»¹⁷¹.

Вышеизложенное доказывает, что «периоды» как единицы исторического времени, у Д. Я. Самоквасова не имели принципиального отличия от «эпох». Подтверждением этого служит обозначение в одной из его работ «росского периода» как «ге-

Рис. 26. Курган у д. Гушино. 1879 г. Находки. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

то-росская эпоха»¹⁷². Видимо, выделением «скифо-сарматской эпохи» Д. Я. Самоквасов хотел подчеркнуть более тесную связь между включенными в нее древностями.

Единицей деления другого порядка в его классификации выступает не период, а группа могил. К киммерийской эпохе относились могилы, со «скорченными и окрашенными костяками», содержащие только предметы из камня, кости, глины и бронзы, которые, по географическому признаку, группировались на «каменные гробницы Царства Польского», «курганы Приднепровья» и «курганы Терской области»¹⁷³. Среди двух первых групп Д. Я. Самоквасов выделял погребения «каменной культуры» до появления уже знакомых с бронзой «сколотских» племен, (третья четверть VII в до н. э.) и «бронзовой культуры» — время 28 летнего господства скифов в Азии («Бесчастная могила», курган № 2 у м. Рыжановка, № 5 под Кисловодском и др.). Открытие в одной из могил с «киммерийским» обрядом и инвентарем, серебряного кольца, имевшего аналогии в погребениях греков, позволило Самоквасову связать погребения этого «типа» с народом, жившим «в исторический момент перехода древних обитателей южной России от культуры каменной к культуре железной»¹⁷⁴.

Среди погребений «сколотского периода», помимо собственно «сколотских», вычленились могилы «народа каменной и бронзовой культуры» не вошедшего в состав государства «сколотов» и «древнейшие могилы скитской эпохи». Последние датировались временем смены «культуры» с каменной и бронзовой на железную, а различия в погребальном обряде послужили основанием для их отделения от одновременных могил киммерийцев¹⁷⁵. Выделялось несколько могильников, принадлежащих сарматским племенам — в окрестностях Керчи, в Екатеринославской и Херсонской губерниях (ниже днепровских порогов) и погребения Роксолан в бассейне Роси, Сема, Псла и Сулы¹⁷⁶. И в первом, и во втором периоде от вышеперечисленных групп отчленились могилы греков. Население государства «Россов», по мнению Самоквасова, состояло из двух компонентов — местного, роксоланского, в границах расселения которого и локализовалось, и пришлого гето-дакийского. С первыми связывались подкурганные захоронения, а со вторыми — поля погребальных урн. Могилы русской эпохи подразделялись на «козарские» (VII—IX вв. н. э.) и «русские» (VII—XI вв. н. э.). Среди последних в своей коллекции Самоквасов отличал «северянские» и «неизвестного народа»¹⁷⁷. Погребения половецко-татарской эпохи он делил на пять групп и пытался их связать с печенегами, половцами и татарами¹⁷⁸.

В рассмотренной классификации Самоквасова обращает на себя внимание один важный момент, обуславливающий отличие этого варианта от предшествующих. В «Могилах Русской земли» ученый распределяет могилы не только по историческим периодам, но и соотносит их с конкретным этносом и даже племенем. Стоит подчеркнуть, что хронологическая и этническая атрибуция выступала у него необходимым условием перехода археологического материала в разряд исторических источников. Еще в реферате, опубликованном в трудах VIII АС съезда, он писал: «Распределение могил нашего отечества по историческим эпохам, на основании различий в их содержании и устройстве совершенно необходимо, если мы желаем воспользоваться ими для изучения истории культуры народов, населявших нашу землю. Только по распре-

Рис. 27. Курган у д. Гущино. 1879 г. Находки. (См.: Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917)

делении могильных древностей в системе исторической возможно будет приступить к распределению их по народностям т. е. воспользоваться ими для познания культуры данного народа в данную историческую эпоху»¹⁷⁹.

Проблема выделения памятников летописных северян решалась Д. Я. Самоквасовым в работах начала 70-х гг.¹⁸⁰. Здесь стоит отметить, что древние «племена и народы», различные стороны их материальной культуры («быт»), являлись основным объектом исследования представителей так называемой археологической «бытописательской парадигмы». При этом ее характерной чертой называют отсутствие детальной разработки проблем периодизации и как следствие этого — совмещение во времени исторических событий, отделенных друг от друга столетиями. В качестве классического примера приводят труды И. Е. Забелина¹⁸¹. В рамки этой парадигмы вписываются и первые статьи Самоквасова о древностях северян. Однако стремительное накопление конкретного материала, незначительное количество которого и следует считать причиной отсутствия разработанной хронологии у отечественных бытописателей, привело его к необходимости распределения археологических памятников во времени. При этом установка на изучение истории культуры народов и племен продолжала себя проявлять в непрерывном соотношении памятника и этноса. Такие подходы были обусловлены ориентацией и представителей «бытописательской парадигмы», и Д. Я. Самоквасова на задачи исторической науки. Отсюда и специфика его классификации. Распределение материала по периодам относительной хронологии, не могло удовлетворить Д. Я. Самоквасова — историка, которого интересовал «быт» конкретных племен и народов, прежде всего восточных славян и их предков языческой эпохи. Согласно его представлениям — это более чем тысячелетний период истории, в рамках которого археологический материал и распределялся по нескольким эпохам.

По своему характеру разработки Д. Я. Самоквасова — это попытка создания региональной хронологии. В принципе, ученый двигался в том же направлении, что и археологи Западной Европы. В 1873—74 гг. Г. Гильдебрант разделил железный век на гальштат и латен¹⁸². В свою очередь, в последнем усилиями О. Тышлера, О. Альмгрена, П. Райнеке и др., стали вычленять различные ступени¹⁸³. До эпохи Мерovingов продолжал свою периодизацию Г. Мортилье¹⁸⁴. Однако если для европейских исследователей основной задачей являлось установление, с помощью археологических методов, периодов относительной хронологии, а уже только затем следовало соотношение этих «ступеней» и «фаз» с абсолютным счетом времени¹⁸⁵, то у нашего ученого эти две операции совмещались. Он пытался периоды относительной хронологии заменить историческими эпохами, хотя это относится только ко времени греко-римской цивилизации и последующих периодов. Для «доисторического периода» он довольствовался относительной хронологией.

На наш взгляд, можно говорить о своеобразном сочетании в работах Д. Я. Самоквасова, и не только посвященных классификации, идей эволюционизма с характерной для романтизма увлеченностью этническими определениями.

Именно здесь заключается отличие выделяемых Д. Я. Самоквасовым групп памятников от современного понятия «археологическая культура», являющегося одной

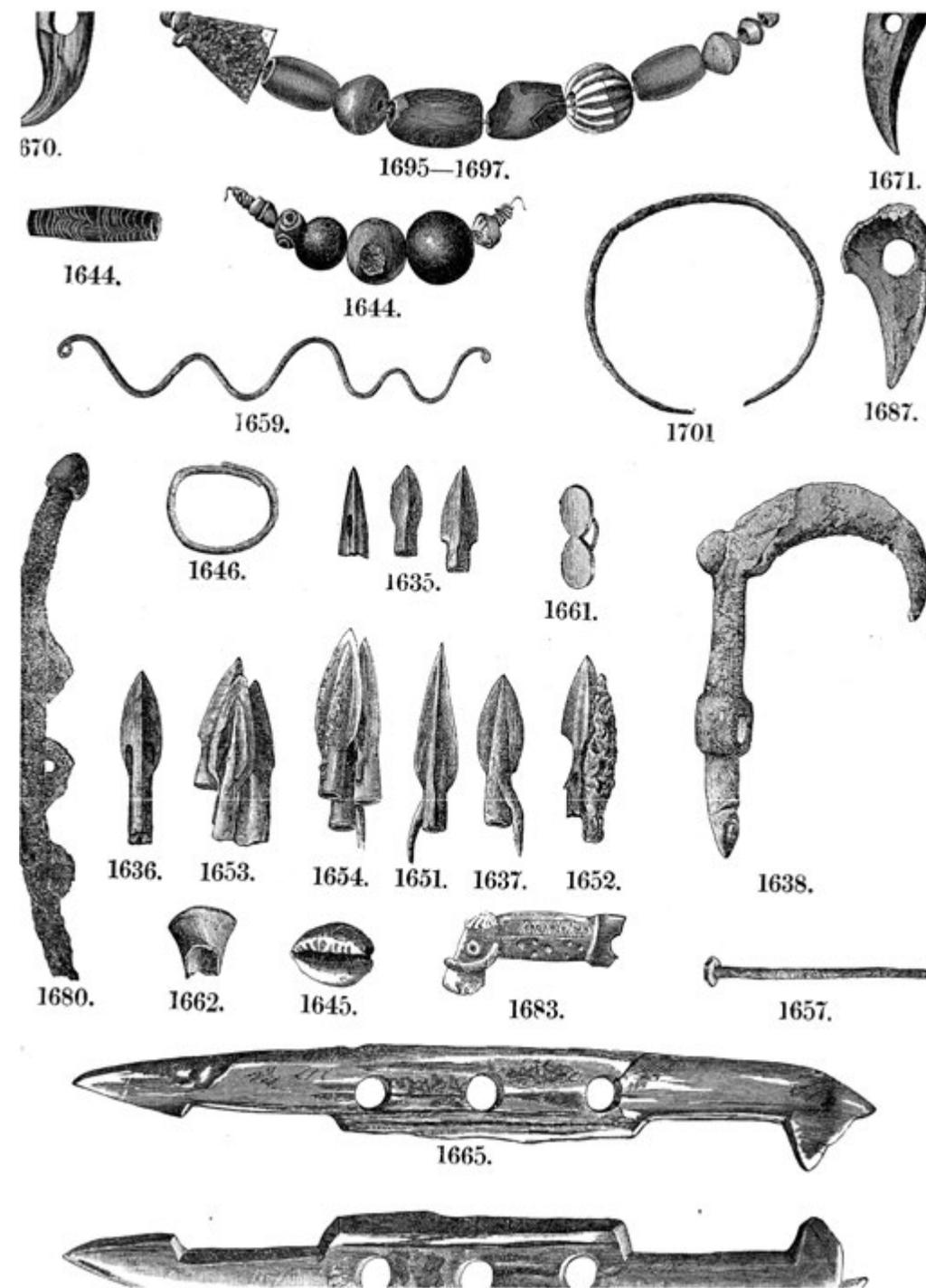

Рис. 28. Находки скифской эпохи. (См.: Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древности. Варшава, 1892)

из основных классификационной категорией. У него это «культуры» древних племен. Определяющим критерием для отнесения могилы тому или иному этносу были представления ученого о времени его существования, территории расселения, миграциях и т. п. Под эти исторические построения и подгонялась культурно-хронологическая атрибуция погребения. Так, царские курганы скифов (Царский, Золотой, Куль-Оба, Чартомлык, Александропольский, Краснокутовский) считались погребениями правителей сарматов, поскольку хронологически попадали в сарматский период. Сходство же погребального обряда объяснялось общим происхождением скифов и сарматов.

Обращает же на себя внимание совокупность объектов, для определения которой употреблялся термин «тип» — «курганы Аксютинского типа», «катакомбы Суоргомского типа», «курганы северянского типа» и др. Они выступали как составная часть могил «роксолан», хазар, восточных славян. Основанием для их выделения служили археологические признаки — территория распространения, датировка, стратиграфическое распределение, сочетаемость типов вещей в замкнутых комплексах. Именно эти группы памятников можно рассматривать как, своего рода, эмбрион современного понятия «археологическая культура», по крайней мере, критерии вычленения близки¹⁸⁶. Эти же «типы» памятников и служили у Самоквасова ячейками относительной хронологии.

При этом ученый уделял процедуре построения относительной хронологии недостаточно внимания, часто основываясь на умозрительных заключениях. В свою очередь прямолинейное наложение исторических категорий на археологический материал приводило к серьезным ошибкам, а как следствие — к фантастическим, с точки зрения современного исследователя, историческим выводам. Причину этого нужно искать в применяемых Д. Я. Самоквасовым методах археологического источниковедения, но на этом вопросе мы остановимся специально.

Завершая же данную главу, вернемся к проблемам, обозначенным в качестве ее задач. В итоге нужно подчеркнуть следующее:

1. Обращение Д. Я. Самоквасова к данным археологии стало следствием установки на комплексное, междисциплинарное изучение древнейшего периода русской истории и истории русского права, истоки чего лежали в позитивистской методологии. Неспособность славяно-русской археологии, находящейся еще на стадии своего становления, предоставить требуемое количество и качество археологических источников, обусловила необходимость в самостоятельных полевых исследованиях.

2. Восприятие археологического материала как важного исторического источника, исследовательская практика, привели Д. Я. Самоквасова к постепенному осознанию специфики его изучения, необходимости отдельной науки, предмет которой не древний быт народов, а вещественные источники. Уже с конца 80-х гг. заметны тенденции к пониманию археологии как науки, изучающей ископаемые остатки жизнедеятельности человека, проявившиеся более четко в работах начала XX века. Будучи представителем «исторического»¹⁸⁷ или, точнее, «общекультурно-исторического»¹⁸⁸ направления, он отводил этой науке роль источниковедческой, вспомогательной исторической дисциплины. Ее основными задачами ученый видел определение времени и народности открываемых древностей, следствием чего явилось создание специфиче-

ческого варианта региональной хронологии, представляющего собой совмещение археологической и исторической периодизации. В работах Д. Я. Самоквасова просматривается стремление к ограничению объема археологии изучением потенциальных исторических источников, поскольку после установления их культурно-хронологической принадлежности они переходили уже в ведение другой науки — истории.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. Изд. 5. М., 1987. С. 278—279.

² *Клейн Л. С.* Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология. СПб., 2004. С. 41 и др.

³ Юридический факультет Императорского С.-Петербургского университета. 1819—1894 гг. (Историческая справка к 75-летию С.-Петербургского университета) // Журнал юридического общества при С.-Петербургском университете. 1894. № 4. Паг. 2. С. 6—7; *Щавелев С. П.* Историк Русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск, 1998. С. 26—27; *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 26—32; 41—42.

⁴ *Щавелев С. П.* Историк Русской земли... С. 34.

⁵ *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления. I. Современное состояние вопроса о государственных и общественных отношениях в удельный период древней Руси // ЖМНП. Ч. 145. 1869. № 11. С. 40—105; *Он же.* II. Значение слова «вече» в летописях. III. Вече как орган политической власти народа // Там же. Ч. 145. № 12. С. 218—248. Отд. оттиск: СПб., 1870.

⁶ *Григорьев Е. В.* Императорский С. — Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. СХХ.

⁷ *Градовский А.* Государственный строй древней России // ЖМНП. 1868. № 10. С. 101—143.

⁸ *Сергеевич В. И.* Вече и князь: Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей: Исторические очерки. М., 1867.

⁹ *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб., 1996. С. 109—112; *Плященко Т. Е.* Научная и общественная деятельность А. Д. Градовского // Российские университеты в XVIII—XX веках. Воронеж, 2002. Вып. 6. С. 93—110.

¹⁰ *Минаков А. Ю.* А. Д. Градовский как ученый и общественный деятель // Российские университеты в XIX — начале XX века. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 83—84;

¹¹ *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления...; *Он же.* Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873; *Он же.* Главнейшие моменты в государственном развитии древней России и происхождение Московского государства. Варшава, 1886; *Толочко П. П.* Вече і князь в дослідженнях Д. Я. Самоквасова // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернівці, 1993. С. 3—4.

¹² *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист // ВИ. 1993. № 3. С. 179.

¹³ Речь на могиле профессора Д. Я. Самоквасова бывшего сослуживца Дмитрия Яковлевича по Варшавскому Университету профессора Московского Археологического Института Д. В. Цветаева // Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова... С. 32.

¹⁴ Кротков А. А. Самоквасов Дмитрий Яковлевич // 25-летие Саратовской УАК, 1886/12/ XII 1911 г. Исторический очерк. Краткие биографии. Саратов, 1911 С. 32; Щавелев С. П. Историк Русской земли... С. 148.

¹⁵ Формозов А. А. Историография русской археологии на рубеже XX—XXI веков. Курск, 2004. С. 32.

¹⁶ Клейн Л. С. Клейн Л. С. История археологической мысли. Т. 1. СПб., 2011 С. 232.

¹⁷ Там же. С. 287.

¹⁸ Щегловитов И. Краткие сведения о жизни и деятельности Александра Дмитриевича Градовского // Памяти Александра Дмитриевича Градовского. СПб., 1890. С. 44.

¹⁹ Градовский А. Д. Государственный строй древней России // Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 381; Подробнее См.: Скрипилев Е. А. Утверждение историко-сравнительного метода в русском правоведении XIX — начала XX вв. // Проблемы сравнительного правоведения. М., 1981. С. 96—112.

²⁰ Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. —1917 г.). Гродно, 2003. С. 243—244.

²¹ Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 100.

²² Щавелев С. П. Историк Русской земли... С. 25.

²³ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян. Вып. I. Литература. Источники. Методы ученой разработки источников. Варшава, 1878. С. 239.

²⁴ Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. I. Современное состояние вопроса... С. 59.

²⁵ Там же. С. 64.

²⁶ Самоквасов Д. Я. О методе ученой разработки исторических источников. Вступительная лекция в курсе истории русского права, читанная в Императорском Варшавском университете // ЖМНП. Ч. 170. 1873. № 12. С. 241—252.

²⁷ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 214—215.

²⁸ Там же. С. 215.

²⁹ Самоквасов Д. Я. Древние города России... С. 146.

³⁰ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 214—215.

³¹ Градовский А. Д. Вступительная лекция по государственному праву // Собр. соч. СПб., 1899. Т. 1. С. 7, 14; Подробнее См.: Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993. С. 33—41.

³² Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М—Брянск, 1996. С. 42—43.

³³ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 240—241.

³⁴ Там же. С. 248—249.

³⁵ Нечухрин А. Н. Указ. соч. С. 24.

³⁶ Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. I. Современное состояние вопроса... С. 104.

³⁷ Клейн Л. С. История археологической мысли... С. 267—269.

³⁸ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 239—240; Он же. История русского права. Университетский курс. Кн. 1.

Языческая эпоха. Источники. Содержание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. Варшава, 1888. С. 25—28.

³⁹ Самоквасов Д. Я. Формы социальной организации сидячих и бродячих народов (при условии их каменной культуры) // ВУИ. 1886. № 6. Отдельный оттиск. С. 1.

⁴⁰ Там же; Самоквасов Д. Я. Общества кочевых народов // ВУИ. 1886. № 9. Отдельный оттиск.

⁴¹ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 157.

⁴² Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления. I. Современное состояние вопроса... С. 60.

⁴³ Самоквасов Д. Я. О методе ученой разработки исторических источников... С. 241—252.

⁴⁴ Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978. С. 17—18.

⁴⁵ Самоквасов Д. Я. Древние города России... С. 94.

⁴⁶ Тихонов И. Л. Указ. соч. С. 26—31, 41—43.

⁴⁷ Анушин Д. Н. Д. Я. Самоквасов как археолог // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 409.

⁴⁸ Самоквасов Д. Я. История русского права. Университетский курс. Кн. 1. Языческая эпоха... С. 7; Он же. Курс истории русского права. М., 1908. С. XIV.

⁴⁹ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700—1917. СПб., 1992. С. 63.

⁵⁰ Формозов А. А. Очерки истории русской археологии. М., 1961. С. 48, 50.

⁵¹ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 22, 32, 37—38.

⁵² Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 64.

⁵³ Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 37—38

⁵⁴ Там же. С. 15—42.

⁵⁵ Пряхин А. Д. Дореволюционное время в развитии отечественной археологии // История отечественной археологии: дореволюционное время. Материалы IV чтений по историографии археологии Евразии. Воронеж, 2004. С. 9—10.

⁵⁶ Веселовский Н. И. История императорского археологического общества за первые 50 лет его существования. СПб., 1900. С. 269 и др.

⁵⁷ Смирнов А. С. Археология в имперском пространстве России // Из истории отечественной археологии. Воронеж, 2008. С. 69.

⁵⁸ Уваров А. С. Что должна обнимать программа для преподавания Русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Труды III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев, 1878. С. 185.

⁵⁹ Там же. С. 186.

⁶⁰ Ганжа А. И. Методологические вопросы на III Археологическом съезде в Киеве (1874 г.) // Новые методы археологических исследований. Киев, 1882. С. 225—233; Анико-вич М. В. Проблема определения археологии как науки в русской дореволюционной археологии // Историк об истории. Омск, 1989. С. 4—26; Моисеев А. В. Содержание понятия «Археология» (по материалам первых Археологических съездов) // История отечественной археологии: дореволюционное время. Материалы IV чтений по историографии археологии Евразии. Воронеж, 2004. С. 16—24.

⁶¹ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 395.

⁶² Платонова Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX — первая треть XX вв.): автореф. ... док. ист. наук. СПб., 2008. С. 25.

⁶³ Уваров А. С. Что должна обнимать программа для преподавания Русской археологии... С. 175.

- ⁶⁴ Протоколы заседаний съезда // Труды III АС в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. I. Киев, 1878. С. XXII.
- ⁶⁵ Аникович М. В. Указ. соч. С. 11—12..
- ⁶⁶ Самоквасов Д. Я. Древние земляные насыпи и их значение для науки // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. I. № 3. С. 263.
- ⁶⁷ Самоквасов Д. Я. О городищах и курганах в земле Северян и их значении в истории // ЧГВ. Часть неофициальная. 1872. № 45. Отд. Оттиск: Чернигов, 1872. С. 2.
- ⁶⁸ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 208
- ⁶⁹ Самоквасов Д. Я. Древние земляные насыпи и значение для истории... С. 264.
- ⁷⁰ Там же. № 4. С. 354.
- ⁷¹ Щавелев С. П. Вклад Д. Я. Самоквасова в изучение и охрану древностей Полтавской губернии // 100-летие Полтавского краеведческого музея. Матер. юбилейной науч. конф. Ч. 2. Археология Полтавщины. Полтава, 1991. С. 12—17.
- ⁷² Цит. по: Щавелев С. П. Историк Русской земли... С. 82.
- ⁷³ Самоквасов Д. Я. Древние земляные насыпи и значение для истории... С. 355.
- ⁷⁴ Самоквасов Д. Я. Курганы как исторический источник // Голос. 1877. № 75.
- ⁷⁵ Древности. Труды ИМАО. Т. VII. Вып. 3. М., 1878. Протоколы. С. 47.
- ⁷⁶ Труды IV АС в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Т. I. Казань, 1884. С. XC—XCI.
- ⁷⁷ Там же. С. XCI—XCIII.
- ⁷⁸ Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 163.
- ⁷⁹ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 208—214.
- ⁸⁰ Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 115.
- ⁸¹ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843—1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С. П. Щавелева. Курск, 2007. С. 92—124.
- ⁸² Клейн Л. С. Археологические источники... С. 116; Аникович М. В. Указ. соч. С. 20—23
- ⁸³ Жук А. В. Периодизация истории отечественной археологии // Современные проблемы археологии России. Т. I. Материалы Всероссийского археологического съезда (23—28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. С. 419.
- ⁸⁴ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. I.
- ⁸⁵ Там же. С. 182—214.
- ⁸⁶ Жук А. В. Указ. соч. С. 419.
- ⁸⁷ Клейн Л. С. Археологическая типология. Л., 1991. С. 375.
- ⁸⁸ Платонова Н. И. Александр Андреевич Спицын о теории археологии // РА. № 3. 2009. С. 134.
- ⁸⁹ Доклад о действиях ИАК за 1883 и 1884 гг. // Отчет ИАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891. С. XLV и др. раб.
- ⁹⁰ Самоквасов Д. Я. История русского права. Университетский курс. Кн. 1. Языческая эпоха... С. 43.
- ⁹¹ Самоквасов Д. Я. История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян. Варшава, 1884.
- ⁹² Там же. С. VIII.

- ⁹³ Самоквасов Д. Я. История русского права. Университетский курс. Кн. 1. Языческая эпоха... С. 144.
- ⁹⁴ См.: Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 513 и др. раб.
- ⁹⁵ Шохин Л. И. Письма Д. Я. Самоквасова к А. А. Бобринскому об археологии // Археология. № 1. 1996. С. 132—133.
- ⁹⁶ Смирнов А. С. Археология в имперском пространстве России... С. 67.
- ⁹⁷ Шохин Л. И. Письма Д. Я. Самоквасова к А. А. Бобринскому... С. 132.
- ⁹⁸ Самоквасов Д. Я. Археологическое богатство Малороссии // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. V. Ч. 1. Малороссия, Подолия и Волынь. Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Киевская губернии. СПб. — М., 1897. С. 92.
- ⁹⁹ Нечухрин А. Н. Указ. соч. С. 175—243.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 95—97.
- ¹⁰¹ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 343.
- ¹⁰² Прякин А. Д. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁰³ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 346.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 250.
- ¹⁰⁵ Щавелев С. П. Историк Русской земли... 1998.
- ¹⁰⁶ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... 2007.
- ¹⁰⁷ Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда Д. Я. Самоквасовым. Посмертное издание. М., 1916. С. 8
- ¹⁰⁸ Самоквасов Д. Я. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Археологического Съезда // Труды Московского предварительного комитета по устройству четырнадцатого Археологического съезда / Под. ред. В. К. Трутовского. Вып. 1. М., 1906. С. 10.
- ¹⁰⁹ Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С. 42—43
- ¹¹⁰ Самоквасов Д. Я. Программа курса лекций по русской археологии. М., 1907.
- ¹¹¹ Там же; Щавелев С. П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д. Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 43—44; Он же. Историк русской земли... С. 157—158.
- ¹¹² Платонова Н. И. Александр Андреевич Спицын о теории археологии ... С. 131—135.
- ¹¹³ Сафонов И. Е. В. А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. С. 103—104.
- ¹¹⁴ Городцов В. А. Первобытная археология. М. 1908. С. 91.
- ¹¹⁵ Труды XII АС в Харькове. 1902 г. Т. III. — М., 1905. С. 363—364
- ¹¹⁶ Самоквасов Д. Я. Археологическое богатство Малороссии... С. 63—92.
- ¹¹⁷ Самоквасов Д. Я. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии // Из протоколов Антропологической выставки 1879 г. Отдельный оттиск. М., 1880. Т. III. С. 1.
- ¹¹⁸ Там же...
- ¹¹⁹ Там же. С. 5—6; Самоквасов Д. Я. О могилах с окрашенными и неокрашенными костяками в области Поднепровья // Труды V съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве. Сентябрь 1876 г. Протоколы секции антропологии и этнографии. Варшава, 1877.
- ¹²⁰ Клейн Л. С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // STRATUM plus. Культурная антропология. Археология. Время последних неандертальцев. Кишинев. 2000. № 1. С. 495.

- ¹²¹ Там же. С. 511.
- ¹²² *Самоквасов Д. Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии... С. 1.
- ¹²³ Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990. С. 5—7.
- ¹²⁴ *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологического распределения этнографических материалов, открытых в могилах южной и центральной России // Труды Большого [восьмого] АС в Москве. 1890. Т. III. М., 1897. С. 47.
- ¹²⁵ *Платонова Н. И.* История археологической мысли... С. 25.
- ¹²⁶ *Самоквасов Д. Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии... С. 2.
- ¹²⁷ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Университетский курс. Кн. 1. Языческая эпоха... С. 297.
- ¹²⁸ *Самоквасов Д. Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии... С. 10—11.
- ¹²⁹ *Клейн Л. С.* Археологическая периодизация... С. 487—491.
- ¹³⁰ Записка Дюбрюкса: Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи / Публ. В. Г. Тизенгаузена // Труды VI Археологического съезда в Одессе. 1884 г. Т. II. Одесса, 1888. С. 135—138. Отдельный оттиск.
- ¹³¹ *Мерперт Н. Я.* В. А. Городцов и начало изучения раннего бронзового века Каспийско-Черноморских степей // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 83—84.
- ¹³² *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Труды V АС в Тифлисе в 1881 г. М., 1887. С. 56—59.
- ¹³³ *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии // Труды VI Археологического съезда в Одессе. 1884 г. Т. I. Одесса, 1886. С. 189—207.
- ¹³⁴ *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Александровского уезда. Отдельный оттиск. Одесса, 1887. С. 16.
- ¹³⁵ Там же. С. 17—18.
- ¹³⁶ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Университетский курс. Кн. 1. Языческая эпоха... С. 132—144.
- ¹³⁷ Там же. С. 134—137.
- ¹³⁸ *Самоквасов Д. Я.* Хронологическая классификация могил южной России // ВУИ. 1890. № 5. Отдельный оттиск. Варшава, 1890; *Он же.* Основания хронологической классификации и каталог древностей. Варшава, 1892. *Он же.* Основания хронологического распределения... С. 103—109.
- ¹³⁹ *Щавелев С. П.* Историк Русской земли... С. 103—109.
- ¹⁴⁰ *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологического распределения... С. 46.
- ¹⁴¹ Там же. С. 46—47.
- ¹⁴² Там же. С. 47—53.
- ¹⁴³ ОПИ ГИМ Ф.17. Оп.1. Д.630. Л. 189.
- ¹⁴⁴ *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологического распределения... С. 49.
- ¹⁴⁵ *Клейн Л. С.* Археологическая периодизация... С. 495.
- ¹⁴⁶ *Шохин Л. И. Письма Д. Я. Самоквасова к А. А. Бобринскому об археологии...* С. 136.
- ¹⁴⁷ Труды Большого [VIII] АС... С. 63.
- ¹⁴⁸ Цит. по: *Клейн Л. С.* Археологическая периодизация... С. 491.
- ¹⁴⁹ *Клейн Л. С.* Археологическая типология... С. 132.
- ¹⁵⁰ Труды Большого [VIII] АС... С. 59—65.
- ¹⁵¹ Цит. по: *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб., 1894. С. XVI.

- ¹⁵² Труды Большого [VIII] АС... С. 60—63.
- ¹⁵³ *Городцов В. А.* Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910. С. 252, 343—344, 361, 402—403, 459 и др.
- ¹⁵⁴ *Сафонов И. Е.* В. А. Городцов и изучение эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. С. 63—66.
- ¹⁵⁵ *Нидерле Л.* Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель / Под ред. Д. Н. Анучина. СПб., 1898. С. 122; ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 59.
- ¹⁵⁶ *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903. Кн. С. 92—157.
- ¹⁵⁷ *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2: Дневники раскопок 1887—1889 гг. СПб., 1894. С. XVIII.
- ¹⁵⁸ Там же. С. XVI—XVIII.
- ¹⁵⁹ *Самоквасов Д. Я.* План археологических работ... С. 3.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 3—4.
- ¹⁶¹ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. М., 1915. С. 4.
- ¹⁶² *Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 260.
- ¹⁶³ РА ИИМК. Ф.1. Оп. 1894 г. Д. 54. Л. 19.
- ¹⁶⁴ *Самоквасов Д. Я.* План археологических работ... С. 6.
- ¹⁶⁵ *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Труды V АС в Тифлисе в 1881 г. М., 1887; *Он же.* Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии // Труды VI Археологического съезда в Одессе. 1884 г. Т. I. Одесса, 1886; Могильные древности Северянской *Черниговщины Д. Я. Самоквасова.* Посмертное издание. М., 1917.
- ¹⁶⁶ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 254.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 92, 136, 231, 253 и др.
- ¹⁶⁸ *Шукин М. Б.* На рубеже Эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб, 1994. С. 85; *Медведев А. П.* История античного мира. Ч.1. Древняя Греция. Курс лекций. Воронеж, 2003. С. 229.
- ¹⁶⁹ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 146.
- ¹⁷⁰ *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., С. 92.
- ¹⁷¹ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 166.
- ¹⁷² *Лекция Д. Я. Самоквасова 23 ноября 1908 года в политехническом музее.* В пользу фонда Орловской Ученой Архивной Комиссии, предназначенного для местных археологических раскопок. М., 1908. С. 2.
- ¹⁷³ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 43.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 53—55.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 66, 92.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 149.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 231—237.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 253—254.
- ¹⁷⁹ *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологического распределения... С. 44.
- ¹⁸⁰ *Самоквасов Д. Я.* О городищах и курганах в земле Северян и их значении в истории...; *Он же.* Древние земляные насыпи и их значение для науки... С.262—278; № 4. С. 342—358; *Он же.* Северянские курганы и их значение в истории // Труды III АС в Киеве 1874. Т. I. Киев, 1878. С. 185—224 и др. раб.

¹⁸¹ *Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 90; *Пряхин А. Д.* Дореволюционное время в развитии отечественной археологии... С. 9.

¹⁸² *Клейн Л. С.* Археологическая периодизация... С. 487.

¹⁸³ *Щукин М. Б.* На рубеже Эр... С. 36.

¹⁸⁴ *Городцов В. А.* Первобытная археология. М., 1908. С. 83.

¹⁸⁵ *Щукин М. Б.* На рубеже Эр... С. 46.

¹⁸⁶ *Клейн Л. С.* Археологическая типология... С. 391.

¹⁸⁷ *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 116—117.

¹⁸⁸ *Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 347.

ГЛАВА 3. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Д. Я. САМОКВАСОВА

Начало полевых археологических исследований Д. Я. Самоквасова относится к рубежу 60—70-х гг. XIX века. Количество и качество имеющихся данных об археологических памятниках восточных славян, конечно, не соответствовало тем задачам, которые пытался решить Д. Я. Самоквасов. Однако из этого не следует, что славяно-русские древности совсем не привлекали внимание исследователей. К первой половине XIX века относится целый ряд примеров их изучения, на неплохом для того времени уровне. Собственно, первые полевые работы Д. Я. Самоквасова были направлены на опровержение теории З. Я. Доленги-Ходоковского о богослужебном характере городищ, сформировавшейся в результате «научных путешествий» последнего.

В связи с этим, чтобы получить представления о том опыте, на который мог опереться Д. Я. Самоквасов, имеет смысл остановиться на наиболее значимых работах предшествующего периода.

Первой в отечественной науке четко сформулированной программой исследования славянских древностей языческого периода была «система» З. Ходаковского (Адам Чарноцкий). Уже в 1818 он писал о необходимости изучения славянских городищ (он считал их остатками святилищ), а в 1820 г. представил целый «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории». Для реализации этой «комплексной программы» Петербургской академией наук в течение 1820—1822 гг. даже выделялись средства¹. Им был обследован ряд районов Северо-Западной России, производились раскопки сопки в Новгороде («Могила Гостомысла»), в Бежецах и Старой Ладогге². Он описывал открываемый погребальный обряд, пытался очертить территорию их распространения, реконструировал этапы создания насыпи³. Большое значение Ходаковский придавал сбору сведений о городищах и окружающей их топонимике, привлекая при этом данные не только собственных «научных путешествий» (Галиция, Приднепровье, Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская и Смоленская губернии), но и сведения разнообразных корреспондентов. По результатам его работы М. П. Погодин составил две карты городищ, опубликовав в своей «Древней русской истории до монгольского ига» (Т. III. 1871 г.)⁴. Интересно, что Д. Я. Самоквасов весьма скептически относился не только к теории богослужебного значения городищ, отстаиваемой Ходаковским, но и к его полевым изысканиям: «...теории Ходаковского о древних городищах основаны не на изучении городищ в натуре, а на кабинетной работе, при которой путешествие по России только маскировало чисто теоретические построения»⁵. Проанализировав его работы, Д. Я. Самоквасов приходил к выводу, что Ходаковский только в течение одного года проводил обследование городищ, притом на весьма обширной территории (повод для сомнений в их качестве), а название урочищ получал из карт межевой канцелярии и от своих корреспондентов⁶.

Одним из таких корреспондентов выступал и митрополит Е. А. Болховитинов. Им самим осматривался ряд памятников, проводились небольшие раскопки в Великом Новгороде, хорошо известна и его роль в организации археологических раскопок в Киеве в 20—30-е гг.⁷.

Несколько городищ в Рязанской губернии, главным образом Старую Рязань, обследовал прижизненный оппонент Ходаковского К. Ф. Калайдович⁸. Укрепленные поселения, в том числе и славянские, осматривал и П. И. Кеппен⁹. В 20—30 гг. курганы в Курской губернии исследовал местный краевед, член императорского Географического общества, А. И. Дмитриюков, раскопавший насыпи у г. Суджи («Крестище»), в Горнальском могильнике и др. местах¹⁰.

С не менее масштабным, чем у Ходаковского планом археологических исследований обращался в «Общество истории и древностей российских» В. В. Пасек. Он предлагал проводить раскопки курганов для выяснения между ними различия и определения их народности и городищ для выяснения границы Древней Руси, в частности юго-восточной¹¹. Им были осуществлены полевые изыскания на Донецком городище, обследованы и некоторые другие памятники, среди которых каменные бабы¹².

Древности Киевской губернии в те же 30—40-е гг. изучались специальной «Временной Комиссией»¹³, а все сведения о раскопках (случайных и раскопок членов комиссии) были обобщены губернатором И. Фундуклеем¹⁴.

К первой половине XIX в. наиболее изученными оставались западные губернии Российской империи¹⁵, где работали такие исследователи, как К. А. Говорской¹⁶, М. Ф. Кусцинский («Опыт археологических исследований в Лепельском уезде», 1865 г.) и К. П. Тышкевич («О курганах в Литве и Западной Белоруссии», 1865 г.)¹⁷, который вместе со своим братом Е. П. Тышкевичем раскопал не одну тысячу курганов в Белоруссии¹⁸. Со второй половины XIX в. в изучении погребальных памятников славян выделяются также имена А. М. Семеновского-Курило¹⁹ («Памятники старины Витебской губернии») и А. К. Киркора²¹.

Широко известны совместные раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева Владимирских курганов в 50-х гг. XIX века. За четыре сезона было исследовано 7757 курганов и несколько городищ. Результаты этих работ были опубликованы под названием «Меряне и их быт по курганным раскопкам»²².

Как и у большинства предшественников Д. Я. Самоквасова, его самые первые полевые исследования носили характер «научных путешествий». Правда, имели и достаточно серьезное отличие от многих ранее проводимых исследований. Летом 1870 г. он осматривал побережье Десны на своей малой Родине в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии, где открыл 11 городищ. Однако первые выводы молодого ученого о жилом и военно-оборонительном характере городищ встретили критику таких корифеев, как М. П. Погодин, И. И. Срезневский др., для которых оперирование данными только по одному уезду выглядело неубедительно²³. Тогда летом 1871 и весной 1872 гг., диссертант совершает новые научные путешествия, в ходе которых было обследовано до 70 городищ в Петербургской (на левом берегу р. Невы: 1 у с. Усть-Ижора, 1 на Шереметьевом поле в 2-х верстах от с. Вознесенское, 1 в с. Ивановское и 1 у с. Петручикина; 1 на левом берегу р. Назыи у д. Апраксин городок и 1 на левом берегу р. Лавы у д. Городище), Новгородской (на р. Волхов: 1 в Старой Ладоге, 1 в 2-х верстах вниз по течению от Старой Ладоги в устье ручья Короповского, 1 в 9 верстах вверх по течению от Старой Ладоги у д. Дубовики и 1 в устье ручья Солоника у с. Городища, в окрестностях Новгорода: «Холопий городок» в 8 верстах от Новгорода на

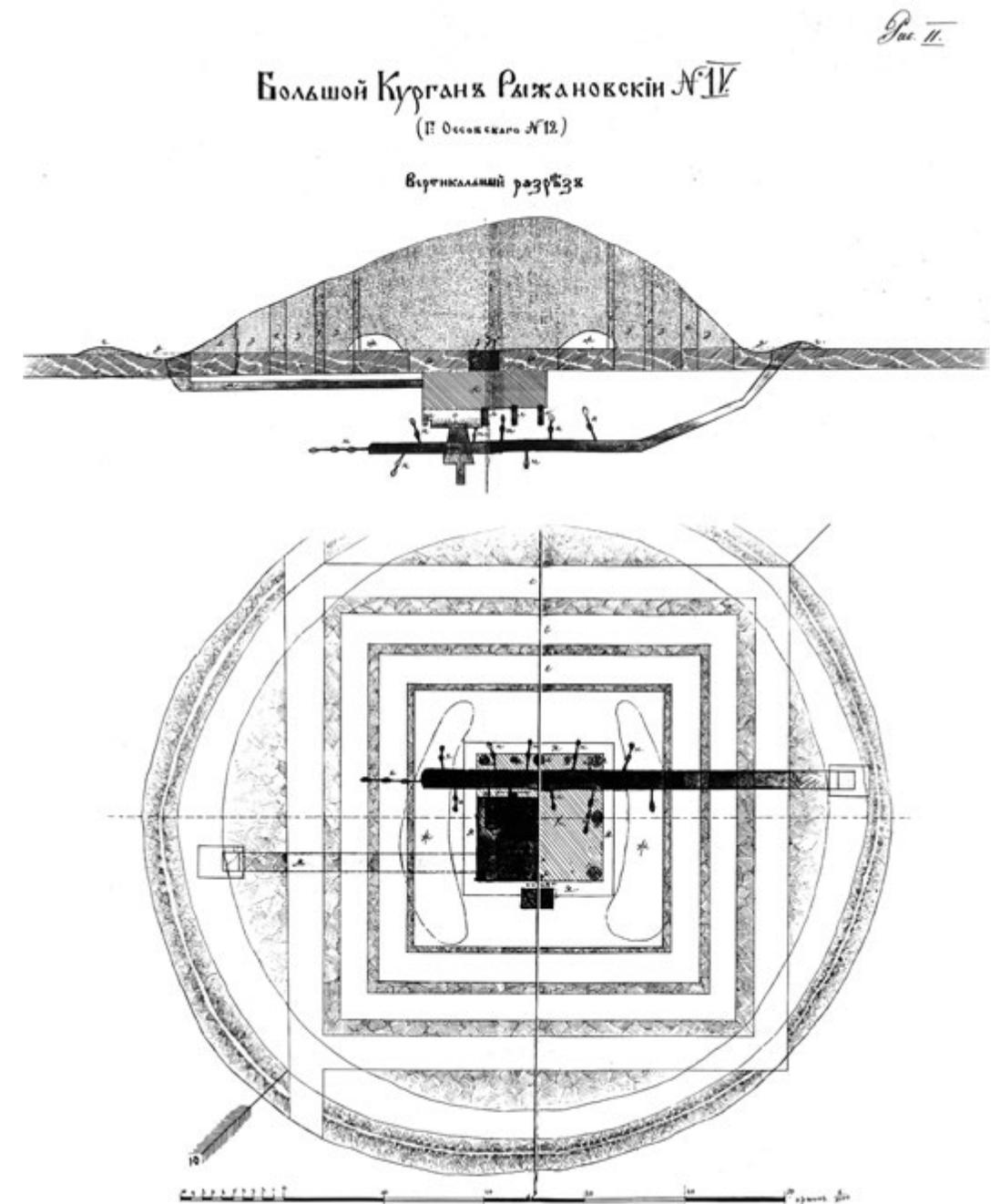

Рис. 29. Большой курган № 4 у с. Рыжановка, Звенигородский уезд. 1890 г. РА ИИМК. Ф.1. Оп. 1890 г. Д. 60. Л. 26а

правом берегу р. Волхов, 1 напротив предместья «Славки», в 1 версте от Новгорода, 1 у д. Сергиева, в 6 верстах от почтовой станции Борки, и 1 в версте от с. Бронницы), Тверской (1 в Старорусском уезде, у д. Варяско на р. Ловати), Московской (Дьяконовское городище на р. Москве), Курской (1 на р. Вырь у с. Ворожьба, 3 на р. Псел: 2 у Николаевской Белогорской пустыни, 1 у с. Рыбицы, 1 на р. Рать у д. Городище, 1 на р. Куре у д. Гнездилово, 15 на р. Сейм: 2 под Курском у д. Толмочево, 1 у с. Полевое, 1 у с. Красное, 1 в Путивле, 1 у д. Уцкой, 1 у д. Ширяево, 1 у с. Гончар, 1 у с. Линово, 2 у Сафроновской пустыни, 1 у с. Буняково, 2 у с. Горки, 1 между х. Стоны и с. Горки, 1 между с. Теткино и с. Поповка), Черниговской (11 на р. Десна: 3 между г. Новгород-Северский и с. Комань, 1 у с. Араповичи, 2 у с. Юхново, 2 у с. Горбово, 1 у с. Дегтяревка, 1 у с. Мезено и 1 при впадении Сновы в Десну у с. Брусилова, 3 на р. Малотечне: у д. Кудлаевка, у с. Стахорщина и у с. Бугриновка, 1 на р. Варе у д. Городище, 1 на р. Судости у д. Чубарова, 1 на р. Снова у м. Седнева, 2 на р. Бабинец: 1 у с. Мериновки и 1 у с. Левинки), Харьковской (2 под Белгородом на р. Севрский Донец) и Киевской (на р. Днепр: 1 в Вышгороде, 1 у Китаевской пустыни, 1 у с. Пирогово, 1 в местечке Триполье, 1 у д. Халепье, 1 у с. Стайки и 1 в с. Витичев) губерниях²⁴.

Исследование городищ носило разведочный характер (осмотр, измерение, сбор подъемного материала, покупка вещей у местного населения), лишь на некоторых из них проводились земляные работы. Так, на Дьяконовском городище на р. Москва было обследовано обнажение вала и заложен шурф²⁵.

Полевые изыскания оправдали ожидания молодого ученого: черепки разбитой посуды и кости, орудия труда и украшения, оружие и монеты, найденные на городищах, свидетельствовали в пользу его взглядов. Тем не менее, полученных данных было недостаточно, чтобы ответить на один из основных вопросов его магистерской диссертации, тема которой звучала как «Древние города России», о количестве городов в Древней Руси до монгольского нашествия. Нехватка средств и времени заставили найти весьма удачный выход из сложившейся ситуации. Д. Я. Самоквасов стал одним из первых, кто применил методику сплошного обследования территории, используя для этого систематический сбор информации о городищах и курганах через Центральный статистический комитет²⁶. Результаты его работ нашли отражение в диссертации, а также в реферате «Историческое значение городищ», прочитанном на III АС, но опубликованном позже²⁷.

Осматривая городища, исследователь заметил, что многие из них сопровождаются курганными группами, на основании чего он предположил, что это общественные кладбища их обитателей²⁸. Несмотря на то, что работа над диссертацией была практически закончена, Д. Я. Самоквасов, ссудив денег у родственников и знакомых, получив несколько сот рублей у Черниговского земства и статистического комитета, а также у статистического комитета Курской губернии, начал проверку своих предположений²⁹.

Дополнительное финансирование было получено и от ИМАО. Так, А. С. Уваров писал ему: «Московское археологическое общество, выслушав в заседании 12 июня [1872 г. — А. Г.] Ваши исследования о городищах, выразило желание содействовать к разъяснению столь важного вопроса для археологии русской и постановило отпустить Вам 300 рублей на исследование и раскопку городищ...»³⁰. Дело в том, что

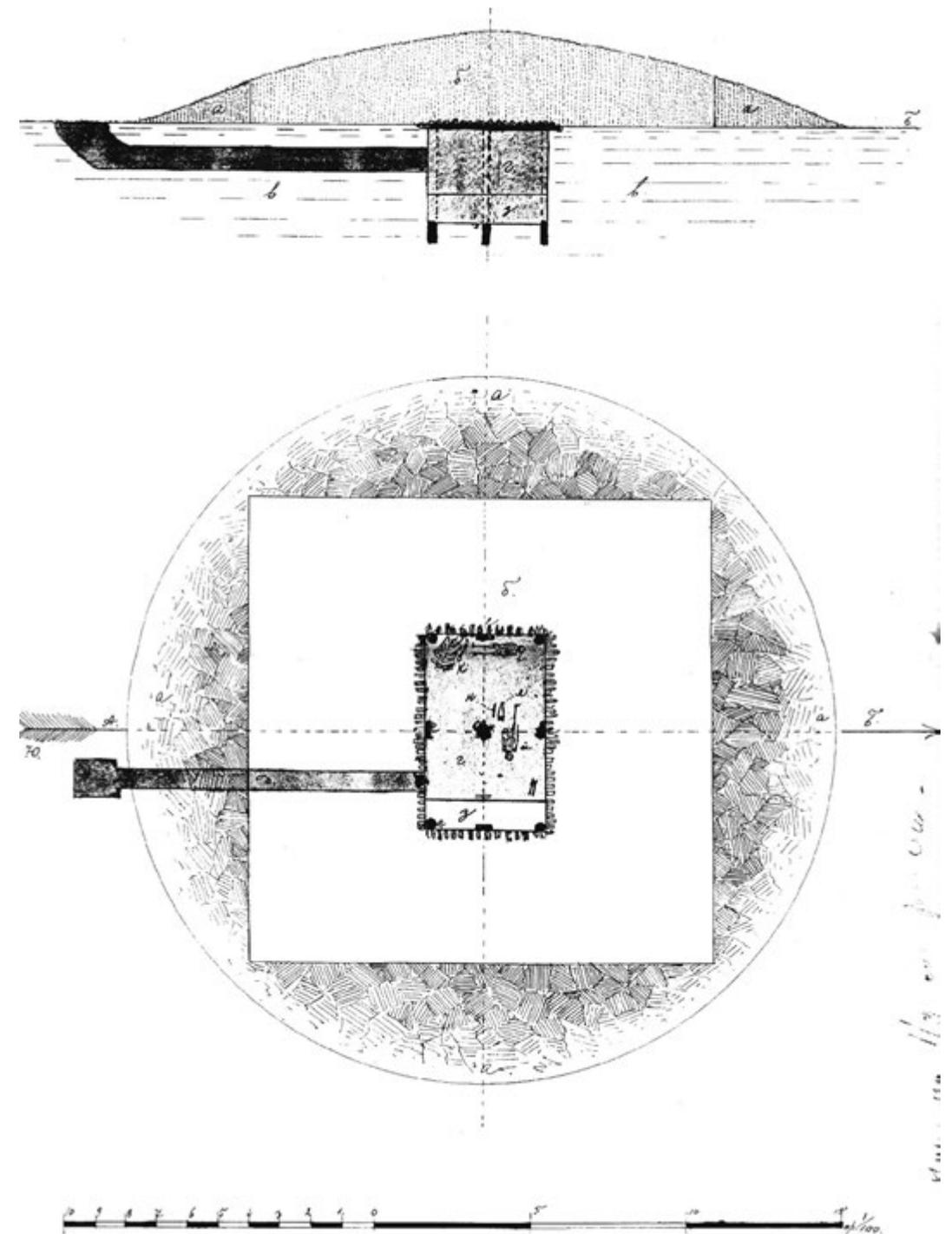

Рис. 30. Курган № 5 у с. Рыжановка, Звенигородский уезд. 1890 г. РА ИИМК. Ф.1. Оп. 1890 г. Д. 65. Л. 28.

с 1872 г. ИМАО, главным образом, его председатель, инициируют раскопки древних земляных насыпей в границах расселения восточнославянских племен, указанных в летописи. В создании этой программы проявили себя, отмечаемые исследователями, «национальные акценты» в археологической деятельности А. С. Уварова³¹.

Его идеи оказались близки взглядам Д. Я. Самоквасова, который принял на себя изучение древностей северян³². Кроме него в исследованиях памятников восточных славян приняли участие М. Ф. Кусцинский, изучавший древности кривичей³³, Л. К. Ивановский³⁴, копавший курганы новгородских словен, позднее, В. Б. Антонович³⁵, обратившийся к археологическим памятникам Поднепровья и некоторые другие ученые.

Можно предположить, что первые успехи молодого ученого в изучении городищ и курганов способствовали оформлению программы А. С. Уварова. По крайней мере, уже в одной из первых своих археологических работ, датированной 1872 г., он призвал приступить к изучению «...древних земляных насыпей, со средствами, систематически, по определенному плану»³⁶.

В том же 1872 году Д. Я. Самоквасов начинает реализацию своего масштабного проекта по изучению древностей северян, которые, согласно летописи, расселились в бассейне Десны, Сейма и Сулы. Основное внимание при этом уделялось курганам. Сам ученый в 1875 г. писал, что первоначально планировалось исследование по одной или две курганные группы, расположенные вблизи древних городищ, в каждом уезде в пределах «Северянской земли»³⁷. Однако на практике реализовать это оказалось весьма затруднительно, поскольку встречались могильники, заключавшие в себе по несколько сот курганов. Методика была скорректирована. В нескольких местах могильника раскапывались курганы разной величины, всего не более трети количества насыпей. Работы на курганной группе прекращались только тогда, «...когда уже не оставалось надежды найти между оставшимися могилами отличные от исследованных по своему содержанию...»³⁸. При этом, выводы, полученные при изучении отдельных курганов, распространялись на весь комплекс.

Первые работы проводились на Белогорских (Горнальских) городищах на р. Псел и могильнике вокруг них. Всего открыто 356 насыпей, из которых между с. Рождественское и с. Горналь было раскопано 86. Вычленилась группа курганов с трупосожжениями (с правой стороны дороги из с. Рождественское в Белогорский монастырь) и с трупоположениями (с левой стороны от дороги из монастыря в с. Горналь)³⁹ (Рис. 33). Еще 19 насыпей открыто в 3 верстах от заштатного г. Мирополье, у дороги на Суджу. Здесь раскопаны все 5 сохранившиеся и 3 разрушенные кургана.

Изучая погребальные памятники северской земли, Д. Я. Самоквасов не мог обойти ее главных по размерам и местоположению археологических объектов. В Чернигове, в роще Троицкого монастыря на Болдиных горах, он обнаружил могильник, содержащий 248 курганов (Рис. 15). Было исследовано 58 насыпей небольшого размера, с костяками, и 3 из 4 наиболее крупных кургана. Один оказался разграблен, в двух — «Гульбище» и «Безымянный» — открыты погребения с кострищами⁴⁰ (Рис. 14, 16—20). Под конец полевого сезона 1872 г. Д. Я. Самоквасов приступил к раскопкам насыпей в городской черте Чернигова, в том числе и самого большого кургана, нахо-

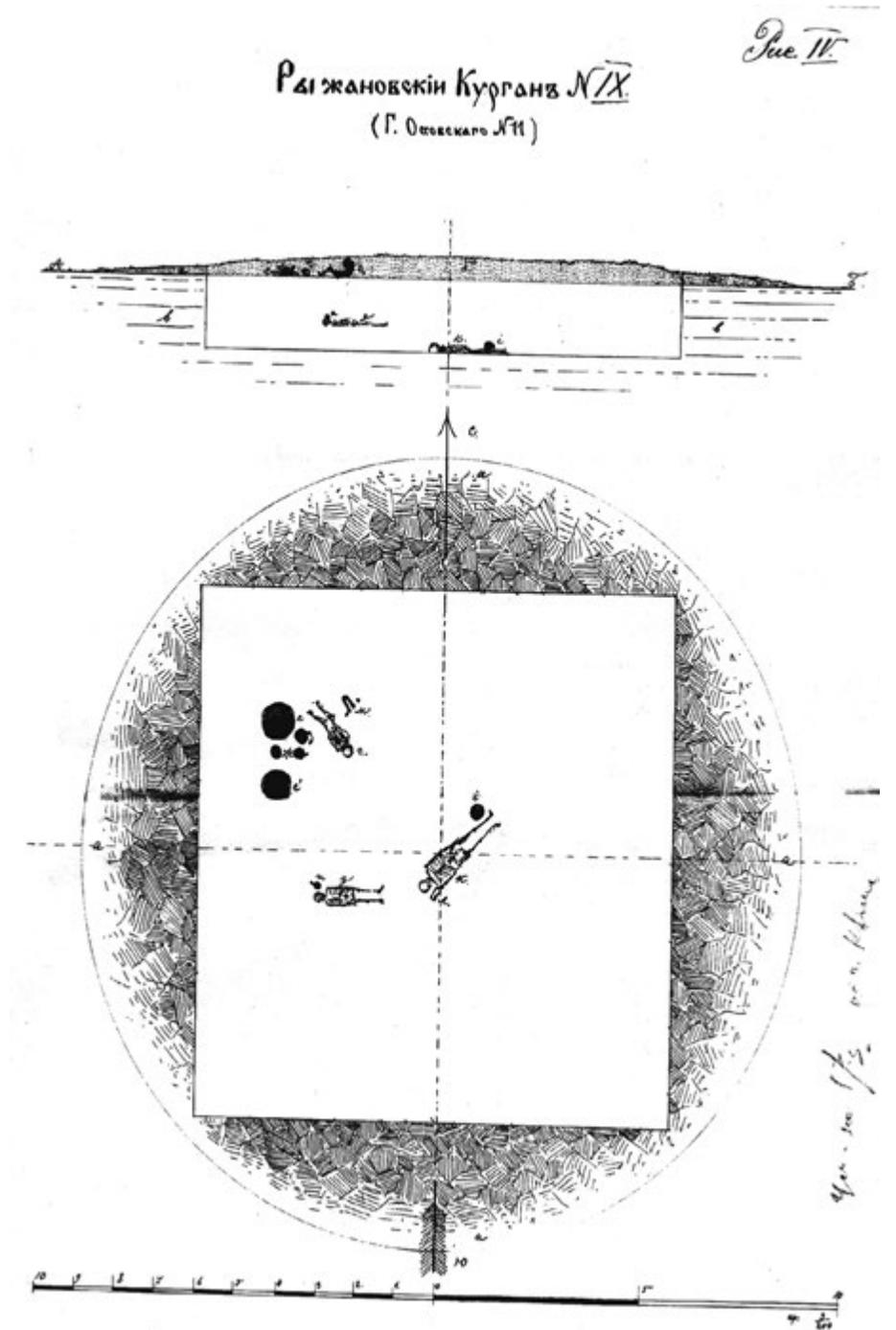

Рис. 31. Большой курган № 4 у с. Рыжановка, Звенигородский уезд. 1890 г. РА ИИМК. Ф.1. Оп. 1890 г. Д. 60. Л. 29

дившегося в огородах Елецкого монастыря, носившего название «Черная Могила» (Рис. 3—13). В этом году он успел порыть «пробную траншею», сделать боковой и вертикальный (в западной части) срез насыпи. Курган был докопан в течение июня-сентября 1873 г. и дал поистине уникальные материалы. При этом в работах принимали участие от 20 до 40 копачей ежедневно⁴¹. Завершив раскопки, Д. Я. Самоквасов, одним из первых в отечественной практике, на собственные средства, восстановил насыпи «Черной Могилы», «Гульбища» и «Безымянного»⁴² (Рис. 4, 14).

Кроме того, в 1873 г. был заложен шурф на Юхновском городище (р. Десна), а также исследованы городище и курганы в Глуховском уезде Черниговской губернии на р. Клевень у с. Волокитино (открыто около 20 насыпей, из них 9 вскрыто в урочище Дорошевское кладбище и 3 — у слободки Городища), в 2-х верстах от с. Ротовка (раскопаны 8 из 10 сохранившихся курганов) и в Кролевецком уезде между д. Любитово и с. Спасское (выявлено 20 распаханых курганов, 9 изучено)⁴³. На городище им осматривался участок раскопанный хозяином земли, помещиком Микляшевским, от которого были получены 2 «заостренные кости» и топор, и заложен небольшой шурф⁴⁴. Помимо этого в одной из своих последних работ Д. Я. Самоквасов упоминает о раскопанном им здесь в 1875 г. подземном ходе⁴⁵.

Главным пунктом исследований в полевом сезоне 1874 г. стала округа местечка Седнев, расположенного на р. Снова, в 20 верстах от Чернигова. В обнаруженном могильнике он насчитал до 40 больших и до 150 курганов меньшей величины. Из них было раскопано: 29 — при выезде из Седнева на Городню, 7 — при выезде на Березину, 1 — при выезде на Чернигов, 2 в самом местечке (Рис. 21). Осматривались ученым и окрестности г. Стародуба. На левом берегу р. Бабинец («Бабинига»), у с. Мериновка, он обнаружил 2 могильника (30 примыкающих к городищу курганов в урочище «Заречье» и до 50 курганов в урочище «Жабкина лужа») (Рис. 22). В первой группе удалось изучить 17 курганов, во второй — 12. Следы сильно распаханного могильника были выявлены на правом берегу р. Бабинец, в 6 верстах от Стародуба, в полях с. Левинки. Раскопкам подверглись 6 сохранившихся насыпей и 5 незначительных возвышений, оказавшихся пустыми. Почти разрушенный могильник обнаружил ученый и на р. Десне в Рыковской волости Новгород-Северского уезда между селами Рыково, Хворостовичи и Бугриновка в урочище «Курганы». В 4 из 6 «разрытых на пробу» возвышениях оказались погребения.

Целый ряд пунктов исследовалось и в 1875 г. Произведена шурфовка на Ратском городище (д. Городище, правый берег р. Рать). Раскапывались курганы у с. Марьяновка Путивльского уезда на р. Снове (из 30 вскрыто 7), у х. Сетное Сумского уезда (из 24 вскрыто 8). Под Курском на правом берегу р. Сейм между д. Толмачево и д. Городище Д. Я. Самоквасов выявил несколько курганных групп: 11 насыпей у с. Клюква, 5 у д. Звягинцево, 15 у д. Александровка, 5 у с. Котовцево, 10 между с. Котовцево и д. Городище. Раскопкам подвергались 5 курганов между с. Клюква и д. Александровка и 9 — между Александровкой и с. Котовево. Девять насыпей было вскрыто у д. Александровка и 1 у д. Клиновой⁴⁶.

Основные результаты исследований ученого в 1872—75 гг. были изложены в реферате, опубликованном в трудах III АС. К этому времени в поле зрения ученого ока-

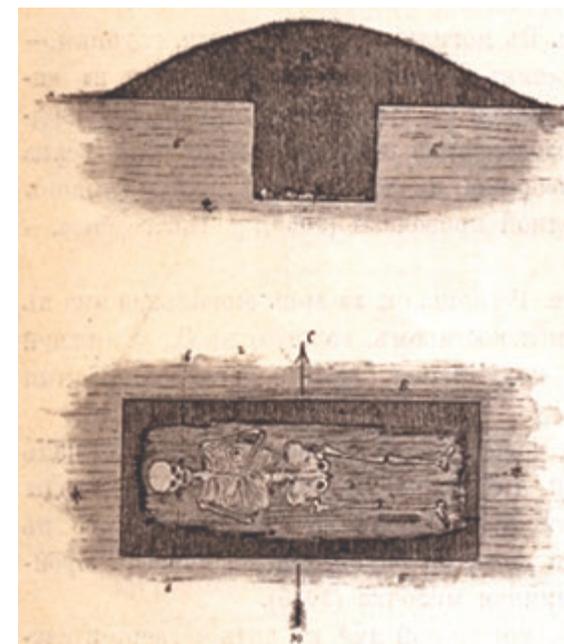

Рис. 32. Подкурганные захоронения в могильных ямах. (См.: Могилы Русской земли. М., 1908)

залось 313 курганов, как он считал, летописных северян (17 групп на территории тогдашних Черниговской, Харьковской и Курской губерний). При этом Д. Я. Самоквасов подчеркивал, что план реализован только наполовину⁴⁷.

Отметим, что в свой реферат ученый не включил 12 курганов в окрестностях Киева («за Лыбедью недалеко от вокзала Курско-Киевской железной дороги»), исследованных к III АС, и 4 кургана, расположенных в 6 верстах от Киева, в Китаевской пустыни, раскопанных непосредственно во время съезда⁴⁸.

Основным источником финансирования раскопок 1873, 1874 и 1875 гг. были собственные сбережения Д. Я. Самоквасова⁴⁹. В конце же 1875 г. ему удалось, одним из первых в России, получить государственные субсидии на частные исследования в размере 500 рублей сроком на 5 лет (с 1876 по 1880 гг.). Это стало возможным благодаря высокой оценке результатов его первых раскопок руководителями Министерства народного просвещения и поддержки некоторых крупных деятелей науки того времени. Так, попечитель Варшавского учебного округа, ходатайствуя в 1875 г. о выделении Д. Я. Самоквасову пособия, называет его археологические труды «замечательными и в высшей степени полезными». Особое внимание в письме уделяется его коллекции древностей, обращавшей на себя внимание, как русских, так и зарубежных ученых. «Этот музей, по мнению попечителя округа, наглядно определяет быт и степень культуры славян языческой поры, населявших означенные местности [Черниговскую и Курскую губернии — А. Г.] и уже теперь проливает свет на тот древнейший период существования русского государства, куда не проникли наши летописные сказания»⁵⁰.

Имея, хоть и не столь значительное, но стабильное пособие, Д. Я. Самоквасов продолжил реализацию своей программы. В 1876 г. он вернулся на Юхновское городище, на котором провел исследования достаточно широкой площадью. Заложив две траншеи по 4,5 сажени длины (9,6 м) и около 3 сажени (6,4 м) ширины, ученый установил отсутствие там материалов древнерусского времени, да и вообще железного века⁵¹. Недалеко от станции Бахмач-Роменский Конотопского уезда Черниговской губернии Д. Я. Самоквасовым были обнаружены следы 14 небольших насыпей. В 3 исследованных курганах он выявил погребения древнерусского времени с гробами в могильных ямах, углубленных в материк. В том же году сходные захоронения обнаружил ученый в курганных группах у ур. Копцево (до 50 насыпей, раскопано 16) и ур. Межское (до 60 насыпей, раскопано 18), располагавшихся в окрестностях с. Медвежье Роменского уезда Полтавской губернии, а также в «громадном» могильнике на выгоне с. Липового, того же уезда. Последний объект Д. Я. Самоквасов обнаружил, находясь в с. Липовом проездом и в течение дня вскрыл 3 кургана⁵².

Кроме памятников славяно-русского времени в Посулье (Роменский уезд Полтавской губернии) Д. Я. Самоквасовым выявляется целый ряд объектов раннего железного века. В окрестностях с. Великие и Малые Будки, Волховцы, Аксютинцы, Ярмолинцы, Сурмачовка, Волошиновка он зафиксировал несколько курганных групп, содержащих от 30 до 600 насыпей. В 1876 г. его внимание привлек могильник в ур. Солодкое (вскрыто 27 курганов) и ур. Великие Будки (вскрыто 3 кургана) у с. Аксютинцы. Три кургана раскопано в г. Ромны, 35 курганов, в том числе и «Веселая могила», у с. Медвежье, 2 — в с. Герасимовка. Притом, в верхней части насыпи кургана № 1 последней группы было вскрыто 6 погребений, совершенных по христианскому обряду⁵³.

Однако, в 1876 г. ученый вряд ли ставил своей целью изучение курганов раннего железного века в Посулье. Уже в этом сезоне работы приносятся в Киевскую губернию. К курганам же выделенного им «аксютинского типа» он возвращается только в 1888—1889 гг., когда им ставились совсем иные задачи, в том числе и охранные. В качестве причины возобновления раскопок Д. Я. Самоквасов указывал не только «чрезвычайный интерес в археологическом отношении» этих курганов, но и быстрое исчезновение многих из них. Так, в 1878 г. при новом размежевании земель в окрестностях с. Аксютинцы все курганы ур. Стайкин Верх были отданы в надел крестьянам, которые вырубали дубовый лес и начали их активную распашку. Эта группа и стала основным объектом исследования в 1888 г. Вместе с Д. Я. Самоквасовым в исследованиях принимали участие С. А. Мазараки, В. З. Завитневич и И. А. Линниченко. Всего удалось вскрыть 32 кургана (15 в 1888 г.) разной величины и приступить к раскопкам господствующего кургана, носившего имя «Старшая могила» (более 200 м в окружности основания и около 18 м отвесной высоты). Работы были начаты в конце июля, в самый разгар полевых работ, но привлечение квартировавшего поблизости кавалерийского полка, позволило решить проблему дефицита рабочей силы. Несмотря на это, «Старшая могила» докапывалась на следующий год. Помешал колодец, оставшийся после незаконченных раскопок Т. В. Кибальчича 1876 года, который пришлось осушать. Кроме того, в 1889 г. работы проводились в ур. Привалы (Провалье) при впадении р. Хмелевки в Сулу (2 насыпи из 32), у д. Лозовая (3 — примерно

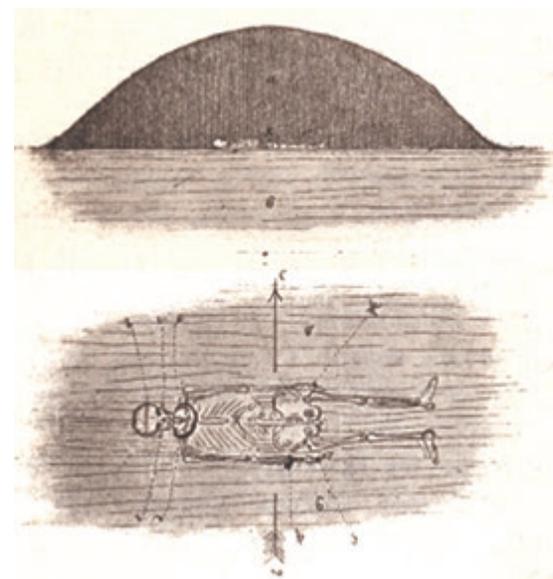

Рис. 33. Подкурганные захоронения на горизонте. Курганный могильник у Белогорского-Николаевского монастыря, Суджанский уезд. (См.: Могилы Русской земли. М., 1908)

из 20), в ур. Камашня (Каменое) у с. Ярмолинцы (5 — примерно из 100) и в ур. Круглык у с. Сурмачевка (6 — примерно из 150)⁵⁴.

В 1876 же году начинается изучение памятников бассейна рр. Россь и Россавя в Каневском уезде Киевской губернии, что, как писал позднее сам Д. Я. Самоквасов, было предусмотрено его планом, озвученным на III АС⁵⁵. Это говорит о корректировке его программы и расширении ее до границ всего Среднего Поднепровья. Он заложил «пробные ямы» на городище раннего железного века у с. Яблоновка и раскопал 8 курганов вблизи от него⁵⁶. Наиболее интересные результаты дал курган № 1, носивший название «Острая могила». При достаточно больших размерах (12 аршин отвесной высоты, около 150 аршин в окружности основания) он оказался не грабленным, что позволило восстановить погребальный обряд. По представлениям Д. Я. Самоквасова, было произведено сожжение покойника на предварительно приготовленной насыпи, после чего прах собрали в сосуд, который поставили в уже приготовленную срубную гробницу, а затем туда свалили и кострище (Рис. 24). Близкий этому обряд был зафиксирован в курганах № 3 и № 5. Аналогию такому способу погребения Д. Я. Самоквасов увидел в курганах с кострищами Чернигова, что не могло не способствовать продолжению раскопок в этой «...любопытной по самим своим названиям местности»⁵⁷.

Завершая же сезон 1876 г. Д. Я. Самоквасов решил посетить устье р. Россь, в поисках упоминаемого в летописи города Родня. Там он выявил городище «Княжья

гора». Чтобы спасти для науки «содержание» городища, быстро разрушавшегося разливом реки, ученый решил исследовать его «уже не пробными ямами, а раскопать всю сохранившуюся часть». Располагая всего двумя рабочими днями, он нанял для раскопок почти все взрослое население находящегося поблизости с. Пекари, а для надзора за ходом работ пригласить полицейских⁵⁸.

Раскопки 1876 г. стали определенным рубежом в полевых исследованиях Д. Я. Самоквасова. Вновь открытые объекты, более разнообразной культурно-хронологической и этнической принадлежности, способствовали началу разработки новых научных направлений, расширению географии полевых работ. В начале XX в. ученый писал: «...я встретил в 1876 году на южной окраине этой земли [северянской — А. Г.] указания на историческую связь могил древних Северян с могилами древних Сарматов и Скитов, а потому передвинул исследования в области древней Сарматии и Скитии, с целью выяснить генетическую связь Руссов с древними Росами — Россаланами, Савраматами и Сколотами; а передвинув раскопки в области Скитов и Сарматов, я встретил в них, рядом с савроматскими и солотскими могильниками, могильники других древних народов: Киммерян, Гетов, Козар, Печенегов, Половцев и Татар»⁵⁹.

В 1877 г. как основной объект исследований в Поросье планировались уже не курганы восточных славян, а памятники, относившиеся к более ранней эпохе — большие курганы с трупосожжениями, подобные открытым в «Острой могиле»⁶⁰. Однако, прежде Д. Я. Самоквасов все же отправился в Переяславский уезд Полтавской губернии. Внимание археолога привлекли окрестности Переяславля, который, по его словам, «...со всех сторон был окружен множеством курганов...»⁶¹. Всего он насчитал более 1000 насыпей древнерусского времени⁶², объединенных в 4 группы. В каждой из них, по уже привычной схеме, исследовалось от 10 до 15 объектов. Поскольку все захоронения, по его мнению, имели однотипный обряд — погребения на спине головой на запад, руки сложены на груди или животе, в подкурганных ямах со следами гроба — им описывались только курганы с инвентарем, которые и получили нумерацию (Рис. 32). Из 55 исследованных — таких оказалось 17. 4 в ур. «Альтецком» (при выезде из Переяславля на паромную пристань, у церкви), 3 — на выгоне у городского острога, 8 — в урочище «Ярморочная площадь» (при выезде на Киев) и 3 — в ур. «Подворы» (при выезде на г. Пирятин)⁶³ (Рис. 23). Кроме того, в Полтавской губернии у с. Войницы были раскопаны 2 одиночных кургана большого размера, давшие захоронения эпохи бронзы. В насыпи кургана № 1, также имевшем название «Острая могила», были встречены 2 христианских погребения в гробах и захоронение кочевника.

Взявшись за исследования больших курганов, Д. Я. Самоквасов, видимо, надеялся в них встретить искомые им трупосожжения. Однако и в Каневском Поднепровье подобные курганы содержали, главным образом, могилы эпохи бронзы. У д. Гармани Черкасского уезда вдоль устья р. Россавы на левом берегу р. Россы он обнаружил 24 кургана большой величины. Из раскопанных им 13 насыпей 8 относятся к эпохе бронзы (данных о содержании оставшихся 5 насыпей найти не удалось). Десять подобных насыпей вскрыто в окрестностях сс. Россавы, Мироновка и Арбузино Каневского уезда. Среди них и «Панская могила» (устье р. Кагарлык у с. Россавы), содержащая разрушенное кочевническое погребение и 2 могилы эпохи бронзы⁶⁴.

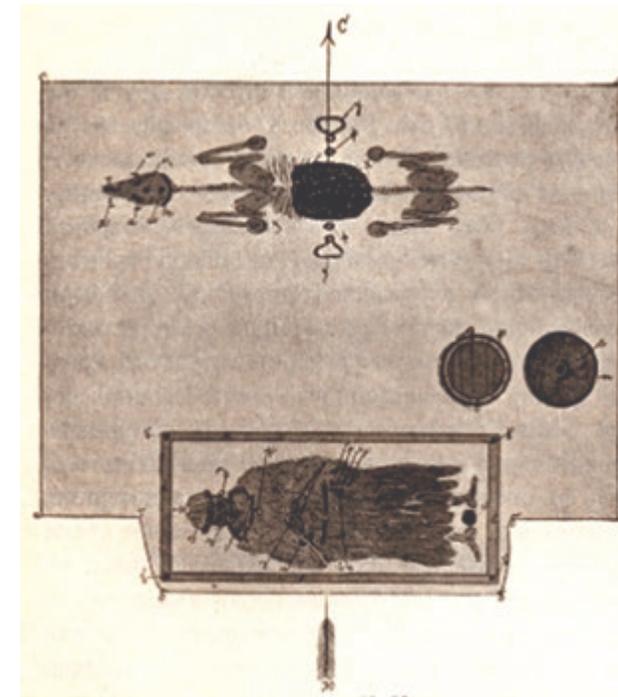

Рис. 34. Курган №1 у с. Россавы, Ур. Лучки, Каневский уезд. 1877 г. (См.: Могилы Русской земли. М., 1908)

В окрестностях с. Россавы Д. Я. Самоквасов обследовал еще две курганные группы — в ур. Лучки и «У общественного кладбища». Первый могильник уже был известен в литературе. Наиболее заметные курганы были раскопаны еще в 60-х гг. местными крестьянами в поисках кладов, после того, как при строительстве куреня они обнаружили погребение кочевника. Затем, по приглашению владельца земли графа К. В. Браницкого 4 кургана в этой группе раскопал У. К. Виктовский. Он опубликовал эти материалы, в том числе и план, которым воспользовался Д. Я. Самоквасов, в трудах III АС в Киеве⁶⁵. К 1877 г. большинство курганов внешне фиксировались только по материковым выбросам. Из 28 насыпей в ур. Лучки, обозначенных на плане У. К. Виктовского, Самоквасов раскопал 18, которые удалось обнаружить, и «перекопал» все ранее вскрытые курганы. В 14 из расчищенных пятен обнаружены трупоположения в ямах с гробами, в 3 — погребения были разрушены. Три кургана больших размеров, 2 из которых уже подвергались вскрытию крестьянами, дали кочевнические погребения. Наиболее богатым оказалось женское захоронение в кургане № 1. Его удалось обнаружить только с помощью одного из старожилов, участвовавшего в исследованиях «Панской могилы» и указавшего местонахождение. После снятия распаханного слоя и зачистки материка открылась прямоугольная могильная яма, в которой располагался скелет человека и лошади. Это погребение выделяло разнообразие сохранившегося инвентаря, в том числе и одежды (Рис. 34).

Во второй группе, располагавшейся с юго-западной стороны от села, насчитывалось 34 кургана, 24 из которых были раскопаны. Все насыпи содержали ингумации древнерусского времени, подобные открытым в первой группе⁶⁶.

Три кургана, аналогии которым Д. Я. Самоквасов увидел в курганах Киева, раскопанных во время III АС, были изучены при выезде из с. Триполье в с. Стайки⁶⁷.

Интересно, что одной из целей исследования практически безинвентарных древнерусских погребений ставилось добывание костяков для Антропологических выставок 1878 и 1879 гг. Д. Я. Самоквасов предлагал А. П. Богданову от руководимого им Комитета по их устройству командировать одного из членов для раскопок курганов с костяками⁶⁸ в уже известном ему по публикации могильнике у с. Россава. Однако такого человека не нашлось. Тогда Комитет ассигновал самому автору идеи около 150 рублей на раскопки⁶⁹, из-за чего Д. Я. Самоквасову пришлось продлить свои полевые работы⁷⁰.

Завершив свои исследования в Каневском Поднепровье, Д. Я. Самоквасов вновь вернулся к обследованию памятников Чернигова и его округа. Им насчитывалось уже более 800 курганов по берегам Десны, Стрижня и Белоуса⁷¹. Еще 48 небольших курганов с труположениями в ямах было раскопано в «Троицкой» или «Болдинской» группе, где общее количество исследованных насыпей достигло 106. Одиннадцать подобных курганов Д. Я. Самоквасов вскрыл в группе из более 100 объектов, располагавшейся на правом берегу р. Стрижень, на выезде из Чернигова по ул. Гончей. Не последнюю роль в обращении к этим памятникам сыграло их плачевное состояние. Еще в 1872 г., когда ученый впервые осмотрел их, более половины вследствие интенсивной распашки едва фиксировались на поверхности⁷². Труположения в подкурганных ямах содержал и могильник из примерно 120 насыпей у д. Гушино. Из 11 раскопанных насыпей особым погребальным обрядом выделялся господствующий в группе курган, имевший более 4 м отвесной высоты и почти 60 м в окружности основания. В нем была зафиксирована прямоугольная в плане (2,8x2,8 м) срубная гробница, в которой примерно на глубине 3 м находился человеческий и лошадиный остов с западной ориентировкой (Рис. 25—27). Ученый придавал большое значение этому открытию, поскольку все металлические вещи, по его мнению, оказались «...совершенно сходны с соответствующими им предметами, открытыми прежде под Черниговом, в курганах с кострищами, в Черной Могиле и Гульбище»⁷³.

Не менее яркие открытия были сделаны при раскопках Черниговского детинца. Д. Я. Самоквасовым исследовались фундаменты трехпристойной церкви, заложенной, как считал ученый, в 1173 г. князем Святославом Всеволодовичем. Его работы стали продолжением раскопок Т. В. Кибальчича того же года, которые стали следствием обнажения части фундаментов и открытия в осыпи 9 экземпляров серебряных гривен киевского и черниговского типов. Во время раскрытия фундаментов, в том числе и части исследованной Кибальчичем, под алтарем Д. Я. Самоквасов обнаружил склеп с 3 христианскими погребениями, содержащими богатый инвентарь⁷⁴.

Помимо памятников Чернигова и его ближайшего пригорода, привлекла внимание Д. Я. Самоквасова и группа из 32 насыпей у с. Лариновка Новгород-Северского уезда. Здесь были раскопаны 16 небольших курганов с труположениями в ямах⁷⁵.

Рис. 35. Курган №2 у с. Яблоновка. Впускная могила. 1876 г.
(См.: Могилы Русской земли. М., 1908)

В 1879 г. Д. Я. Самоквасов кардинально меняет привычный для себя маршрут исследований. В августе он несколько дней осматривает и приобретает для своей коллекции древности Керчи и Тамани, участвует в раскопках курганов в окрестностях Фанагории⁷⁶. Затем обследует северное и южное побережье Днестровского лимана, от моря до Овидиополя и Аккермана. Сам ученый, правда, в работе начала XX в., целью этой поездки называл поиск могил киммерийских царей, упоминаемых Геродотом. Д. Я. Самоквасовым было выявлено 5 больших курганов⁷⁷.

Причиной такого резкого изменения района исследований могло стать стремление познакомиться с античными памятниками Северного Причерноморья для решения тех или иных научных проблем, в частности хронологической классификации древностей, к разработке которой Д. Я. Самоквасов приступил в это время. Однако решающую роль, видимо, сыграла необходимость укрепления здоровья жены профессора, которая в начале года перенесла тяжелую болезнь и поэтому они отправились в научное путешествие. Надо сказать, что проблемы со здоровьем испытывал и Д. Я. Самоквасов. «Уже две недели, как я лечусь электричеством от сильнейшей ревматической боли в правой руке...» — писал он в конце 1879 г. А. П. Богданову⁷⁸. Не удивительно, что в 1880 г. он вновь оправился на юг, в окрестности Евпатории, где раскопал курган у Майнанского озера, давший погребение эпохи бронзы.

В 1880 г. истек срок государственной субсидии. Пособия в 500 рублей, конечно, не хватало на серьезные систематические исследования и Самоквасову приходилось вкладывать свои средства. Так, на полевые работы 1872—1873 гг. в Чернигове

и его окрестностях исследователем было затрачено более 3000 рублей, при исследовании в 1876 г. курганов на Суле в Роменском уезде на изучение только одной «Старшей Могилы» израсходовано 1600 рублей, около 3000 рублей ушло на раскопки «Княжьей горы» и курганов на р. Рось и Россава, начатые в 1876 и законченные в 1877 г.⁷⁹ Примерно во столько же обходились и другие экспедиции ученого. Поэтому новое пособие просилось им в размере 1000 рублей сроком на 10 лет⁸⁰. Прошение Д. Я. Самоквасова поддержали ведущие ученые того периода. Директор Археологического института в Санкт-Петербурге Н. В. Калачев отмечал: «...труды профессора Самоквасова по производимым им раскопкам принесли так много осязательных данных для пользы науки, что не может быть никакого сомнения в том, что... тем самым оказано будет лишь некоторое содействие археологическим изысканиям...». Говоря о результатах, достигнутых Д. Я. Самоквасовым, помимо добытых коллекций, украшавших многие выставки, Н. В. Калачев называл также «научные выводы о быте наших предков», которыми он «обогастил литературу»⁸¹. Но, несмотря на положительные отзывы на запросы Департамента народного просвещения о значении раскопок ученого, в такой субсидии было отказано.

Тем не менее Д. Я. Самоквасов продолжил свои полевые изыскания. Основным объектом сезона 1881 г. стал Северный Кавказ. Выбор района исследования археолог объяснял желанием «...оказать посильную помощь в решении специальных задач...» назначенного на 1881 г. V АС в Тифлисе⁸². Отправляясь на Кавказ, имел он в виду и необходимость продолжения лечения жены: «Жена моя будет лечиться в Железноводске, а я произведу археологические исследования в окрестностях группы Кавказских Минеральных вод, а может быть, и в других пунктах»⁸³. В итоге раскопкам подверглись памятники в окрестностях Пятигорска и Кисловодска⁸⁴.

Однако перенесение основных полевых работ за пределы расселения восточнославянских племен не означало прекращение плана исследования их памятников. Так, в начале лета 1881 г., прежде чем отправиться на Кавказ, Д. Я. Самоквасов проводил раскопки в Черниговском уезде. В могильнике из 100 курганов у хутора Мишкин (в урочище Каменка), располагавшегося между местечком Седнев и г. Березною, им было вскрыто 12 насыпей содержащих могильные ямы с труположениями. Шестнадцать курганов, подобного устройства и содержания, были раскопаны в курганной группе (32 насыпи) недалеко от г. Березна, по дороге на м. Мена⁸⁵. Курганы в самой Мене Д. Я. Самоквасов исследовал в 1886 г., изучив 4 погребения, также совершенных по обряду ингумации в ямах, недалеко от железнодорожного вокзала, по дороге на г. Сосницу⁸⁶. В 1889 вместе с И. А. Линниченко и С. А. Мазараки удалось раскопать тридцать пять славянских курганов с труположениями в неглубоких ямах на р. Суле недалеко от г. Глинска Роменского уезда Полтавской губернии. Всего в могильнике фиксировалось «более пятидесяти небольших курганов, от едва заметных возвышенностей до 2 аршин отвесной высоты и от 25 до 35 арш. в окружности основания, расположенных друг возле друга...»⁸⁷ (Приложение № 2).

Помимо курганов языческой эпохи обращался в эти годы Самоквасов и к исследованию древностей христианского времени. Были проведены раскопки на погосте Черниговского кафедрального собора (Борисоглебского). В январе 1883 при подготовке

Рис. 36. Карта Северянской земли. (См.: Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908)

могилы для протоиерея этого храма Е. М. Пучковского рабочие открыли склеп, рядом с которым нашли значительное количество золотых и серебряных предметов. Этими находками и заинтересовался Д. Я. Самоквасов. В августе того же года, за два дня, им было заложено три небольших раскопа, в которых удалось зафиксировать 12 погребений, совершенных по христианскому обряду, а также склеп с перемешанными чело-

веческими костями (8 черепов). При этом все найденные ученым вещи происходили из культурного слоя древнего Чернигова⁸⁸.

Несмотря на то, что памятники славяно-русского времени в 80-е годы продолжали оставаться в сфере внимания этого ученого, отмечается достаточно серьезное сокращение их доли по сравнению с предшествующим десятилетием.

Тем не менее, практически все исследованные ученым памятники, в той или иной степени, связывались с ранней историей и происхождением славян. Так, прося через попечителя Варшавского учебного округа о выделении пособия на продолжение раскопок на Кавказе, он подчеркивал: «...связь истории черноземной области Приднепровья так называемой сармато-скифской эпохи с историей Кавказа первых столетий до и после Рождества Христова...» и указывал на возможность путем дальнейших археологических исследований «разъяснить многие темные вопросы древнейшей истории индоевропейских народов вообще и славян в частности»⁸⁹. На искомые цели при деятельном участии графа Уварова, удалось получить 1000 рублей, но только на 1 год. Раскопки производились в окрестностях Пятигорска, Тагаурском ущелье вблизи аула Чми в Осетии, урочище Харх в районе Военно-Грузинской дороги)⁹⁰. Успел Самоквасов побывать и в Крыму, где как писал А. С. Уварову, «почти напрасно потерял три недели... в окрестностях Евпатории, отыскивая там город Керкиний»⁹¹. Плодотворно использовал ученый и свою дорогу к месту исследований, осмотрев в 1881—82 гг. 18 городищ в области Войска Донского⁹².

В 1883 г. Д. Я. Самоквасов возвращается к раскопкам в Поднепровье, в области днепровских порогов. Им был обследован правый берег р. Конка, между урочищем Городиско и станцией Краснокутовка Лозовско-Севастопольской железной дороги. Здесь были открыты большой курган «Бесчастная могила», двадцать средних размеров и до пятисот небольших курганов. В этом же году «для пробы» ученый раскопал одну из насыпей с погребением скифского времени⁹³. Основные работы в этом районе ученый перенес на следующий год.

Весьма любопытен сам порядок организации этой экспедиции, дающий представления о практике проведения его полевых исследований, и иллюстрирующий проблемы, с которыми сталкивались археологи последней трети XIX века.

Планируя свои работы, ученый ставил конкретную историческую цель — «...определить местоположение кладбища скифских царей, упоминаемого Геродотом». Для этого им были намечены пункты исследований и заключено соглашение с владельцем земли, графом Канкриным. Не располагая достаточным количеством средств для раскопок курганов больших размеров, Д. Я. Самоквасов 4 октября 1883 г. обратился в ИАК с предложением «принять участие в... исследованиях своими средствами», в свою очередь «обязуясь доставить в полное распоряжение Комиссии: как дневник раскопок, так и вещи, найденные в курганах, раскопанных на средства Комиссии»⁹⁴. 31 марта ученый получает известие об ассигновании ему 3000 рублей на раскопки и 500 рублей на «путевые издержки»⁹⁵. 12 мая Д. Я. Самоквасов, еще находясь в Варшаве, уже просил прислать 400 рублей задатка рабочим и открытый лист⁹⁶. По его поручению, управляющим графа Канкрин А. И. Лесевицким была законтрактована артель «грабарей». По договору подрядчик поставлял 45 рабочих (из них 15 «конных

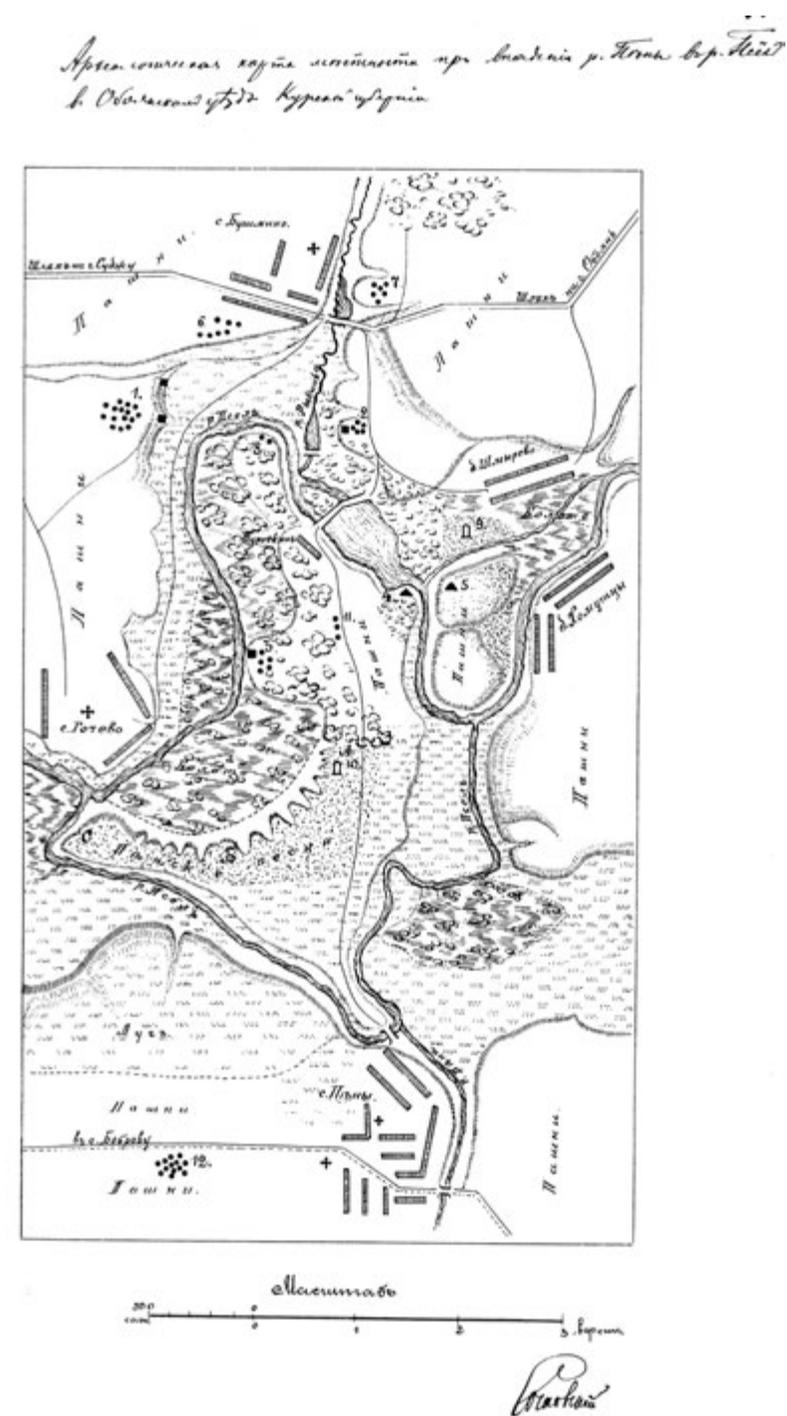

Рис. 37. Гочевский археологический комплекс. План. 1909 г. РА ИИМК. Ф.1. Оп. 1910. Д.86. Л.28

грабарей») «... с нужными инструментами, как-то: заступами, лопатами, ломами, кирками и другими, какие потребуются...». Питание людей и лошадей осуществлялось за счет подрядчика. На отдых, обед и кормление лошадей отводилось не более 2-х часов в день. На каждого человека и лошадь приходилась заработная плата по 32 рубля в месяц (24 рабочих дня). Эти условия считались очень выгодными, поскольку приходились «... на самое рабочее время, когда в Екатеринославской губернии косарям платят от 1 р. 50 к. до 2 р. в день»⁹⁷.

Д. Я. Самоквасов раскопал «Бесчастную могилу», в которой встретил 14 погребений, и 26 курганов меньшей величины. Полученные материалы относятся к эпохе бронзы, раннему железному веку и кочевническим древностям позднего средневековья. Рядом с этой группой у с. Новогеоргиевка ученый выявил грунтовый могильник. В нем было исследовано 9 могил гуннского времени. Во время раскопок у Новогеоргиевки Д. Я. Самоквасов получил предложение помещика д. Вороной Новомосковского уезда Екатеринославской губернии А. М. Микляшевского осмотреть курганы в его имении, часть которых раскопала его дочь А. А. Карцева. По пути на VI АС в Одессе, ученый обследовал там до 150 насыпей в 2-х группах («Рясно» и «Яцево») и вскрыл 5 насыпей с погребениями кочевников монгольского времени⁹⁸. В этом же году был докопан разрушенный курган у с. Большая Знаменка Мелитопольского уезда Таврической губернии. Заново расчистив его, он обнаружил 2 могилы — погребение женщины «позднейшего временем язычества» в насыпи и захоронение с конем скифской эпохи в материке⁹⁹.

Сотрудничество с ИАК продолжилось и в следующие годы. В 1890—91 гг. Д. Я. Самоквасов исследовал Рыжановскую группу курганов раннего железного века и эпохи бронзы, располагавшуюся в Звенигородском уезде Киевской губернии (Рис. 29—31) и курган эпохи бронзы в Курской губернии у д. Воробьевка¹⁰⁰.

В 1885 г. Д. Я. Самоквасов ограничился небольшими раскопками могильника с погребальными урнами под Варшавой у д. Грохова. Надо сказать, что ученый на протяжении всего своего пребывания в Польше уделял внимание памятникам этого региона. Исследованный в 1885 г. памятник впервые обследовался им еще в 1874 г. и тогда было обнаружено 11 могил разрушенных выветриванием. Вернувшись туда со студентами, Самоквасов раскопал 3 могилы и яму обложенную камнем, которую считал «трупосжигательницей». Всего же им было обследовано 16 подобных полей погребений с фибулами и шпорами «римской формы» в Варшавском, Гура-Кальварийском, Нешавском, Новогеоргиевском, Седлецком и Олькушском уездах. В 1876 г. по его просьбе генерал-губернатор разослал во все гмины Привисленского края анкету, подобную распространенной через Центральный статистический комитет в 1872—73 гг. Проверяя полученную информацию в том же году, Д. Я. Самоквасов осмотрел 18 разрушенных гробниц с костяками в гмине Осенцины Нешавского уезда, принадлежащих, видимо, эпохе бронзы.

Реагировал Д. Я. Самоквасов и на сообщения о случайных находках. В 1878 г. начальник Венгровского гмина известил его об обнаружении местным землевладельцем Луневским могильника у с. Грембова. Д. Я. Самоквасов раскопал 6 могил с ингумациями, еще 12 вскрыл первооткрыватель памятника. В 1887 г. он получил от генерал-

губернатора отношение об открытии каменной гробницы с костяками у д. Чеховице под Варшавой, которая была им исследована. В 1890 г. в Варшавский университет пришло письмо с информацией о разрушении древних каменных гробниц у д. Коссево под Новогеоргиевском. По поручению университета ученый раскопал одну из таких гробниц, открыв в ней 8 костяков в сидячем положении. Аналогии такому обряду он увидел в дольменах Дании¹⁰¹.

Несмотря на целый ряд открытых и исследованных памятников, археологические изыскания Д. Я. Самоквасова в Польше, как и сбор подъемного материала на стоянках эпохи неолита в Подесенье, или раскопки курганов эпохи бронзы и древнерусских памятников «удельного периода», не носили системный характер. Однако именно могильник под Варшавой, изучение которого не требовало серьезных финансовых затрат, был выбран для показа варшавским студентам. Дело в том, что с 1885 г. Д. Я. Самоквасов планировал на два—три года приостановить полевые изыскания, а сэкономленные деньги потратить на издание своей коллекции древностей, о чем и сообщал в письме А. П. Богданову¹⁰². Кроме того, начал подготовку очередного выпуска истории русского права: «Эта работа громадна даже в количественном отношении, более 60 печатных листов, и потребует от меня усидчивых занятий около 2 лет. Но археологических занятий прерывать не буду, а рядом с печатанием сказанного учебника мало-помалу буду

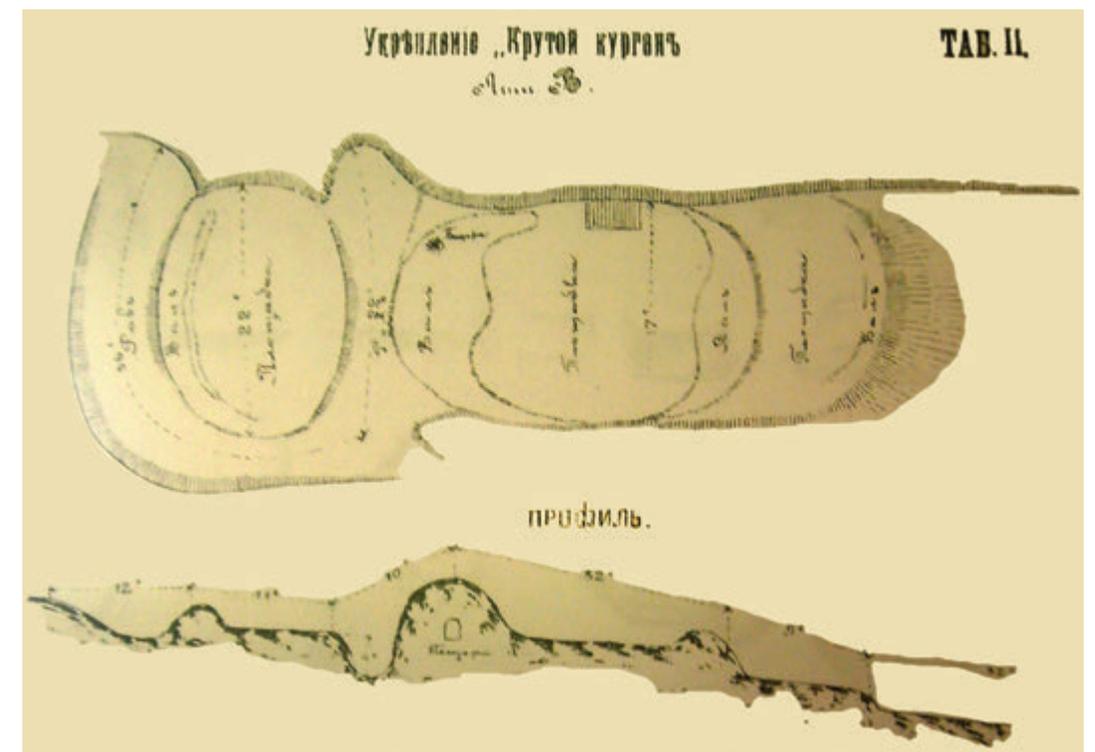

Рис. 38. Гочевский археологический комплекс. «Крутой курган». План. 1909 г. (См.: Атлас гочевских древностей. М., 1915)

приготовлять печати Дневники моих раскопок...» — писал он в 1886 г. председателю ИАК графу А. А. Бобринскому¹⁰³. Полевые исследования он продолжил, но масштабы их в 1885—87 гг. сократились. Помимо уже упоминавшихся раскопок в Польше и Черниговском уезде, совершил Самоквасов в 1886 г. и весьма примечательное научное путешествие, о котором сообщал все тому же А. А. Бобринскому: «Недели через три предполагаю совершить поездку на юг, для осмотра некоторых пунктов на побережьях Днепра, Буга и Черного моря с целью дополнить имеющийся у меня материалы по вопросу об отличительных признаках могил греческих, скифских, славяно-русских, славянопольских, литовских и татарских, сохранившихся в пределах России»¹⁰⁴. Путешествовать Д. Я. Самоквасов решил по Днепру на пароходе. В ходе поездки были осмотрены окрестности Триполья, Пекарей, Витичева, западного побережья Днепра у порогов, о. Хортца, окрестности Никополя, Каменки, Большой и Малой Знаменки, Евпатории, Симферополя, Бахчисарая и Севастополя¹⁰⁵. Закончил серию таких научных путешествий ученый командировкой 1889 г. в Италию и Австро-Венгрию. Варшавский профессор присутствовал при раскопках 2 домов в Помпеях и 22 катакомб в Чивита-Кастеллана, осмотрел ряд памятников и музейных коллекций¹⁰⁶.

С 1892 г., заняв должность директора Московского архива министерства юстиций (МАНЮ), Д. Я. Самоквасов более чем на 10 лет прекращает полевые исследования. При этом, в конце XIX — начале XX в. археологические источники пополнялись стремительными темпами, кардинально меняя представление о ранних периодах отечественной истории, что позволило А. А. Спицыну написать: «Русская археология переживает теперь своего рода героическое время, так как важные открытия идут непрерывно одно за другим»¹⁰⁷. Среди наиболее важных стоит назвать полевые работы Н. И. Веселовского, В. А. Городцова, В. В. Хвойки, В. А. Бабенко, Н. И. Репникова и др., заложившие основу быстрого развития археологического знания¹⁰⁸.

Одной из наиболее исследованных категорий древностей к концу XIX столетия стали славяно-русские курганы. В результате масштабных полевых работ Д. Я. Самоквасова, Л. К. Ивановского, В. Б. Антоновича, М. Ф. Кусцинского, Н. Е. Бранденбурга¹⁰⁹, В. З. Завитневича¹¹⁰, В. И. Сизова¹¹¹ и многих других было раскопано уже несколько тысяч славянских курганов. Сложнее обстояло дело с изучением городищ. Активное развитие в России «городской археологии» фиксируют только со второй половины 1900 г.¹¹²

Заметным событием в изучении славяно-русских городищ стал XII АС в Харькове (1902 г.). По предложению Д. И. Багалея¹¹³ под руководством В. А. Городцова, В. Е. Данилевича, Н. О. Беляшевского были произведены работы на Донецком городище и Ницахском комплексе¹¹⁴. В показательных раскопках Донецкого городища участвовал и Д. Я. Самоквасов.

Начало полноценных полевых исследований Д. Я. Самоквасова относится к 1906 г. Серьезным стимулом их возобновления стал выбор Чернигова местом проведения очередного XIV Археологического съезда. Сказались здесь и его давние дружеские связи с председателем ИМАО графиней П. С. Уваровой, обратившейся к нему с просьбой о содействии в подготовке съезда: «...позволю себе обратиться к Вам как человеку, больше других поработавшему в Черниговской губернии, чтобы просить

Вас... обдумать план работ для будущего съезда и начертать наш план действий и раскопок, которым мог бы руководствоваться как наш Московский Предварительный комитет, так и местный Черниговский»¹¹⁵. Такая программа была им сформулирована на одном из заседаний Московского Предварительного комитета по устройству XIV АС и называлась «План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Археологического Съезда»¹¹⁶. Д. Я. Самоквасов со свойственным ему размахом и энергией включился в подготовку съезда. Им был сформирован план мероприятий, в основе которого лежала хронологическая классификация памятников Черниговщины. Для каждого из выделяемых периодов ученый планировал исследовать конкретные археологические объекты.

Им намечались полевые работы на стоянке каменного века и городище у с. Дехтяревка, а также на Юхновском городище и могильниках «обитателей этих поселений». Намеривался Самоквасов обследовать могильники предков славян в Аккерманском уезде и в Посулье. Конечно, больше всего планировалось изучить раскопками «русские» памятники «языческой эпохи» и эпохи «христианской до-монгольского периода». Среди них были: 1) могильник и городище у с. Козары в Неженском уезде Черниговской губернии, 2) «Когановы городища» с расположенными рядом с ними могильниками по Северскому Донцу, городища «каменных городов» и сопровождающие их

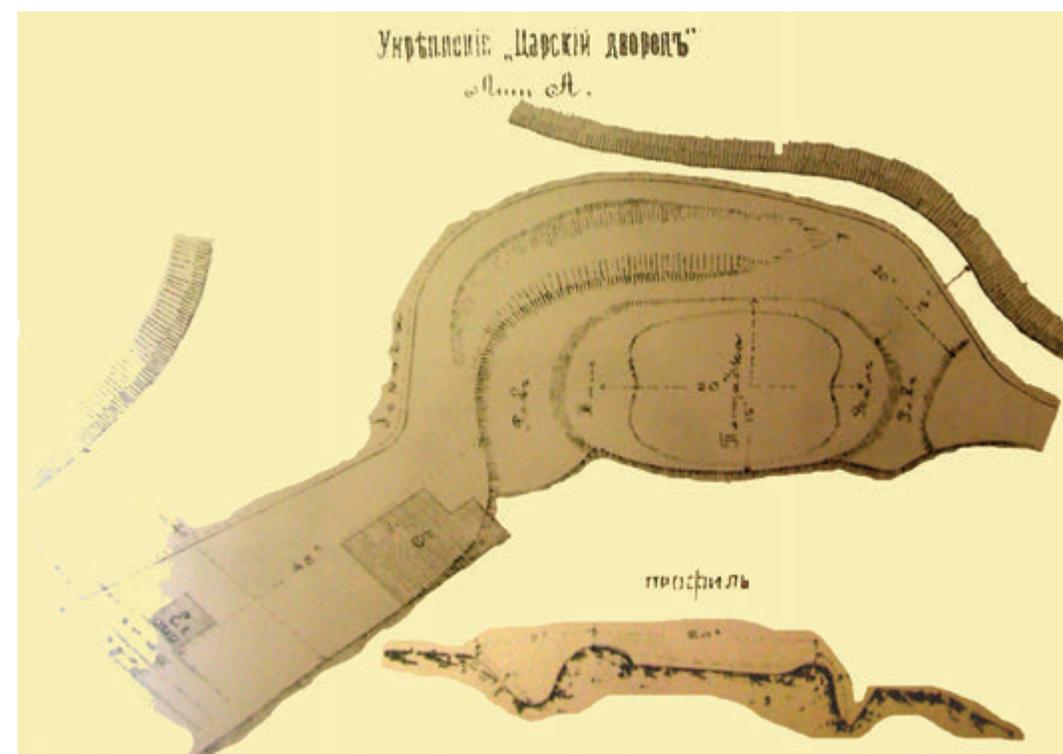

Рис. 39. Гочевский археологический комплекс. «Царский дворец». План. 1909 г. (См.: Атлас гочевских древностей. М., 1915)

катакомбные и курганные могильники в Богучарском уезде Воронежской губернии и у Верхнего-Салтова в Харьковской, 3) урочище «Княгиня» у с. Козла недалеко от Чернигова, 4) незастроенная часть Черниговского городища, 5) черниговский курганный могильник, 6) городище и курганы у д. Гушино, 7) фундаменты древнейших черниговских храмов¹¹⁷. Как будет показано ниже, все эти исследования были направлены на решение конкретных исторических проблем, интересовавших ученого.

Начав реализацию своего плана Д. Я. Самоквасов отправился в Аккерманский уезд. Он считал Поднестровье частью славянской прародины и поэтому вскрыл 20 сарматских курганов небольшой высоты в окрестностях уже обследованных им в 1879 г. могильниках у д. Шабалты (18 насыпей) и Катаржы (40 насыпей). Видимо, на выбор объекта повлияли данные, полученные Синявским при раскопках 4 курганов шабалтской группы. О погребальном обряде Самоквасов судил только по устному сообщению, но, судя по всему, имел возможность ознакомиться с полученными находками. Все это позволило увидеть сходство с могилами в Киевской и Полтавской губернии, соотносимыми с предками славян сарматской эпохи. Уже не в первый раз Д. Я. Самоквасов начал с расчистки раскопов предшественников. Все курганы Синявского оказались недокопанными. В кургане № 1 он встретил пропущенное материковое захоронение эпохи бронзы. Еще 3 «скорченных костяка» были изучены в кургане № 2. Из 20 вскрытых курганов, в 18 ученый встретил искомые захоронения¹¹⁸.

Осуществить все задуманные раскопки за время, оставшееся до съезда, одному человеку было крайне проблематично. Выходом из этой ситуации стало финансирование из личных средств Самоквасова работ целой группы археологов. В. А. Городцов исследовал Бельское городище на р. Ворскле и 22 прилегающих к нему курганов¹¹⁹. Семь курганов на р. Псел в Гадячском уезде у с. Броварки были раскопаны Макаренко¹²⁰. И. Я. Стрелецкий изучал городище и могильник у м. Снетина на Суле¹²¹. Разведки Хвойко, на которые было выделено 300 рублей, не состоялись, а на что были употреблены деньги, Д. Я. Самоквасову осталось неизвестным¹²². Содействовал ученый и раскопкам в Орловской губернии, которыми руководил И. Е. Евсеев¹²³. Последним был исследован ряд городищ и курганов в Поочье и известное Вщижское городище на р. Десне¹²⁴, копавшееся в 40-х гг. Б. А. Рыбаковым¹²⁵.

Во время самого съезда и при участии его депутатов Д. Я. Самоквасовым производил показательные раскопки курганов. Были выбраны 2 могильника в черте г. Чернигова — на левом берегу р. Стрежень в урочище «Старое Кладбище в Березках» и на правом берегу р. Десна на Болдиной горе в роще Троицкого монастыря. В первой группе, состоявшей из 40 курганов, сохранившихся только на позднем христианском кладбище, из 7 исследованных насыпей в 5 встречены трупосожжения (кострища), 2 кургана содержали труположения в подкурганных ямах. На Болдиной горе в 2 больших курганах были открыты погребения в срубных гробницах, а 10 объектов меньшего размера, как и ожидалось Самоквасовым, дали погребения в ямах¹²⁶.

Планировались раскопки и на городище Чернигова. Еще в 1878 г. он говорил о необходимости выкупа из частного владения северо-восточной части детинца и проведения там раскопок. Д. Я. Самоквасов предполагал, что там находился княжеский двор и княжеская церковь (фундаменты которой им исследовались), которым угрожа-

ло уничтожение в результате разлива реки¹²⁷. Ученый приехал за восемь дней до открытия съезда, но из-за его болезни раскопки городища не состоялись¹²⁸.

Не были реализованы и некоторые другие планы Д. Я. Самоквасова. Наверное, помимо прочего, повлияли и субъективные причины, вызванные первой русской революцией и последующими крестьянскими волнениями.

Однако по завершению работы съезда исследователь не прекратил занятий полевой археологией. В том же 1908 г., вместе со слушателями Археологического института, он раскопал несколько славянских курганов в Подмоскowie (5 — в урочище Пологи Гора, 8 — между Волхонкой и Чертановым и 7 — у д. Котляковой)¹²⁹.

Наиболее же масштабные работы связаны с исследованием Гочевского археологического комплекса на р. Псел¹³⁰. В 1909 году разведочные работы на памятнике проводил член Курской губернской архивной комиссии К. П. Сосновский, который взялся за реализацию мысли Д. Я. Самоквасова об обследовании р. Псел и его притоков в пределах

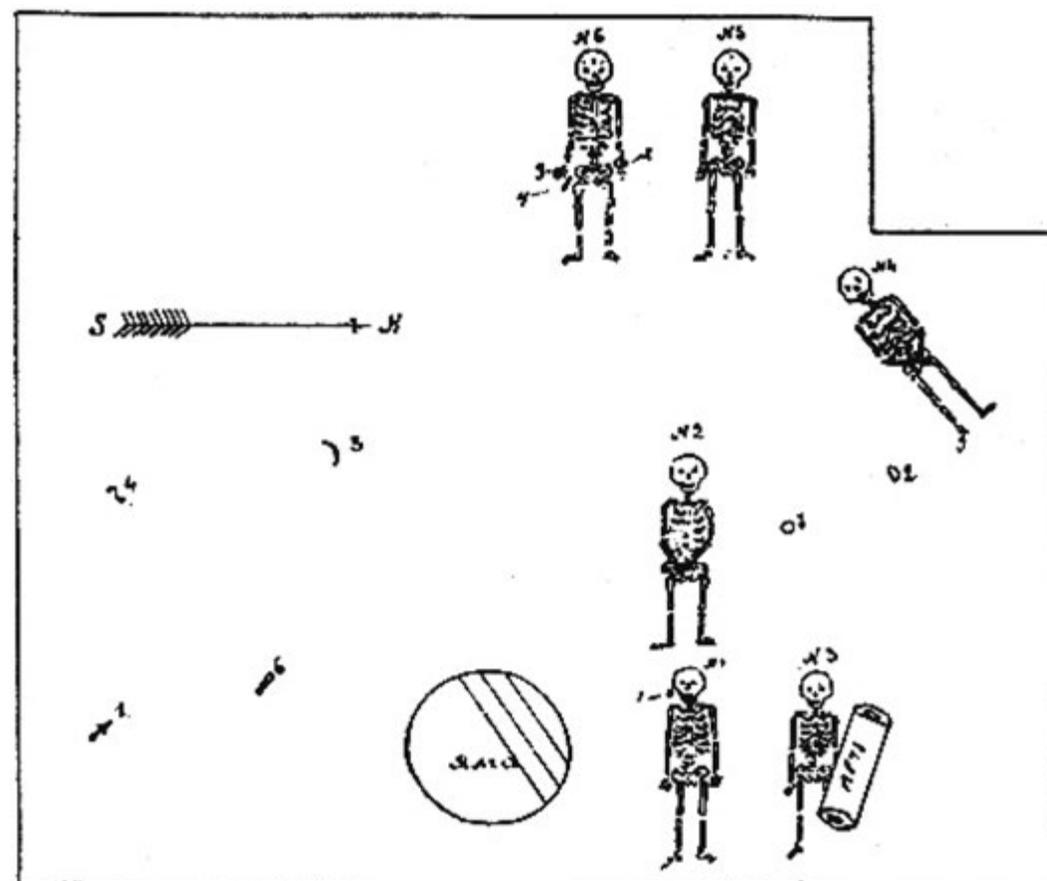

Рис. 40. Гочевский археологический комплекс. Городище Траншея № 1. 1909 г. (См.: Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. М., 1915)

Обоянского уезда. Эту идею ученый изложил во время платной публичной лекции, прочитанной в том же году в Курске, выделив при этом на раскопки и разведки все полученные средства и 200 рублей собственных денег. В начале августа 1909 г. председатель КГУ-АК А. Н. Кобылин обратился к Д. Я. Самоквасову с просьбой возглавить раскопки. Это предложение застало ученого в Кисловодске, где он заканчивал раскопки грунтового могильника у железной дороги между станциями Товарная и Минута (вскрыто 5 гробниц).

Согласившись возглавить эту экспедицию, он 17 августа прибыл в Обоянь, а уже 18 были начаты раскопки. В них принимали участие члены Курской комиссии А. Н. Кобылин, Н. И. Златоверхников, К. П. Сосновский, Ф. П. Амелин, а также председатель Гайворонского Археологического комитета (располагался в уездном городе Курской губернии) П. П. Афанасьев. При вскрытии «пробных» курганов всем своим помощникам Д. Я. Самоквасов объяснил методику раскопок и порядок ведения полевого дневника. Участие вышеперечисленных лиц дало возможность одновременно вскрывать 5—6 курганов при работе от 60 до 75 копачей. Таким способом в течение 4 дней (18—21 августа) было вскрыто 111 курганов¹³¹.

Затем работы были перенесены в район городищ. Этот «большой древний город» делился Д. Я. Самоквасовым на 5 частей: 2 городища урочища «Царский дворец», 2 городища урочища «Крутой курган» и «Предгородье». Отдельно рассматривалось «Загородье» (Рис. 37—39).

На «Царском дворце» раскопки проводились на площади за первой линией укреплений, освобожденной от деревьев и распахиваемой. В течение 6 дней здесь трудилось 10 человек. Через весь участок было проложено 2 траншеи. Первая, 30 аршин длиной и 25 шириной (ок. 380 кв.м.), с востока на запад, вторая, 15x10 аршин (76 кв.м), с севера на юг. В первой удалось выявить 6 погребений, совершенных по христианскому обряду, остатки «печища» (5x3 аршина — 7,6 кв.м) и круглая в плане яма ок. 3 аршин (2,1 м) в диаметре (Рис. 40). Во второй траншее, на укреплениях, открыто «три печища желищ-землянок». Раскопки на крутом кургане ограничились только пробной траншеей 10x4 аршина (ок. 20 кв.м). Площадь «Предгородья» исследовалась 3 пробными траншеями. В них Д. Я. Самоквасов обнаружил культурный слой по составу и содержанию подобный слою на «Царском дворце» и «Крутом кургане»¹³².

23 августа отвели на исследование дюны у д. Шмырево. На ее возвышенной части была заложена траншея 40 аршин длинны (28, 44 м), на которой трудились 60 взрослых копачей. Детям поручили собирать подъемный материал и просматривать землю. Еще 10 траншей поменьше было выкопано на поросших деревьями участках. Д. Я. Самоквасов зафиксировал 2 культурных слоя и более 100 разрушенных погребальных урн в восточной половине дюны. В тот же день, во время обеденного перерыва, Д. Я. Самоквасову и К. П. Сосновскому удалось осмотреть грунтовый могильник между с. Гочево и с. Пена (в 5 верстах (ок. 5,3 км) от д. Шмырево) и извлечь из берегового обнажения 2 погребальные урны¹³³.

Раскопками у д. Шмыревой планировалось завершить исследования. Однако, в ходе разгоревшейся вечером 24 августа дискуссии о дальнейшей судьбе могильника, Д. Я. Самоквасов заявил, что «он не может допустить потери для науки тех вещей, которые заключены в начатых распашкою курганах, и в таком случае должен, по воз-

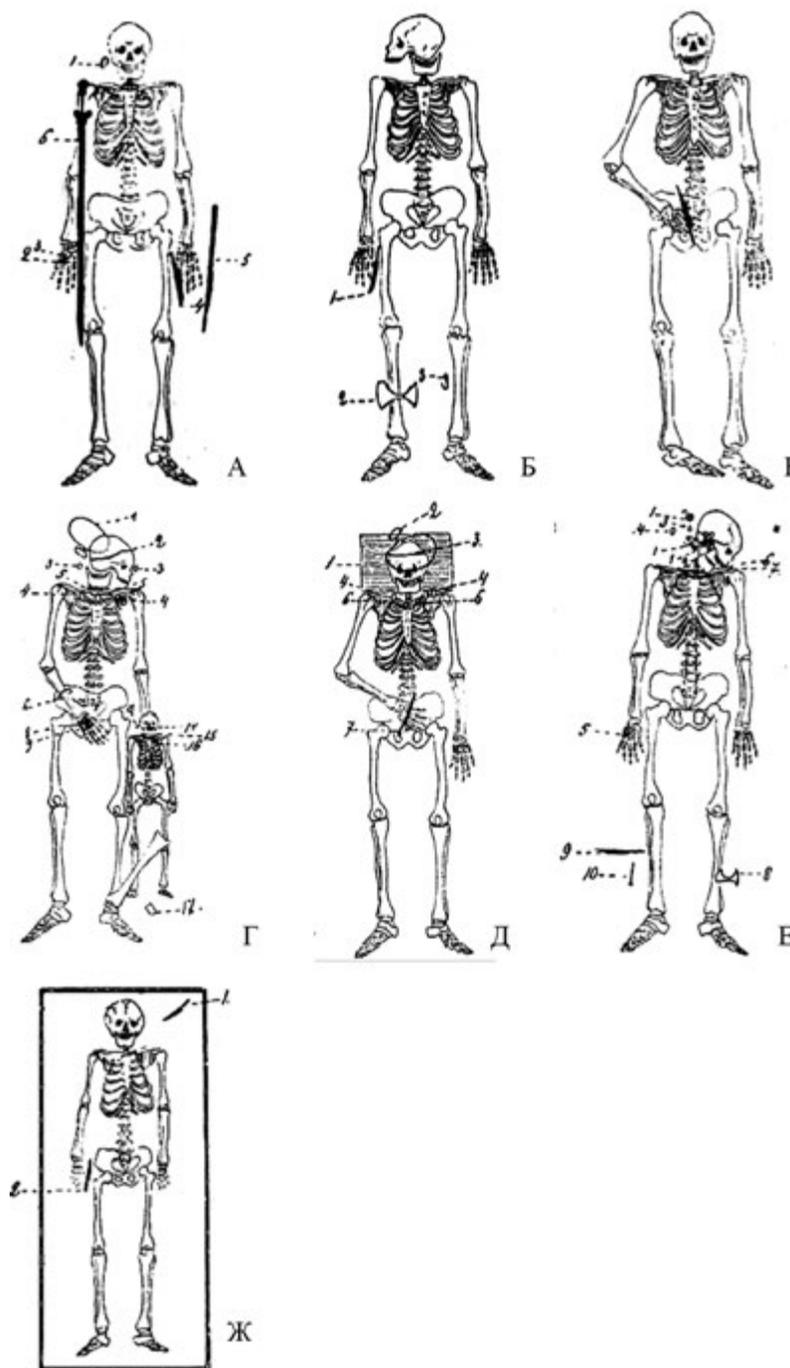

Рис. 41. Гочевский курганный могильник. 1909 г. (См.: Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 года. М., 1915)

возможности, все такие насыпи вскрыть»¹³⁴. В итоге, 25—26 числа, привлекая до 80 рабочих ежедневно, вскрыли еще 176 сильно распаханных курганов.

Таким образом, общее число изученных насыпей достигло 278. Из них 5 раскопано в урочище «Загородье», 2 — в даче с. Бушмина (от городищ отделены оврагом), остальные — на могильнике, примыкающем к «Предградью». На последнем было выделено 3 участка: 1) западная часть кладбище, через которую проходили 2 полевые дороги из с. Гочева (вскрыто 40 курганов), 2) территория между дорогой, проложенной с юго-востока на северо-запад и лесом (вскрыто 180 курганов) и 3) часть могильника, свободная от леса, но еще не разделанная под пашню (вскрыто 20 курганов).

Это были последние раскопки Д. Я. Самоквасова.

Подводя же итог анализу полевых исследований этого ученого, отметим следующее:

1. По своему характеру полевые работы Д. Я. Самоквасова представляют собой сочетание широко распространенной в предшествующий период практики «научных путешествий» с небольшими разведочными раскопками и стремления к наиболее полному исследованию того или иного памятника. Вскрытие нескольких курганов в группе и распространение полученных выводов на весь могильник, позволяло в течение одного сезона обследовать значительную территорию. В условиях становления славяно-русской археологии, когда целые регионы расселения летописных славян оставались необследованными, такой экстенсивный способ изучения давал свои результаты, хотя и сказывался на качестве полученного источника.

2. Как и его предшественниками, З. Я. Ходаковским и В. В. Пассеком, Д. Я. Самоквасовым была сформулирована и последовательно реализовывалась «программа», в его случае, изучения древностей летописных северян. С 1876 г. происходило постепенное расширение ее географических (бассейны рр. Рось и Росава, область Днепровских порогов) и хронологических (памятники скифо-сарматского времени) рамок. В результате, в 80-х гг. фиксируется сокращение доли памятников славяно-русского времени в исследованиях ученого. В начале XX в. их количество возросло, однако Д. Я. Самоквасов больше проявлял себя не как полевик, а как организатор научных экспедиций. Это серия раскопок к XIV AC и работы на Гочевском археологическом комплексе.

3. Итогом осуществления этой «программы» стала солидная база археологических источников славяно-русского времени, главным образом курганов, которая и сегодня остается основной для изучения погребальных памятников Днепровского лесостепного левобережья (150 курганов в Чернигове, 287 на Гочевском археологическом комплексе, 55 в Переславле и др.).

4. Несмотря на то, что курганы и городища восточных славян являлись центральным объектом исследований ученого, им открыт и изучен целый ряд памятников других археологических эпох, в том числе и эталонных. Это были и целенаправленные исследования, как в случае с курганами скифов и сармат, считавшихся предками славян, и случайные, сопутствующие раскопки и разведки, когда речь идет об эпохе камня и бронзы.

5. Можно выделить несколько основных регионов полевых работ Д. Я. Самоквасова — Днепровское лесостепное левобережье (рр. Десна, Сейм, Сула, Псел), Каневское

Поднепровье (рр. Рось и Россава), область Днепровских порогов, Польша (окрестности Варшавы) и Северный Кавказ (окрестности Пятигорска и Владикавказа).

Рис. 42. Гочевский курганный могильник. Находки. 1909 г. (См.: Атлас гочевских древностей. М., 1915)

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 65—67;
- ² Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. III. Кн. 2. С. 145—173.
- ³ Там же. С. 148; *Ходаковский.* Сопки // Русский исторический сборник. М., 1844. Т. VII. С. 369, 373.
- ⁴ *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 57—66.
- ⁵ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873. С. 105.
- ⁶ Там же. С. 101—106.
- ⁷ *Жервэ Н. Н.* Митрополит Евгений Болховитинов и начало изучения северно-русских древностей // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998. С. 27—41; *Ананьева Т. Б.* Евгений Болховитинов и изучение киевских древностей в первой половине XIX в. // Там же. С. 42—62.
- ⁸ *Калайдович К. Ф.* Письма к Алексею Фёдоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823.
- ⁹ *Кеппен П. И.* Записка о путешествии по славянским землям и архивам // Библиографические листы. 1825. № 33. С. 474—488; № 34. С. 490—495; *Он же.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
- ¹⁰ *Щавелев С. П.* Археологический почин курского учителя А. И. Дмитриюкова в 1820—1830-е годы // РА. 1996. № 4. С. 179—180.
- ¹¹ *Пасек В.* Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. III. Кн. 2. С. 202—208.
- ¹² *Пасек В. В.* Исследования в области русской истории. М., 1870; *Цыбин М. В.* У истоков историко-археологического изучения юго-востока Древней Руси: В. В. Пасек // Вопросы истории славян. Воронеж, 1998. Вып. 12.
- ¹³ Древности изданные временною Комиссией для разбора древних Актов. Киев, 1846.
- ¹⁴ *Фундуклей И.* Указ. соч. Киев, 1864.
- ¹⁵ *Алексеев Л. В.* Археология и краеведение Белоруссии с XVI века по 30-е годы XX века. Минск, 1996. С. 21—41.
- ¹⁶ *Говорский К.* Поездка из Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги // ЗРАО. СПб., 1853. Т. 5; *Он же.* Археологические разыскания в окрестностях г. Полоцка // Там же.
- ¹⁷ *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990. С. 4, 10.
- ¹⁸ *Алексеев Л. В.* Археология и краеведение Белоруссии... С. 81—86.
- ¹⁹ *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. Кн. I. С. 15.
- ²⁰ *Сементовский А. М.* Памятники старины Витебской губернии. СПб., 1867.
- ²¹ *Зверуго Я. Г.* Верхнее Пнemanье в IX—XIII вв. Минск, 1989. С. 2.
- ²² *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
- ²³ *Щавелев С. П.* Историк Русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоковасова. Курск, 1998. С. 39.
- ²⁴ *Самоковасов Д. Я.* Историческое значение городищ // Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. I. Киев, 1878. С. 228—239.

- ²⁵ Там же. С. 230.
- ²⁶ *Щавелев С. П.* Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоковасова 1872—1873 гг. и ее результаты) // РА. 1992. № 1. С. 255—264.
- ²⁷ *Самоковасов Д. Я.* Историческое значение городищ... С. 226—235.
- ²⁸ *Самоковасов Д. Я.* Северянские курганы и их значение в истории // Труды III АС в Киеве 1874. Т. I. Киев, 1878. С. 186.
- ²⁹ *Щавелев С. П.* Историк Русской земли... Курск, 1998. С. 44.
- ³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.
- ³¹ *Смирнов А. С.* А *Смирнов А. С.* Археология в имперском пространстве России // Из истории отечественной археологии. Воронеж, 2008. С. 68.
- ³² Древности. Труды ИМАО. Т.IV. Вып.1. М., 1874. Отчет. С. 46.
- ³³ *Кусцинский М. Ф.* Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 г. // Древности. Труды ИМАО. Т.IX. Вып.1. М., 1881.
- ³⁴ *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. № 20.
- ³⁵ *Антонович В. Б.* Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губ. в течение 1876 г. // ЧИОНЛ. Т. I.; *Он же.* Погребальный тип радимичей // АИЗ. № 3; *Он же.* Раскопки в стране древлян // МАР. № 11.
- ³⁶ *Самоковасов Д. Я.* О городищах и курганах в земле Северян и их значении в истории // ЧГВ. № 45, 1872. Отдельный оттиск. С. 9.
- ³⁷ *Самоковасов Д. Я.* Северянские курганы... С. 185—186.
- ³⁸ *Самоковасов Д. Я.* История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян. Источники и литература. Варшава, 1878. С. 186.
- ³⁹ *Самоковасов Д. Я.* Курганы у Николаевской Белогорской пустыни Суджанского уезда // Труды Курск. губ. стат. комитета. Вып. IV. Курск, 1874. С. 205—208.
- ⁴⁰ *Самоковасов Д. Я.* Результаты исследования Черниговских курганов с кострищами // Древности. Труды ИМАО. Т.IV. Вып.2. М., 1874. С. 78—79.
- ⁴¹ Могильные древности Северянской Черниговщины Д. Я. Самоковасова. Посмертное издание. М., 1917. С. 6.
- ⁴² *Щавелев С. П.* Историк русской земли... С. 69.
- ⁴³ Древности. Труды ИМАО. Т.IV. Вып.1. М., 1874. Протоколы. С. 39—40.
- ⁴⁴ *Самоковасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908. С. 258.
- ⁴⁵ Гочевские древности, Обоянского уезда, Курской губернии // Щавелев А. С., Щавелев С. П. Гочевские древности Курской губернии: 1909—2009 гг. Век археологии Верхнего Псла. Историко-археологические очерки. Курск, 2009. С. 16.
- ⁴⁶ Перечень археологических исследований Д. Я. Самоковасова, составленный им самим между 1910 и 1911 гг. / Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоковасова (1843—1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С. П. Щавелева. Курск, 2007. С. 483—484.
- ⁴⁷ *Самоковасов Д. Я.* Северянские курганы... С. 185—186.
- ⁴⁸ *Самоковасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908. С. 221—222.
- ⁴⁹ *Самоковасов Д. Я.* Древние земляные насыпи и значение для истории // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. I. № 3. С. 266.
- ⁵⁰ РГИА Ф. 733. Оп. 149. Д. 164. Л. 4—5.
- ⁵¹ *Самоковасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 5—6.
- ⁵² Там же. С. 206, 219.

⁵³ *Самоквасов Д. Я.* О раскопках в Киевской губернии, в Каневском уезде и в Полтавской губернии в городе Ромнах и в Роменском уезде у сел Медвежьего и Аксютинцы // Древности. Труды ИМАО. Т. VII. Вып. I. М., 1877. Протоколы. С. 36; *Он же.* О раскопках курганов в Роменском уезде, в селе Аксютинцы // Киевская старина. 1886. № 8.

⁵⁴ РА ИИМК. Ф. № 1/1888. № 6. Л. 49а; *Самоквасов Д. Я.* Археологические раскопки в Полтавской губернии // Правительственный вестник. 1890. № 163. 26 июля; *Он же.* Устройство и содержание курганов в селе Аксютинцы Роменского уезда Полтавской губернии // Труды Большого [VIII] Археологического съезда в Москве. 1890. Т. III. М., 1897. С. 154—156; *Он же.* Могилы русской земли... С. 96—114.

⁵⁵ *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 117.

⁵⁶ *Самоквасов Д. Я.* [О раскопках в Каневском и Черкасском уездах Киевской губернии] // Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Ч. I. М., 1880. С. 350.

⁵⁷ Древности. Труды ИМАО. Т. VII. Вып. 3. М., 1878. Протоколы. С. 49—51

⁵⁸ *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 262—263.

⁵⁹ Там же. Предисловие. С. 3.

⁶⁰ АРАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 581. Л. 1—5 об; Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 99.

⁶¹ *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 220.

⁶² *Самоквасов Д. Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии // Из протоколов Антропологической выставки 1879 г. Отдельный оттиск. М., 1880. Т. III. С. 12

⁶³ Могильные древности Северянской Черниговщины... С. 94—96; *Бузян Г. М., Колибенко О. В.* Дослідження Д. Я. Самоквасовим могильників Переяслава Руського // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, 1993. С. 54—55.

⁶⁴ *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 8—11.

⁶⁵ Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. II. Киев, 1878. С. 23.

⁶⁶ *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 222—225; *Козюба В. К.* Памятки давньоруського часу в Канівському Подніпрові (за матеріалами досліджень Д. Я. Самоквасова) // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, 1993. С. 27—29.

⁶⁷ *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 226.

⁶⁸ АРАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 581. Л. 1—5 об.

⁶⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 73—76.

⁷⁰ АРАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 581. Л. 6—7.

⁷¹ *Самоквасов Д. Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии... С. 12.

⁷² *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 190.

⁷³ Древности. Труды ИМАО. Т. IX. Вып. I. М., 1881. Протоколы. С. 9.

⁷⁴ *Самоквасов Д. Я.* Новые археологические исследования и находки в г. Чернигове и его окрестностях // ЧГВ. 1878. № 35; *Он же.* Могилы русской земли... С. 256—257.

⁷⁵ Могильные древности Северянской Черниговщины... С. 93.

⁷⁶ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 137—138.

⁷⁷ *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли... С. 20.

⁷⁸ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 109, 116.

⁷⁹ Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда Д. Я. Самоквасова. Посмертное издание. М., 1916. С. VII—VIII.

⁸⁰ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 376.

⁸¹ Там же. С. 377.

⁸² *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа. (Отчет о командировке на Кавказ в 1881 году). Варшава, 1882. С. 4.

⁸³ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 119.

⁸⁴ *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа. (Отчет о командировке на Кавказ в 1881 году) ...

⁸⁵ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 205—206.

⁸⁶ Там же...

⁸⁷ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1889. Д. 55. Л. 41.

⁸⁸ Черниговские Епархиальные известия. 1883. № 22; *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 267—268; *Руденок В. Я.* Д. Я. Самоквасов та археологічне вивчення Борисоглібського монастиря у Чернігові // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, 1993. С. 95—96.

⁸⁹ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 378.

⁹⁰ *Самоквасов Д. Я.* О раскопках кавказских курганов // Протоколы VII съезда русских естествоиспытателей и врачей в Одессе, с 18 по 28 августа 1883 г. Одесса, 1883. С. 1—2; *Он же.* Могильные древности Пятигорского округа // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 г. М., 1887. С. 37—60.

⁹¹ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 396.

⁹² *Самоквасов Д. Я.* История русского права. М., 1908. С. 63.

⁹³ *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Александровского уезда. Одесса, 1886. С. 1—2.

⁹⁴ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1882 г. Д. 20. Л. 68.

⁹⁵ Там же. 69—69 об.

⁹⁶ Там же. Л. 71.

⁹⁷ Там же. Л. 72—73.

⁹⁸ *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Александровского уезда...

⁹⁹ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 122—123.

¹⁰⁰ Там же. С. 11—13, 71—94; РА ИИМК. Ф. 1/1890. № 60. Л. 26а, 29, № 65. Л. 28, Ф. 1/1891. № 54. Л. 16—19,

¹⁰¹ *Самоквасов Д. Я.* Об антропологических и археологических материалах эпохи язычества в пределах Царства Польского // Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Ч. I. М., 1880. С. 175—179; *Он же.* Могилы Русской земли... С. 3, 6—7, 226—228.

¹⁰² Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 26.

¹⁰³ *Шохин Л. И.* Письма Д. Я. Самоквасова к А. А. Бобринскому об археологии // Археология. № 1. 1996. С. 134.

¹⁰⁴ Там же. С. 133.

¹⁰⁵ Там же. С. 133—134.

- ¹⁰⁶ Перечень археологических исследований Д. Я. Самоквасова... С. 487.
- ¹⁰⁷ *Спицын А. А.* Археологические раскопки. СПб., 1910. С. 5.
- ¹⁰⁸ *Пряхин А. Д.* История отечественной археологии. Часть I. Русская дореволюционная археология. Воронеж, 2005. С. 135—158.
- ¹⁰⁹ *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18; *Он же.* Журнал раскопок 1888—1902. СПб., 1908.
- ¹¹⁰ *Завитневич В. З.* Область дреговичей как предмет археологического исследования // Труды Киевской духовной академии. № 8. С. 569—601; *Он же.* О курганах Минской губернии // Календарь Северо-Западного края на 1890 г. М., 1890. С. 11—15; *Он же.* Археологическая поездка по Черниговской и Минской губ. // Древности. Труды ИМАО. Т. XV. Вып. 2. М., 1894. С. 121—124; *Он же.* Археологические изыскания в бассейне р. Березены // Отчет ИАК за 1892 г. СПб., 1894. С. 124—153 и др. раб.
- ¹¹¹ *Сизов В. И.* Раскопки в Смоленской губернии // Древности. Труды ИМАО. Т. IX. Вып. 3. М., 1887; *Он же.* Длинные курганы в Смоленской губернии // Труды XI АС в Киеве. Т. II. М., 1902; *Он же.* Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР, 28.
- ¹¹² *Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 359.
- ¹¹³ Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС. Харьков, 1909. Т. I. С. 3—22.
- ¹¹⁴ *Данилевич В. Е.* Донецкое городище и город Донец. Киев, 1905.
- ¹¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 109; *Щавелев С. П.* Д. Я. Самоквасов как друг и сотрудник археологов Уваровых // Уваровские чтения. II. М., 1994. С. 52—57.
- ¹¹⁶ *Самоквасов Д. Я.* План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Археологического Съезда // Труды Московского предварительного комитета по устройству четырнадцатого Археологического съезда / Под. ред. В. К. Трутовского. Вып. 1. М., 1906. С. 1—21.
- ¹¹⁷ *Самоквасов Д. Я.* План археологических работ... С. 19—21.
- ¹¹⁸ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 20—22, 13—132.
- ¹¹⁹ *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV АС в Чернигове. 1908 г. Т. III. М., 1911. Протоколы. С. 93—161.
- ¹²⁰ *Щавелев С. П.* На пути изучения древностей Украины: сотрудничество Д. Я. Самоквасова и Н. Е. Макаренко // Полтавський археологічний збірник. Т. 3. Полтава, 1995. С. 191—198.
- ¹²¹ Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 267—268.
- ¹²² Раскопки Северянских курганов в Чернигове... С. II—VI.
- ¹²³ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова... С. 166—170;
- ¹²⁴ *Евсеев И. Е.* Задачи Орловской археологии к предстоящему Черниговскому археологическому съезду. Оттиск из Орловских епархиальных Ведомостей за 1906 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 635. Л. 471—473 об); *Он же.* Раскопки по верхнему течению Оки // Труды XIV АС в Чернигове. 1908 г. Т. III. М., 1911. Протоколы. С. 64—65.
- ¹²⁵ *Рыбаков Б. А.* Вщиж — удельный город XII в. // КСИИМК. Вып. 38. М., 1951.
- ¹²⁶ Раскопки Северянских курганов в Чернигове...; *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. № 11. 1949. С. 14—24.
- ¹²⁷ *Самоквасов Д. Я.* Новые археологические исследования и находки в г. Чернигове и его окрестностях // ЧГВ. 1878. № 35.

¹²⁸ Раскопки Северянских курганов в Чернигове...

¹²⁹ РА ИИМК. Ф. 3. № 415. Л. 3—5 об; Перечень археологических исследований Д. Я. Самоквасова... С. 487—488.

¹³⁰ История изучения Гочевского археологического комплекса Д. Я. Самоквасовым отражена следующих публикациях: *Щавелев С. П.* Историк русской земли... С. 180—190; *Он же.* «Гочевские древности Обоянского уезда Курской губернии» Д. Я. Самоквасова (1909 г.): век археологического изучения комплекса памятников на верхнем Псле // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М., 2009. С. 254—256; *Стародубцев Г. Ю.* Исследование археологических памятников Верхнего Псла в XIX—XX вв.: исторический обзор // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе Римского времени и в раннем Средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14—17 ноября 2000 г.). СПб., 2004. С. 111—112; *Щавелев А. С., Щавелев С. П.* Гочевские древности Курской губернии: 1909—2009. Век археологии Верхнего Псла. Курск, 2009. и др. раб.

¹³¹ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. М., 1915. С. III—V.

¹³² Там же. С. 5—7; Гочевские древности, Обоянского уезда, Курской губернии... С. 14—15.

¹³³ *Щавелев А. С., Щавелев С. П.* Гочевские древности, Обоянского уезда, Курской губернии... С. 12—14.

¹³⁴ Там же. С. V.

ГЛАВА 4. ПОДХОДЫ Д. Я. САМОКВАСОВА К МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КРИТИКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Масштабные полевые исследования, проводимые Д. Я. Самоквасовым, на протяжении 70—80-х практически ежегодно предоставляли в его распоряжение значительное количество нового археологического материала, требующего своего осмысления. Он стал одной из важнейших составляющих источниковой базы его исторических исследований, посвященных древнейшим периодам русской истории. Однако прежде чем археологическим материалом воспользуется историк, он нуждается в предварительной обработке специалистом-археологом, а поскольку, как уже отмечалось, не было не только профессиональных археологов, но и часто археологического материала, то Д. Я. Самоквасову приходилось самому объекты находить, раскапывать, проводить их источниковедческую обработку и извлекать из них информацию. При этом методы и методики археологического исследования, как и сама наука, находились на стадии своего формирования, если не зарождения.

Данное обстоятельство не могло не отразиться в работах Д. Я. Самоквасова. Анализ методического арсенала ученого, несомненно, является ключом к пониманию оснований предлагаемых им интерпретаций археологического материала, а, следовательно, и создаваемых на его основе исторических построений.

В теоретическом плане, понятие «археологический источник», процедура его исследования, подробно рассмотрены в работах Л. С. Клейна¹. Им выделяется три стадии археологического исследования («полевая археология», «камерально-лабораторная археология», «кабинетная археология») и 9 этапов обработки археологического источника, составляющих его толкование, внешнюю и внутреннюю критику: «1) экспертиза археологичности; 2) дескриптивная археология (с аналитической классификацией); 3) объектная реконструкция; 4) детективная работа археолога (ситуационная реконструкция); 5) археологическая систематика; 6) эволюционная типология; 7) оценка познавательных возможностей источников; 8) выверка пригодности методики и понятийного аппарата; 9) археологическая герменевтика»². От этих разработок мы и будем отталкиваться при анализе подходов Д. Я. Самоквасова к археологическому источниковедению.

Факты, приведенные в предыдущей главе, наглядно показывают ту важную роль, которую Д. Я. Самоквасов отводил полевой стадии исследования. Уже в поле археолог, в той или иной степени, осуществляет первые четыре этапа. Тщательность их осуществления, как, собственно, и последующих этапов, находится в сопряжении с уровнем применяемой при этом методики полевых исследований. В связи с этим, прежде имеет смысл остановиться на методических приемах Д. Я. Самоквасова.

Сам ученый неоднократно повторял, что в своих исследованиях придерживался инструкции, принятой на III АС в Киеве³, одним из авторов которой и являлся. Это были наиболее распространенные, если не единственные вплоть до середины 90-х гг. XIX в. (выход первой работы А. А. Спицына), методические рекомендации, которые неоднократно перепечатывались как самим Д. Я. Самоквасовым, так и различными организациями и обществами (Приложение № 1). Содержание инструкции представ-

ляет интерес и с точки зрения отражения в нем опыта ведущих археологов того периода, в том числе и рассматриваемого автора.

Описательная часть повторяла текст анкеты, составленной Д. Я. Самоквасовым для учета городищ и курганов⁴. Предписывалось указывать подробное положение на местности, размеры, внешний вид археологических объектов, а также факты находок древних вещей и народные предания, связанные с ними. Необходимо было составить план⁵.

Во время первых исследований городищ им собирался подъемный материал, отмечались топографические условия расположения и современное состояние памятников, количество, форма и размеры укреплений⁶, т. е. исследования носили разведочный характер. Однако отметим, что шурфы закладывались не только на площадке городища, но и на укреплениях. Д. Я. Самоквасов подчеркивал, что состав вала зависит от состава окружающей почвы, а наличие рвов, засыпанных в результате хозяйственной деятельности, подтверждал раскопками прилегающих к ним территорий⁷.

Тем не менее, в инструкции, принятой на III АС, речь идет только об описании городищ, что отражено и в ее названии — «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и раскопки курганов»⁸. В других работах ученый указывал, что «каждое из городищ, сопровождаемое языческим кладбищем, должно быть исследовано прорытием, по крайней мере, двух широких крестообразных траншей, по всю длину площадей...»⁹. Именно таким способом им было раскопано в 1876 г. Юхновское городище. Д. Я. Самоквасов со временем пришел к необходимости их раскопок, но методика исследования поселений широкими площадями у нас стала распространяться только в начале XX в. Поэтому и были использованы приемы, хорошо отработанные на курганах. В таких траншеях, конечно, было трудно зафиксировать объекты, но даже когда они выявлялись, то не заносились на план. В связи с этим показательна методика, примененная ученым при раскопках городища «Княжья гора». Изучение началось с земли, осыпавшейся в результате подмыва. Затем сохранившаяся часть городища, перекапываясь «на перевал», «была скрыта до глиняного материкового грунта...». Культурный слой мощностью около 70 см тщательно просматривался и просеивался через решето. Кроме площадки городища, 12 шурфами исследовались остатки вала и «узкая возвышенность», соединявшая его с полем, в результате чего удалось обнаружить часть укреплений в виде частокола, к которому примыкали три срубных жилища (клетки?)¹⁰. Соответственно не было и упоминаний о необходимости зарисовки каких-либо профилей. Более того, нам не известен ни один план городища, выполненный Д. Я. Самоквасовым. В статье «Археологическое богатство Малороссии»¹¹ он приводит несколько планов, но их невозможно связать с конкретным памятником, т. к. есть только подпись «городища Киевской губернии». Видимо, они заимствованы из другой публикации. Книга Д. Я. Самоквасова Северянская земля и Северяне по городищам и могилам» содержит один план, и это план Бельского городища¹², раскопки которого по его поручению проводил В. А. Городцов. На высоком, для того времени, уровне выполнена съемка Гочевского археологического комплекса, но она произведена К. П. Сосновским (Рис. 37—39).

Куда больше внимания Д. Я. Самоквасов уделял методике раскопок погребальных памятников. Большой личный опыт позволил ему стать ведущим методистом в этой области. Конечно, многие приемы раскопок сегодня выглядят достаточно уязвимыми: это вскрытие курганной насыпи «колодцем» или траншеей, применение стального щупа и другие процедуры. Тем не менее, по сравнению с распространенной тогда практикой, методика Д. Я. Самоквасова обладала и несомненными достижениями. Одно из таких — обязательное ведение полевого дневника, в котором «...с возможными верностью и полнотою должны быть описаны сведения о внешних условиях исследованных курганов, способе раскопки, устройстве могил и могильном содержании»¹³.

Опубликованные полевые дневники ученого¹⁴, хотя и слабо иллюстрированные, показывают многообразие применяемых археологом приемов. Конечно, большую роль при выборе методики играли размеры памятника, его состояние (разрушался или нет), наличие денежных средств, времени и т. д. Все же ученый постепенно осознавал необходимость исследования всей насыпи кургана.

Так, в инструкции, помимо «колодца» и траншеи, рекомендовалось копать «послойно» (на снос) 2—3 насыпи в каждой курганной группе и одиноко стоящие курганы, что было продемонстрировано при раскопках во время III АС¹⁵. Однако в реферате, прочитанном на том же съезде, описывается только один способ: «Первоначально срезалась вершина курганов на треть их высоты; затем в величину образовавшегося среза на вершине кургана, был прорываем колодец вглубь до грунта»¹⁶.

К другим сильным сторонам приемов и процедур, применяемых самим ученым и рекомендуемым другим, можно отнести: 1) исследование насыпи до материка; 2) послойное снятие земли при обнаружении кострища и при разборе могильной ямы; 5) самостоятельная расчистка погребения (с помощью совка, ножа и веника); 6) оставление на местах вещей до их полной фиксации; 7) тщательный просмотр и просеивание земли из погребальной камеры; 8) подробное описание, измерение и зарисовка устройства и содержания могилы; 9) покомплексное хранение и шифровка материала¹⁷. Кроме того, в инструкции предписывалось начинать работы с закладки пробного шурфа для выяснения состава почвы и определения материка¹⁸.

Тем не менее, большинство приемов исследования уже применялись на практике, хотя и на весьма ограниченной территории Крыма («Дополнительные правила для производства археологических разрытий в Керчи и ее окрестностях», «Предписание № 78, направленное 6 августа 1852 г. керчь-еникальскому градоначальнику министром внутренних дел Л. А. Перовским»)¹⁹.

Собственно, это подтверждение того, что методический арсенал славяно-русской археологии в значительной степени был заимствован из классической археологии, наиболее развитой на то время, в которой накоплен огромный опыт.

Конечно, сам Д. Я. Самоквасов не всегда с одинаковой тщательностью выполнял предлагаемые им же процедуры и, как часто бывает, теория расходилась с практикой. Так, раскопки курганов во время III АС²⁰, производившиеся при участии Д. Я. Самоквасова, носили показательный характер и выполнялись более методично, чем раскопки, при которых за сезон исследовались десятки курганов. Ученый часто не опи-

сывал курганы, в которых не было инвентаря, останавливал раскопки при повторении погребального обряда, для нескольких схожих курганов делался только один типовый чертеж. Однако не совсем необоснованными представляются указания Б. А. Рыбакова на такой недостаток в методике Д. Я. Самоквасова, как отсутствие масштаба в чертежах и их низкое качество. Рыбаков, много работавший с опубликованными работами этого ученого, в том числе и с единственным экземпляром альбома иллюстраций, который должен был издан в дополнение к «Могилам русской земли»²¹, видимо, не был знаком с полевыми отчетами Д. Я. Самоквасова. В Отделе письменных источников ГИМа вместе с опубликованными полевыми дневниками хранятся оригиналы чертежей, с которых были сделаны иллюстрации для этого издания²², а в Рукописном архиве ИИМК РАН — несколько отчетов, датированных концом 1880-х гг.²³. Если Д. Я. Самоквасов зарисовывал курган, то это были достаточно качественные, выполненные в масштабе, цветные чертежи горизонтальных и вертикальных разрезов насыпей, отражающие стратиграфию, расположение погребений и находок (Рис. 6—8; 24—25; 29—31). Как дополнительное средство, в ряде случаев, использовались им и фотографии.

Важным показателем уровня методики Д. Я. Самоквасова является то, что не только он сам смог реконструировать погребальный обряд раскопанных курганов²⁴, но и исследователи последующего времени, основываясь на его дневниковых записях и публикациях, смогли восстановить выявленные им способы захоронения²⁵. Последнее было возможно только при четком описании открываемых деталей погребений. Например, в Черной могиле во время расчистки кострища фиксировались все, даже самые мелкие, вещи и антропологический материал, позволившие выяснить количество сожженных людей²⁶. Тем не менее, нельзя преувеличивать уровень его методики. Академик Б. А. Рыбаков, осуществивший подробный анализ всей доступной информации о раскопках «Черной могилы», писал: «...И тем не менее реконструкция погребального обряда остается делом не легким, так как перечисленные выше материалы [графическая схема, словесное описание, уникальный альбом фотографий. — А. Г.] противоречат друг другу. В отчете иногда указано местоположение предмета в северной или южной части кострища (а на рисунке наоборот), но нигде не отмечено взаимное положение вещей по глубине. Мы даже не знаем такой существенной детали, как положение вещей по отношению к углям — были ли вещи под углями или над ними?»²⁷.

Отмеченная динамика в полевых исследованиях Д. Я. Самоквасова, бурное развитие археологического знания в стране ставит вопрос о развитии применяемой им методики.

Некоторые трансформации вскрытия насыпи больших курганов заметны уже в работах 80-х гг. Большинство из них, в соответствии с инструкцией, раскапывались крестообразными траншеями и траншеями, разрезающими курган с четырех сторон, колодцами, широкими и сужающимися уступами²⁸. Однако, конкретные условия, в которые был поставлен исследователь, часто способствовали появлению новых вариаций применяемой методики. Например, при раскопках кургана у м. Седнева Черниговского уезда в 1886 г., на вершине кургана было обнаружено христианское

кладбище. Чтобы не тревожить могилы, Д. Я. Самоквасову «вместо послонной съёмки земли» пришлось делать боковую выемку.

Тем не менее, определяющим фактором исследования как можно большей площади насыпи большого кургана, на наш взгляд, стало восприятие его как многомогильного сооружения, часто не одновременного, а увеличивающегося по мере погребения новых покойников. В «Инструкции...» предусматривалось вскрытие кургана «на снос», но на практике это применялось, в основном, для небольших курганов²⁹. В связи с этим, определенный интерес представляет исследование одного из больших курганов у с. Рыжановка Киевской губернии (Рис. 29). Сам Д. Я. Самоквасов описывал его раскопку следующим образом: «Не имея возможности срезать и удалить ее на окружавшее курган поле [требование хозяина земли. — А. Г.], я поставил на курган 40 рабочих, обрезал его по окружности равным уступом, на котором обозначил квадрат в размере диаметра основания насыпи... со всех сторон насыпи были прорыты траншеи, углубленные до глиняного материка... насыпь кургана была обрезана новым уступом, причем были завалены землею выкопанные траншеи, уже не нужные; на этом уступе был отмерен и прорыт до материка второй квадрат траншей, отделенный от первого стенкою нерушенной насыпи... тогда на новом обресе... был заложен... третий квадрат траншей, на стенке одной из которых... ясно обнаружился глиняный бугор, лежавший тонким слоем на материковом черноземе, постепенно утончавшийся в направлении к центру кургана»³⁰. Убедившись, что под полами кургана могил нет, неисследованную часть кургана он срыл широким колодцем, засыпая боковые траншеи³¹.

Приведенный пример вполне доказывает, что Д. Я. Самоквасов уже в этот период выходит на понимание необходимости изучения всей насыпи и больших курганов. Он отмечал: «На раскопку Старшей Могилы было затрачено более 1600 рублей, но бока гробницы остались не раскопанными, и я не могу ручаться, что в них и под ними не имеется уцелевших от разграбления гробниц...»³². При отсутствии тяжелой техники, применяемой сегодня, исследование подобных курганов оказывалось слишком трудоемким, а, следовательно, и затратным.

Применяемые Д. Я. Самоквасовым методические приемы не остались незамеченными археологами того периода. Так, один из ведущих разработчиков методики археологических исследований дореволюционного времени А. А. Спицын, при подготовке своего руководства³³ писал Д. Я. Самоквасову в 1894 г.: «В своей практике Вы употребляли для низких и больших курганных насыпей способ раскопки их частями неширокими открытыми минами: не будете ли Вы добры сообщить мне схемы такой раскопки?»³⁴. Получив эту схему, он отвечал: «Приношу Вам искреннюю благодарность за сведения об интересующем меня Вашем приеме раскопок. Я вполне ими удовлетворен. Нечто подобное практиковал на Кавказе Беренштам». Просил А. А. Спицын права воспользоваться рисунками Д. Я. Самоквасова³⁵ и при втором издании своего руководства³⁶.

Высоко ценил методические разработки Д. Я. Самоквасова и председатель ИАК А. А. Бобринской, проводивший раскопки в окрестностях своего имения³⁷ согласно его методике: «Раскапывал я очень добросовестно, следуя точно Вашей инструкции (печатной)»³⁸.

Некоторые тенденции к совершенствованию методики отмечаются и в работах начала XX в. Последнее издание методички Д. Я. Самоквасова, опубликованное под заголовком «Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей», хотя в своей основе и повторяет предшествующие варианты, все же содержит ряд тезисов, на которых раньше не акцентировалось внимание и завершается предложением к XIV АС о пересмотре правил раскопок, описания и хранения могильных древностей³⁹. Так, обращает на себя внимание критика раскопок «узкими траншеями», приводящих, по мнению Д. Я. Самоквасова, к «фантастическим выводам»⁴⁰. В том же духе высказывался он и характеризуя методику раскопок сотрудников ИАК и Керченского музея в окрестностях Фанагории: «Многие большие курганы оказались раскопаны тремя способами: 1) посредством колодцев, опущенных с вершин курганов до глиняного материка, а полы насыпей оставлены нераскопанными — и таких курганов большинство; 2) посредством разрезов насыпи перекрестными траншеями, настолько узкими, что две трети насыпи остается нераскопанной; 3) посредством сводообразных мин, проведенных по дну насыпи на пролет, причем вся насыпь выше человеческого роста и бока оставлены неисследованными. Эти способы далеки от идеала курганных раскопок...»⁴¹. Сам ученый предлагал использовать только широкие колодцы и траншеи, размер которых не должен был быть меньше диаметра, равного диаметру среза половины насыпи кургана⁴², а последний способ вообще не входил в его методический арсенал.

Из других модификаций отметим то, что в инструкции теперь речь шла не только о курганах, но и грунтовых могильниках: «При открытии сосудов со жжеными костями должно быть отмечено положение сосудов в насыпи или под ровной поверхностью земли»⁴³.

Заслуживает упоминание и внимание Д. Я. Самоквасова к приемам разбора и фиксации кострища. Присутствовавшим на раскопках делегатам XIV АС он объяснял: «Разбор кострища необходимо начинать от окраин и постепенно подвигаться к центру, потому что нельзя ходить по кострищу, очищенному от насыпи, без риска раздробить на мелкие части окисшие бытовые изделия. Для научного же описания содержания кострища необходимо изобразить дно колодца с кострищем на бумаге, разбить их на квадраты условной величины, на аршины, а находки помечать в соответствующих им квадратах, и тогда мы получим на бумаге полное схематическое изображение формы, величины и содержания кострища»⁴⁴. Однако, судя по изображению кострища «Черной Могилы» (Рис. 8), примерно таким же способом составлялись чертежи и в предыдущие годы⁴⁵.

Более заметные изменения произошли в методике раскопок поселений. В начале XX века в практику постепенно внедряются новейшие методические принципы раскопок поселений, которые начинают исследоваться послонно и большими площадями⁴⁶. Тот же В. А. Городцов в своей методичке уже учитывал и новейшие достижения техники полевых исследований Б. В. Фармаковского в Ольвии, правда, сам еще в 20-е гг. XX в. продолжал копать траншеями⁴⁷.

Не остался в стороне от нововведений и Д. Я. Самоквасов. Напомним, об исследовании системой из 10 «канав» и траншеей шириной 40 аршин (ок. 28 м), проложен-

ной через весь памятник с юга на север, дюны у д. Шмырево на Псле. Значительная площадь, как отмечалось, вскрыта и на Гочевском городище, где было заложено несколько раскопов, самый большой из которых имел размеры ок. 380 кв.м.⁴⁸ (Рис. 40). Это не преминуло сказаться на фиксации объектов. Если раньше на городищах, главным образом, отмечался слой перегноя, содержащий бытовые вещи, то на Гочево ученый обнаружил «часть кладбища и бытовые вещи», «круглую яму со ступеньками» и «три печища жилищ-землянок»⁴⁹.

Сравнивая методику Д. Я. Самоквасова с последующими рекомендациями А. А. Спицына⁵⁰ и В. А. Городцова⁵¹, стоит согласиться с А. Л. Бойко, что приемы исследования курганов, предлагаемые ими в начале XX в., «полностью соответствуют» методам, предложенным III АС⁵². О признании высокого, для своего времени, уровня методики раскопок погребальных памятников, свидетельствует использование рисунков Д. Я. Самоквасова в пособии А. А. Спицына⁵³, и то, что он должен был стать одним из авторов руководства, вышедшего под фамилией Городцова⁵⁴. Видимо стремился он как-то учесть и последние тенденции в исследовании поселенческих памятников.

Несколько слов следует сказать и о камеральной обработке полученных материалов. Значительным шагом вперед было принципиальное требование Д. Я. Самоквасова к покомплексному хранению, а впоследствии и экспонированию находок. Уже, как правило, в поле он мыл, упаковывал и маркировал вещи из каждого кургана. Относилось это и к антропологическому материалу, в 70—80-е гг. отправляемому А. П. Богданову — «В некоторых из отделений посылаемых мною ящиков положено по два остова, которые отделены один от другого бумагой... на черепах положены ярлыки от № № курганов. Кости насколько возможно очищены водой...»⁵⁵. Затем, мелкие предметы нашивались на картонные или иные планшеты⁵⁶. Новым у Д. Я. Самоквасова было стремление к совместному хранению дневников и коллекций, хотя это правило, особенно в начале его археологической карьеры, соблюдалось далеко не всегда. Так называемые «дуплеты», в том числе и из таких памятников как «Черная могила», раздаривались различным организациям, обществам и частным лицам. Показательно письмо М. Н. Оффросимого, который писал Д. Я. Самоквасову: «...Вы были так любезны, что не отказали познакомить нас... с массой добытых Вами при раскопках вещей и некоторые из них подарили жене моей на память...»⁵⁷. Однако строго осуждать ученого за это не совсем верно, если даже ИАК продавала коллекционерам уникальные древнерусские серебряные гривны из клада у с. Горбова⁵⁸, и это был не единственный пример из практики того времени⁵⁹.

Уделял внимание Д. Я. Самоквасов и реставрации вещей. Показательно в этом плане письмо к нему известного археолога Г. О. Осовского, через посредство которого происходила восстановление двух сосудов: «Починка Ваших вазочек продлилась несколько дольше запланированного. Я сам с ними подзанился несколько времени и убедился, что в них несколько частей не достало и, наоборот, между осколками были такие куски, которые принадлежат совсем к другим вазам. Я их отсылаю вместе с вазочками Вашими, которые только сегодня получил от склейки... Работы при них оказалось действительно больше, нежели мы с Вами тут рассчитывали, ибо мно-

гие части следовало приделать. Поэтому и издержки оказались на два гульдена больше предложенных. Зато мастер взялся и подкрасить недостающие части, так что Вам не будет никаких с ними хлопот. Они совсем отделаны и, имея в виду тонкость стенок, сделано в них все по возможности хорошо. Внутри склейки заделаны, насколько это было возможным, а сверху следы склеек оставлены более видными...»⁶⁰. Однако стоит отметить не столько научные, сколько эстетические цели этой реставрации.

Теперь перейдем к рассмотрению этапов препарирования археологического источника, осуществляемого Д. Я. Самоквасовым.

Прежде чем приступить к изучению объекта, ему необходимо было установить его древность и принадлежность к человеческой культуре, т. е. осуществить «экспертизу археологичности». Например, его интересовали не все городища, а только древние с «кругообразными очертаниями»⁶¹. Со временем по размерам и форме укреплений он научился отчленять городища раннего железного века⁶². Оставлял ученый практически без внимания поздние захоронения. По внешним признакам он отличал и курганы, причем не только разновременные. Так, к показательным раскопкам во время XIV АС он смог подобрать объекты с вещами и разным погребальным обрядом⁶³.

Богатый опыт раскопок позволял Д. Я. Самоквасову, при определении степени сохранности памятника, фиксировать не только очевидные повреждения, например, как порча вещей при трупосожжении, но уже во время обнаружения кургана, по форме его насыпи, определять разрушенные могилы. На тех же показательных раскопках XIV АС он говорил присутствующим: «Когда курган сохраняет первоначальную затромбовку, дерновую обкладку и конусообразную форму, спускающие весеннюю и дождевую воду в ров, отучающий насыпь, тогда приток разлагающих элементов в могилу настолько слаб, что кости и бытовые изделия сохраняются в ней превосходно... Но в случаях изменения первоначальной формы курганов и уничтожения дерновой обкладки распашкою, выкорчевкою пней, песчаным заносом, появлением в насыпях логовищ животных и ям кладоискателей весенняя и дождевая скопляется в насыпи, разрыхляет ее затромбовку, обращает могильное помещение в сырое, и тогда кости и бытовые изделия в течение немногих десятилетий разлагаются...»⁶⁴.

Д. Я. Самоквасов, как и современные археологи, уже во время обнаружения и раскопок объекта переходил к его описанию и предпринимал попытки определения его древнего культурного значения, что относится уже к процедуре толкования источника.

Перевод археологической информации в знаковую систему является важным условием извлечения исторического знания из археологического материала. Языком науки первоначально выступал естественный язык, но, как отмечает Л. С. Клейн, археологический материал предъявлял к нему такие требования, с которыми он не справляется. Во-первых, часто археолог имеет дело с уже не существующими объектами и потому не имеющими соответствий в действующем языке, во-вторых, многие объекты под действием времени и стихии приобретают облик, не встречающийся в обиходе, а в-третьих, археолога интересуют свойства и связи, не привлекающие внимание вне археологии (например, наличие патины, ударный бугорок, стратифицированность и т. п.). Вследствие этих причин стал вырабатываться специализированный

язык, особенность которого — наличие специальных терминов для научных понятий. В археологии научный стиль описания сложился ко второй половине XIX в., когда появились каталоги музеев, полевые дневники и отчеты экспедиций. Но с развитием науки совершенствовался и ее язык. Особенно же быстро новые понятия и термины вводятся при смене ведущих теоретических концепций⁶⁵. Большое значение в археологии имеет и уровень графического изображения источника.

Прежде всего, выясним, что понимал Д. Я. Самоквасов под терминами, обозначающими основные археологические источники — городища и курганы. Сам ученый давал им следующие определения: «городища» — «это различной формы валобразные возвышения, ограничивающие собой разной величины площади...»; «курганы» — «это холмистые возвышения различной величины: от едва заметных возвышений до громадных сооружений, и почти однообразной формы, изменяющейся только от формы тупого конуса до формы правильного полушара...»⁶⁶. В этих определениях акцент сделан на внешних признаках. Это же можно сказать и о других терминах — «памятники древности, скрытые под землей», «древние земляные насыпи», «памятники вещественные». Кроме того, в работах 70-х гг. как синоним термина «курган» использовался термин «могила». Связано это с тем, что курган воспринимался не как сложная погребальная конструкция, могильник, а как отдельное погребение. Так, например, описывал ученый курганы, раскопанные у с. Марьяновка: «Шесть могил заключали в себе в верхних слоях насыпи по одному глиняному сосуду, а седьмая — три сосуда со жжеными человеческими костями». Правда в этой же работе мы находим и термин «курган-могильник»⁶⁷.

Еще одним термином для обозначения городищ и курганов был термин «памятники быта», включающий «вещественные памятники» только как составную часть. Понятие «быт» определялось тогда значительно шире, чем принято сегодня, и объединяло многие «объективные условия исторического процесса»⁶⁸. Д. Я. Самоквасов употреблял несколько терминов, отражающих те или иные стороны «древнего быта» славян языческой эпохи: «быт домашний», «домашняя жизнь» (одежда, вооружение, занятия, домашняя обстановка, верования и т. д.), «быт общественный», «быт политический» (общественное устройство, социальный состав населения, торговля, обычаи и т. д.)⁶⁹. Использование перечисленных терминов можно считать общепринятыми для того времени, о чем свидетельствуют труды АС, как правило, содержащие секции «быт домашний и быт общественный»⁷⁰, затем добавился и «церковный»⁷¹.

Уже с первых раскопок городищ Д. Я. Самоквасов выходит на понятие «культурного слоя»: «...щебень, покрывающий внутреннюю часть городищ, кости домашних птиц и рыб, глиняные черепки от различных сосудов, битый дикий камень и кирпич, уголь и зола, лежащие обширными пластами (возникновение которых может быть объяснено только сожжением построек, некогда стоявших на городищах)...»⁷² или слой «перегноя растительных веществ и щебня...», где «...встречается множество глиняных черепков различного состава, кости животных, птиц и рыб, битый дикий камень, кирпич, уголь, зола и вещи домашнего быта...»⁷³. Позднее для его определения будет применяться словосочетание «культурный слой почвы»⁷⁴ или «жилой слой»⁷⁵.

Для первичной датировки памятника, главное для более полного его исследования, привлекались Д. Я. Самоквасовым и стратиграфические наблюдения. Так, для выяснения состава почвы и определения материка, перед началом раскопок кургана, он производил закладку пробного шурфа⁷⁶. Естественно, что при этом нельзя было обойтись без употребления соответствующих терминов. В 70-е гг. для обозначения материковой породы, подстилающей насыпи кургана использовался термин «материк» или «грунт», для древней дневной поверхности — «подошва кургана»⁷⁷. Могилы, открываемые в насыпи кургана, получили название «верхние», а расположенные в «материке» или на «подошве» кургана — «нижние»⁷⁸.

При раскопках курганов, Д. Я. Самоквасов сталкивался с разнообразием погребального обряда. Первоначально все захоронения делились на два «существенно различных» способа похорон: «погребение» и «сожжение трупов»⁷⁹. Под термином «погребение» ученый понимал захоронения, совершенные только по обряду ингумации, т. е. сужал значение термина, обозначающего сегодня все способы захоронения⁸⁰. Для обозначения труположений использовались термины «остов», «труп» или «костяк». Чаще употреблялся последний, давший название всей группе подобных курганов — «курганы с костяками». «Костяки» в могилах археолог находил в положениях «на спине с вытянутыми конечностями», «верхом на лошади», в «сидячем». Они фиксировались лежащими «на поверхности земли без гробов», «в ямах и гробах» или в «гробницах из дубовых брусьев». Кремации делились на «кострища» и «сосуды со жжеными человеческими костями» или «погребальные урны»⁸¹.

Еще более разнообразные термины использовались для определения найденных вещей, многие из которых весьма оригинальны. Не видя смысла в перечислении всех названий, даваемых находкам, остановимся на терминологии, применяемой по отношению к керамике. Весьма показателен тот факт, что в археологических работах 70-х гг. для обозначения керамического материала Д. Я. Самоквасов использовал в основном один термин — «сосуд» (или «черепки от глиняных сосудов»), не обращая внимания на свойства и признаки этого археологического объекта. Некоторые особенности «сосуда» отражались в терминологии, только если он был изготовлен из другого материала («несколько железных, тонких сосудов с ручками и один медный», «тонкий чугунный сосуд», «куски медных сосудов» и др.) или имел специфическую форму («глиняная тарелка», «кубок» и др.)⁸². Слабая разработанность терминологии для керамики и отдельных находок, при более тщательном описании других элементов погребального обряда, видимо, вытекала из восприятия основного «вещественного» источника как «комплекса признаков». Следствием этого стало и практически полное отсутствие иллюстраций, за исключением, например вида «Черной могилы» или наиболее ярких вещей, типа турьих рогов из этого же кургана⁸³ (Рис. 3, 9).

Очевидно, что многие термины для обозначения находок применяли по аналогии с вещами, находящимися в употреблении. Нельзя исключать привлечение Д. Я. Самоквасовым и данных этнографии, которая также находилась в сфере его научных интересов⁸⁴. Пока основным объектом изучения были славяно-русские курганы, аналогии, надо полагать, искать было проще, чем в случае с находками в курганах более ранних эпох, к изучению которых ученый все чаще обращался с конца 70-х гг.

Разработанность применяемого Д. Я. Самоквасовым понятийного аппарата, а, следовательно, и описание раскопанных памятников, выглядит несколько ниже уровня уже достигнутого в это время. Об этом свидетельствует описание раскопок, проведенных во время III АС, в которых сам ученый принимал непосредственное участие. Однако необходимо отметить, что эти раскопки должны были стать своего рода эталоном для археологов, не только в методике полевых исследований, но и в публикации. Поэтому продемонстрированный во время съезда способ описания, как правило, расходился с распространенной практикой.

Так, детально описывался состав окружающей почвы («...поверхность почвы из чернозема толщиной 30—35 см, под которой находилась подпочва, представляющая глей бурого, беловатого цвета») и насыпи («состояла из чернозема»). Перечислялись все человеческие кости, встреченные в курганах («ключицы, фаланги пальцев, позвонки, отломки челюстей и длинных костей конечностей»). Подробно обрисовывались технологические особенности керамики («Все сосуды... сделаны без помощи гончарного колеса и плохо выжжены — только наружная и внутренняя поверхности представляли пережженные пластинки, середина же стенок, более темного цвета, не была выжжена. В составе вещества кроме глины находилось много посторонних примесей: зерен кварца, комков беловатого глею и т. п.»), ее форма и орнамент («сосуд из красноватой глины, весь покрытый орнаментом из прямых линий и точек», «сосуд, сделанный из черной глины, имел вид узкогорлого кувшина с ушком», «плоская миска, сделанная из черной глины, с краями загнутыми внутрь»). Более того, для некоторых из них приводятся и размеры. Например, первый сосуд из описанных выше имел высоту 12 см и диаметр 10 см, а «миска» оказалось 8 см в высоту и 30 см диаметром у верхнего края. Кроме того, это описание сопровождалось иллюстративным материалом. Приводился общий план могильника и чертежи открытых погребений, правда страдающие известным схематизмом и отсутствием масштаба⁸⁵.

Дальнейшее развитие приемов описания у Д. Я. Самоквасова шло параллельно с отмеченными уже изменениями в подходах к археологическому источнику, расширением географии и хронологии его полевых исследований. Обращение к раскопкам многомогильных курганов привело к более разнообразной терминологии для обозначения стратиграфии, способов погребения, находок.

Самоквасов четко различал «черноземную насыпь кургана», «черноземный материк» (погребенная почва), «глиняный материк», «глиняный бугор» (могильный выброс) и др.⁸⁶. Помимо курганов, которые воспринимались только как «земляная насыпь на могиле язычника», «курган-памятник», в поле зрения попадают и «могильники без курганов» или «могильники под ровной поверхностью». Фиксируется многообразие погребальных камер («могильные ямы, вырытые в материке, разнообразной формы: прямоугольные, треугольные, круглые, катакомбные», «срубные гробницы», «катакомбы», «каменные ящики» и др.) и положения костяка («скорченное или утробное», «на спине руки и ноги вытянуты», «на спине, руки сложены на туловище» и т. д.). Для обозначения трупосожжений использовались термины: «деревянный сруб с обугленными костями», «погребальная урна, стоящая в могильной яме в уровень с окружающей поверхностью», «погребальная урна на подошве, на матери-

ке или в насыпи кургана», «кострище, закрытое землей и камнем в уровень с окружающей поверхностью земли, а иногда курганом»⁸⁷.

Появляются термины типа «две ложкообразные вещицы, сделанные из затылочных костей черепа», «кремневый скребок» или «кремневый шлифованный просверленный топор-молоток»⁸⁸.

Заметное развитие отмечается в описании керамики. В общем каталоге коллекции Д. Я. Самоквасова, в разделе, посвященном славянским древностям, мы находим: «горшок из красной глины с дырочками по венчику»; «горшочек с ушком и знаком на доньшке»; «фрагмент, орнаментированный по венчику сосуда из красной глины»; «сосуд-урна из красной глины, украшенный пятью волнообразными полосками, из которых каждая состоит из трех волнообразных линий»; «фрагменты грубых сосудов из необожженной глины покрывавших урны» и др. Кроме того, отмечались разнообразные «миски», «чашки» и т. п.⁸⁹.

В работах ученого 80-х–90-х гг. обращает на себя внимание увеличение иллюстративного материала. Д. Я. Самоквасов все больше осознает необходимость публикации не отдельных, наиболее ярких находок, а всего комплекса вещей. Однако по ряду причин, прежде всего, из-за высокой стоимости печати иллюстраций, приходилось ограничиваться выборкой типичных вещей. К реферату «Могильные древности Пятигорского округа» исследователь готов был предоставить от 5 до 20 таблиц «...самые интересные предметы или полная обстановка могил», о чем и сообщал в письме к П. С. Уваровой⁹⁰. Отвечая же, графиня писала: «...мы люди бедные... и потому редакционный комитет просит Вас заказать только 5 таблиц...»⁹¹. По тому же принципу построен иллюстративный материал и в других работах⁹² (Рис. 28).

В начале же XX века Д. Я. Самоквасов выступал уже против любой выборочной публикации вещей. На подобное предложение Археологической комиссии он отвечал: «...думаю, что субъективный выбор типичных вещей из могильного содержания, издания таких вещей и выводы, на них основанные, приносят русской археологии больше вреда, нежели пользы»⁹³.

В результате подобных взглядов появляется серия работ Д. Я. Самоквасова, основную часть которых составляют чертежи и рисунки вещей, в том числе и такого массового материала, как керамика⁹⁴.

Подчеркивая значимость такого рода исследований, Д. Я. Самоквасов писал: «...кострище Черной могилы предоставило русской археологии и истории обильный и чрезвычайно важный в научном отношении материал, далеко еще не обработанный наукой, потому, что до настоящего времени оставался не изданным»⁹⁵. Одной из таких работ должна была стать книга «Могильные древности Северянской Черниговщины», подготовленная к печати часть которой, представляет собой в основном планы курганов и иллюстрации вещей из них. В ней упор сделан не на исторические выводы, а на изложение методики раскопок, описание погребального обряда и находок. В отличие от более ранних работ, где шло просто перечисление открытых древностей, многие вещи, особенно из больших черниговских курганов, получили более подробную характеристику. Например, так описывался меч из кургана «Гульбище»: «Железный обоюдоострый меч около семи четвертей длины, с массивной крестообразной

ручкой, 3 вершков длинны, украшенную серебряной насечкою, тремя рядами камней и серебряною филигранью» (Рис. 11) ⁹⁶.

Из двух частей, по замыслу Д. Я. Самоквасова, должна была состоять и книга по Гочеву. Первая включила бы в себя «описание внешних форм и хода работ», «описание форм и значение бытовых изделий» и «исследование по определению времени и народности», а вторая — «план Гочевских городищ и курганного могильника» и «дневник раскопок с рисунками изделий»⁹⁷. Частично идеи ученого были реализованы в изданных уже после его смерти.

Вышеизложенное показывает, что развитие дескриптивной археологии Д. Я. Самоквасова шло в направлении к как можно более полной и точной передаче информации об археологическом источнике. Понятийный аппарат этого исследователя непрерывно пополнялся терминами, обозначающими вновь открываемые типы вещей, памятников и культур. Тем не менее, широкое хождение имели термины вроде «грубый глиняный сосуд», «обширное городище», «горшок изящной формы» и др., которые не передают точно определенного смыслового содержания, необходимого для научной терминологии. Этот факт стал следствием уровня развития археологии, отражением процесса формирования ее понятийного аппарата, который шел по пути конкретизации понятия вкладываемого в тот или иной термин.

Следующим шагом в источниковедческой процедуре Д. Я. Самоквасова было определение хронологической и этнической принадлежности открываемых древностей, что, как уже упоминалось во второй главе, считалось необходимым условием для перехода археологических источников в разряд исторических. Только после этого «валообразные» и «холмистые» «возвышенности» превращались в остатки древних городов и кладбищ. Посмотрим, с помощью каких методов ученый пытался решать эту задачу.

Основными объектами его исследований в первой половине 70-х гг. были древние городища и курганы летописных северян⁹⁸. Первостепенной проблемой в изучении городищ ставилось установление их жилого характера, для чего, помимо письменных сообщений, вполне хватало содержания шурфов и сбора подъемного материала. Однако, сами по себе полученные находки, учитывая их незначительное количество, еще не давали возможности определить народность обитателей городищ и их датировку. Требовался материал для сравнения. Д. Я. Самоквасов пытался определить время по внешней форме укреплений, распределив городища на два типа: 1) с правильными «угловатыми очертаниями» и бастионами для орудий по углам, относящиеся к периоду после появления огнестрельного оружия, и 2) с «кругообразными очертаниями» — время до распространения пороха и пушек⁹⁹, но этого было недостаточно для исторических построений. Тем не менее, отметим, что это одна из первых классификаций данного типа археологических памятников. С ее помощью исследователь отчленил интересующие его объекты — городища второго типа, которые и подвергались более детальному изучению (описывалась форма, устанавливались приблизительные размеры, географические и топографические условия расположения, планировка оборонительных сооружений) ¹⁰⁰. Признаком же славяно-русских городищ языческого периода Д. Я. Самоквасов считал присутствие рядом курганов этого времени,

с инвентарем из которых и предлагал сопоставлять городищенский материал. Нужно было только выделить такие погребения.

К началу 70-х гг. одной из господствующих считалась точка зрения А. А. Котляревского, высказанная в его магистерской диссертации «О погребальных обычаях языческих славян». Последний считал невозможным вычленив среди напластования могил погребения восточных славян, поскольку: «Славяне, как младший побег индо-европейской семьи, шли по готовой торной дороге, и многочисленные ветви их сели на насиженных гнездах, на остатках цивилизаций предшественников, народов иногда без имени, без рода и племени. Нет, кажется, места, где Славяне заняли бы девственную почву...»¹⁰¹. Все же, такие попытки предпринимались. Одной из первых в Российской империи стала сводная работа по археологии Прибалтики профессора Ф. Крузе «Necrolivonica», вышедшая в 1842 г. в Дерпте. Разбирая это сочинение, А. С. Уваров писал: «Профессор Крузе ... обследовал более могил, чем многие другие ученые но, к сожалению, не руководствовался при описании их одним опытом, добытым личными воззрениями на могилы и на их устройство, он следовал идее о повсеместном скандинавском влиянии и получил выводы слишком односторонние»¹⁰². Пытался определить народность могил северо-западных регионов Руси и другой Дерптский профессор — Гревинг, разделивший их на 4 группы с многочисленными подразделениями¹⁰³.

Однако наиболее значительное влияние на самоквасовскую методику исследования погребений, на наш взгляд, оказал А. С. Уваров. Для рассматриваемой темы интерес представляет его работа «О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей», вышедшая в 1873 г., но, написанная несколько раньше.

Это исследование стало своеобразным ответом на один из вопросов, поставленных на II АС: «Могут ли некоторые вещи, находимые в курганах, служить отличительными признаками того племени, которое воздвигало эти курганы? Какие археологические исследования отчасти уже указали границы между племенами, обитавшими на Руси?».

Решение обозначенной проблемы увязывалось Уваровым с выяснением «бытовых» отличий летописных славянских племен и степени их развития. Он предлагал методику определения признаков, по которым «в будущем» должны были выделить характерные признаки славянских могил.

Исходя из положения, что народ при совершении погребального обряда оставляет следы своих обычаев, изучение которых позволит определить народность могилы, Уваров различал «существенные» и «второстепенные» признаки погребального обряда. По мнению этого исследователя, только отделение «существенных» признаков от «второстепенных» позволяет вычленив отличительные признаки могил каждого народа¹⁰⁴.

К второстепенным, характерным для всех языческих народов признакам он относил обычай насыпки холма, погребение или сожжение умершего, различные названия могильных насыпей, их внешнюю форму и размеры, присутствие гробов и колод, а также ориентацию костяка и расположение его рук. Существенные признаки, по которым «со временем» Уваров предполагал определять народность могил, включали:

1) присутствие в могилах одних и тех же второстепенных признаков; 2) внутреннее устройство могилы; 3) с некоторыми сомнениями, сидячее положение остова; 4) территорию распространения; 5) находки из могил¹⁰⁵.

В связи с выделенными признаками одной из важнейших задач отечественной археологии Уваров называл определение местностей первоначального расселения славянских племен, поскольку только там могилы сохранялись «...во всей типичной своеобразности первобытного их устройства...». Для решения этой задачи он предлагал пользоваться сообщениями летописи и Константина Багрянородного. Понимая неполноценность этих данных, Уваров писал: «Вначале мы получим положительные данные для сравнения могил только некоторых народов, но впоследствии можем дойти, тем же путем сравнения, и до определения народностей могил остальных племен»¹⁰⁶.

Применяя свой метод, Уваров установил места расселения целого ряда летописных племен. Северянам отводились все уезды Черниговской, Полтавской, Курской и Харьковской губернии, расположенные по Десне, Сейму и Сулле, т. е. все Днепровское лесостепное Левобережье.

Среди находок, открываемых в могилах, он различал предметы, занесенные торговлей, и предметы местного производства, имеющие «особый отпечаток», «особый стиль», который и указывал на народность. В качестве примера приводились характерные бронзовые пряжки мерян¹⁰⁷.

Писал Уваров и об установлении древности городищ по расположенным рядом курганам¹⁰⁸.

Опираясь на эти разработки А. С. Уварова, Д. Я. Самоквасов приступил к своим исследованиям. Первые итоги изучения северянских курганов он подвел в 1875 г. в статье «Северянские курганы и их значение в истории», а также в некоторых других работах.

Прежде всего, раскопанные погребения он разделил на 5 групп, положив в основание деления особенности погребального обряда: 1) «с кострищами» (4 кургана в Чернигове, 4 у с. Левинки, 14 в м. Седнев); 2) «содержащие в себе сосуды со жжеными человеческими костями» (19 седневских курганов, 8 у с. Ротовка, 2 в Подмонастырской слободе, 7 у д. Марьяновка, 7 у х. Сетное, 5 у с. Клюква, 7 у д. Александровка, 25 кургана из белогорской группы); 3) «с костяками, лежащими на поверхности земли без гробов» (4 кургана у слободки Городище, 1 у х. Сетное, 79 у Николаевской Белогорской пустыни, 73 с левой стороны дороги на с. Горналь и 6 между с. Горналь и Мирополье), 4) «с костяками, лежащими в ямах и гробах» (58 курганов из Троицкой группы, 6 из Седневской, 31 курган под Стародубом, 4 кургана между селами Хворостовичи и Бугриновка), а также 5) в «сидячем положении» (2 кургана у д. Александровка) и «верхом на лошади» (курган у деревни Клиновой)¹⁰⁹.

Затем были предприняты попытки реконструкции открытых погребальных обрядов. При трупосожжениях с кострищами, по его мнению, устраивался костер, на который помещали тело покойника и предметы, необходимые ему в загробной жизни. После сожжения над кострищем возводили земляную насыпь, в центре которой иногда помещали сосуд с обугленными костями жертвенного животного и предметы, при-

надлежавшие покойнику при жизни¹¹⁰. При кремациях же с погребальными урнами покойников сжигали где-то вне кургана, а после сожжения перегоревшие кости собирали в глиняный сосуд, который ставили в уже приготовленный курган, в верхней части насыпи.

Труположения в ямах ученый представлял как земляные насыпи, прикрывавшие могилу до 1,5 м глубиной с лежащим в гробу костяком без украшений или бедно украшенным, ориентированным головой на запад, на спине, с вытянутыми ногами, и руки которого были сложены на груди или на животе. Труположения на горизонте отличались от них отсутствием гробов и, главное, расположением костяка на горизонте. Кроме того, не наблюдалось однообразия в ориентировке погребенных, хотя и преобладало западное направление. Например, из 66 курганов Белогорской группы 37 костяков были ориентированы на запад, 13 на юго-запад, 3 на северо-восток, 11 на восток и 2 неопределены¹¹¹.

Осуществив эти операции Д. Я. Самоквасов получал не остатки погребений, а восстановленные обряды, среди которых нужно было выделить северянский.

Археологического материала для этого было недостаточно, хотя он уже мог оперировать, правда, еще не опубликованными результатами последних раскопок М. Ф. Кусцинского и Л. К. Ивановского. Поэтому основным методом исследования стало соотнесение открываемых погребальных обрядов с данными письменных источников.

Определить народность погребенных в могилах с костяками он считал невозможным из-за недостатка источников, «представляя дальнейшим исследованиям решение вопроса о народности курганов со всеми видоизменениями обычая погребения...»¹¹². Значительно чаще в письменных источниках упоминалось о трупосожжениях.

Свидетельства летописи о похоронном обряде у радимичей, вятичей и северян, а также упоминания Ибн-Дада о сожжении мертвых у славян, было достаточно для отождествления курганов с погребальными урнами раскопанными по Десне, Сейму и Суле с северянами.

Результаты же исследования курганов с кострищами позволили Д. Я. Самоквасову выяснить время их насыпки. Основываясь на анализе нумизматического материала и сообщений летописи о распространении христианства (Чернигов уже в первой половине XI в. назывался христианским), сооружение «Черной могилы», «Гульбища», «Безымянного» а, следовательно, и других подобных курганов, ученый ограничивал концом IX — началом XI в. Сложнее обстояло дело с их этнической атрибуцией. Несмотря на то, что открытый исследователем обряд трупосожжения имел поразительное сходство с описанием похорон знатного руса арабским автором первой половины X в. Ибн-Фадланом, необходимо было еще доказать, что эти захоронения не принадлежат варягам. Такими доказательствами стали: 1) сообщение летописи о погребении, а не сожжении варягов Оскольда и Дири; 2) отсутствие курганов с трупосожжениями в других местах расселения славян, прежде всего в Киеве (сообщения Фундуклея о двух похожих захоронениях не поколебали его выводов) и Новгороде (более 800 курганов, раскопанных Л. К. Ивановским); 3) отсутствие признаков норманнских захоронений, выделенных графом Уваровым (погребение с конем, брон-

зовые пряжки в виде чашек, секиры и др.)¹¹³. Приведенные данные не оставляли сомнений в славянстве этих захоронений, а их расположение в главном городе северян Чернигове, положительно решало вопрос племенной принадлежности.

Таким образом, Д. Я. Самоквасовым были определены типы северянских погребений, которые позволяли ему определять не только городища, но и другие погребения славяно-русского времени. Обращает на себя внимание тот факт, что сопоставлению открытых погребальных обрядов с данными письменных источников предшествовала группировка погребений, в основе которой лежали особенности погребального обряда — следы трупосожжения или трупоположения. При вычленении ингумаций на горизонте (древней дневной поверхности) использовались стратиграфические наблюдения. По своему характеру это ближе к тому, что Л. С. Клейн называет «аналитической классификацией», которую современный археолог выполняет параллельно с описанием и которая служит для первичной систематизации и датировки¹¹⁴. Такое упорядочивание позволило этно-хронологическую атрибуцию отдельных погребений с монетами распространять на всю группу, по аналогии.

Из вышеизложенного видно, что определение времени и народности археологических памятников Д. Я. Самоквасов пытался произвести с помощью «сравнительно-исторического» метода, выступавшего у него основным способом анализа исторических источников. Условия, близкие к тем, что выдвигались для его применения¹¹⁵, предполагались Д. Я. Самоквасовым и для «научного исследования курганов и городищ». Последние сводились к «правильной научной раскопке», «верному и полному описанию его внешней формы и внутреннего содержания». От лиц, приступающих к исследованию городищ и курганов, Д. Я. Самоквасов требовал знания обрядов погребения различных народов, описанных древними авторами, знакомства с результатами уже проведенных раскопок и овладения приемами раскопок. Выполнение последнего пункта предполагало следование приводимым там же методическим рекомендациям, утвержденным III АС.

В принципе, Д. Я. Самоквасов двигался в правильном направлении, но в 70-е гг. было еще слишком мало археологического материала для сравнения славяно-русских древностей и приходилось прибегать к данным письменности. Несколько иначе обстояло дело с памятниками скифской культуры, изучаемыми более длительное время и куда более масштабно. Говоря о курганах с трупосожжением, раскопанных в 1877 г. в Каневском уезде, ученый писал: «Знакомые сколько-нибудь с древностями, добытыми в курганах южной России до настоящего времени, при первом взгляде на вещи, найденные в нижних слоях курганов, раскопанных при устье Россавы, признают их принадлежность к так называемому Скифскому периоду...»¹¹⁶. Однако, при этом, археологические памятники уже «по своему существу» считались «положительным историческим материалом»¹¹⁷. В одной из самых первых своих работ он призывал «оставить на время ученые толкования эластичных сказаний Нестора о языческом быте славян и приступить к изучению более чистого материала — древних земляных насыпей»¹¹⁸. Естественно, что такой «материал» не требовал настолько сложной процедуры источниковедческой обработки, как, например, летописи, критический анализ которых был разработан в трудах А. Л. Шлецера, М. Т. Каченовского и др.

Конечно же, не все согласились с таким подходом. В своей рецензии на его докторскую диссертацию известный социолог М. М. Ковалевский указывал на неразработанность методологических приемов анализа вещественных памятников. При определении народности курганов, по его мнению, нужно было использовать данные антропологии, а не только свидетельства письменных источников. Писал он и о неуместности публикации инструкции для раскопок в книге по истории русского права¹¹⁹. Отвечая ему, Д. Я. Самоквасов резонно отмечал, что «антропология еще не успела определить типичные черепа, принадлежащие различным народам древности...» и что мнение о неуместности размещения инструкции для раскопок не основательно «...при отсутствии в наших университетах кафедр по археологии...»¹²⁰. Тем не менее, Ковалевский, хотя и не достаточно четко представляющий различия между курганом и городищем, верно подметил неразработанность методов обработки археологического материала.

Однако подходы Д. Я. Самоквасова к анализу этого вида источников не оставались статичными. Уже на рубеже 70—80-х гг. это приводит к достаточно заметным изменениям в его представлениях о способах установления культурно-хронологической принадлежности археологического объекта.

В работе «Вещественные памятники древности в пределах Малороссии» курганы и городища славянской эпохи он подразделил на собственно славянские и «памятники славянской эпохи, но неизвестных народностей»¹²¹. К славянским, а точнее к северянским, теперь относились не только трупосожжения с кострищами и погребальными урнами, но и подкурганые трупоположения в могильных ямах, с гробами и характерным набором вещей («серебряные и бронзовые кольца, без привесок или с привесками, состоящими из одной или трех стеклянных или серебряных бус», «серебряные и бронзовые привески в форме полумесяца» и др.). При этом, этническая принадлежность ингумаций на горизонте и в неглубоких ямах, также расположенных на территории первоначального расселения северян и датированных тем же временем, точно не определялась, хотя «...многие из них кажутся славянскими...» — писал Д. Я. Самоквасов¹²². Интересно, что в подобных погребениях он фиксировал «серебряные проволоки, загнутые внизу в четыре и пять оборотов, а кверху в один оборот»¹²³, которые со времени работ А. А. Спицына¹²⁴ стали считаться этноплеменным признаком северян.

К таким выводам Д. Я. Самоквасов пришел в результате сопоставления предметов быта, вооружения (нож, топор, копье, бронзовые резные бляхи) и конской упряжи (удила, стремяна, пряжки), из подкурганного захоронения с конем в срубной гробнице, раскопанного у д. Гушино (Рис. 25—27), с находками из «Черной могилы» и «Гульбища»¹²⁵. Установленных аналогий было достаточно, несмотря на более богатое содержанием по сравнению с другими ингумациями. Не смущал Д. Я. Самоквасова и тот факт, что он сам, доказывая славянскую принадлежность курганов с кострищами, ссылаясь на А. С. Уварова, который присутствие коня считал одним из признаков норманнских захоронений¹²⁶, а В. Б. Антонович атрибутировал такие могилы как полянские: «В земле Полян умершего погребали вместе с его лошадей; яма делалась очень глубокая, и скелет находился в полном вооружении из железа... с типичным шлемом времен дружинной и княжеской эпохи Руси»¹²⁷.

Те же подходы стали применяться для датировки и определения этнической принадлежности городищ. Если в 70-е гг. для выделения поселений славянской эпохи часто хватало одного присутствия рядом с ними курганов, то теперь основным способом стало «...сравнение предметов, найденных на городищах с предметами, найденными в курганах»¹²⁸. Неудивительно, что число городищ уверенно связываемых со славянами языческой эпохи резко сократилось. К таковым теперь относились только городища Чернигова и Новгород-Северского (р. Десна), у д. Гушино (Черниговский уезд, р. Белоус), у м. Седнев (Черниговский уезд, р. Снова) и у д. Левинки (Стародубский уезд, р. Бабинич)¹²⁹. В более поздней работе к ним прибавились городище, расположенное между селами Лариновка и Бугриновка (Новгород-Северском уезд, р. Малотечна), а также у сел Воргол и Волокитино (Глуховский уезд, р. Клевень). При этом не упоминалось городище Новгород-Северского, вероятно, датируемое более поздним временем¹³⁰.

Вышеприведенные примеры позволяют сделать вывод, что для определения этнической и хронологической принадлежности памятника применяются не только данные письменных источников, но и сопоставление между собой обрядов и вещей. Для датирования начинает использоваться и керамика: «...был найден еще, в ногах острова, глиняный сосуд, по составу глины и орнаменту, очень похожий на сосуды, найденные мною в прошлом году в самых древних могилах под Кисловодском» — писал в 1882 г. Д. Я. Самоквасов А. С. Уварову¹³¹. Особенно ценными Д. Я. Самоквасов считал погребальные урны, издание которых, «...со всеми орнаментами и знаками на донышках было бы настольною книгою каждого русского археолога, потому что дало бы возможность установить фактические отличительные признаки славяно-русской керамики»¹³². С данным обстоятельством следует связывать постепенное усложнение терминологии при ее описании.

Такое сопоставление содержания и устройства разновременных погребений друг с другом и данными письменных источников применялось при формировании его хронологической классификации древностей. Сам Д. Я. Самоквасов и писал: «...главным образом, на основании нумизматических находок в курганах разных эпох, я пытаюсь установить хронологию в наслоении древних могил Южной России»¹³³. Как и в случае с северянскими погребениями, такие курганы были единичными, но вещи из них и особенности погребального обряда становилось датирующими. Еще одним хронологическим признаком выступали импортные вещи, тоже дающие хронологические привязки.

В «Вещественных памятниках древности в пределах Малороссии», в «скифскую эпоху» включались курганы, имеющие аналогии в устройстве и содержании с погребениями Северного Причерноморья. Именно с целью ознакомления с греческими гробницами и сопоставления последних с раскопанными им памятниками в 1879 г. Д. Я. Самоквасов осматривал археологические объекты в окрестностях Одессы и в Аккерманском уезде¹³⁴.

Сообщая председателю ИАК князю А. А. Васильчикову о первых результатах раскопок на р. Конке в Екатеринославской губернии (1883—1884 гг.), Д. Я. Самоквасов отмечал, что прояснились две важные проблемы русской археологии¹³⁵. Во-первых,

«Бессчастливая могила» и другой большой курган из этой группы (№ II на его плане¹³⁶) позволяли определить эпоху, к которой относились могилы «с остатками покойников в скорченном, так называемом утробном положении». Найденные им предметы из глины, камня, кости и меди доказывали, что вышеназванные могилы принадлежали племени, занимавшему «южнорусские степи» до прихода в них «скифов-паралатов» (до последней четверти III в. до Р.Х.). Во-вторых, в могилах с трупосожжениями, в которых были найдены предметы из железа, бронзы, серебра и золота, «по их формам и способу выделки совершенно оригинального стиля». Аналогии могилам такого устройства и содержания Д. Я. Самоквасов не находил в археологической литературе, но «обычай сожжения трупов и формы некоторых предметов сближают эти могилы с могилами последних столетий славянского язычества... и относящиеся, по монетам, в них найденных, к III—X столетиям по Р.Х.; другие предметы сближают те же могилы с могилами скифской эпохи, первых столетий до Р.Х.». Исходя из этих признаков, могилы с остатками трупосожжений были отнесены к первым столетиям после Р.Х., когда «в Южной России господство скифов сменилось господством сарматов, т. е. к самому темному периоду в истории южнорусского Приднепровья, составлявшему до сих пор совершенный пробел в русской археологии»¹³⁷. Трупосожжения, о которых идет речь, — это гуннский грунтовый могильник у с. Новогеоргиевка. Его датировку Д. Я. Самоквасов уточнит после своей командировки в Венгрию¹³⁸. По аналогиям из национального Будапештского музея он отнесет могильник к «древностям времен Аттилы»¹³⁹. Его датировка V веком н.э. оказалась правильной, в отличие от этнической атрибуции¹⁴⁰. Он считал, что это могилы предков славян.

Уже по целой системе признаков строилась классификация в начале 90-х гг. Для каждой эпохи отмечалась специфика в устройстве погребальных камер, положении погребенных, формах сопровождающего инвентаря. Например, отличительным признаком могил сарматской эпохи служило наличие римских монет императорской эпохи, терракотовых сосудов с изображениями сцен из римской мифологии и надписями, римского вооружения, оружия, фибул, шпор и др.¹⁴¹. В качестве археологических маркеров славянской эпохи выделялись византийские, арабские и западноевропейские монеты, а также «другие предметы византийского и арабского искусства». К этому периоду относились трупосожжения в погребальных урнах, стоящие на материке или в насыпи кургана, кострища на уровне земной поверхности или под курганом, а также труположения на спине с вытянутыми конечностями или сложенными на туловище руками, с преобладанием западной ориентировки. Характерными признаками погребений выступали следы деревянных гробов и катакомб (на Кавказе), лошадиный остов в более богатых захоронениях, новые формы железных предметов, распространение изделий из серебра¹⁴².

Как уже отмечалось во второй главе, в этих вариантах задачей ставилось размещение древностей только по историческим периодам. К определению же народности всех раскопанных им погребений, Д. Я. Самоквасов приступил в начале XX века. Причина этого лежит в резком увеличении материала для сопоставления. Шло не только возрастание масштабов полевых исследований, но и их публикаций. К этому времени появился целый ряд систематических обобщений конкретного материала

ла. Достаточно назвать периодические издания — труды Археологических съездов, «Древности», «Известия ИАК», «Записки ИРАО» и др. Весомый вклад в систематизацию славяно-русских древностей внес А. А. Спицын, локализовавший отдельные племенные союзы¹⁴³, переиздавший материалы «владимирских курганов», раскопанных Уваровым, а также опубликовавший результаты раскопок курганов С. И. Сергеева, И. С. Абрамова, С. А. Гатцука, В. Н. Глазова, Л. Ю. Лазоревича-Шепелевича, А. А. Смирнова, В. А. Шукевича и др.¹⁴⁴.

Распределение погребений по народам и племенам требовало определения не только хронологических, но и географических границ бытования той или иной группы древностей, вычленения, помимо хронологических и этнических признаков.

Все погребения со скорченными костяками, часто окрашенными, в сопровождающем инвентаре которых не содержалось изделий из железа, считались могилами киммерийских племен¹⁴⁵.

Своеобразие могил обитателей «сколотского царства» (вторая половина VII до н. э. — 399 г. до н. э.), по мнению Д. Я. Самоквасова, заключалось не только в присутствии предметов скифского, греческого и ассирийского «стилей», но и в стремлении изолировать погребенного от внешней среды. «...Бальзамирование трупов сколотских царей, покрытие их воском и погребение на отдаленной северной окраине территории сколотского царства, в глубоких могилах, вырубленных в материковой глине и тщательно изолированных деревянными забрусками и заклепками...»¹⁴⁶ ученый объяснял распространением среди скифов зороастризма, с которым они якобы познакомились во время своего похода в Малую Азию.

Поскольку устройство сарматских могил ученый считал совершенно подобным «срубным гробницам и катакомбам» родственных им скифов, то основным средством вычленения данных погребений стали находки. При этом он исходил из того, что сарматы должны были принести с собой «новые формы варварского искусства», но т. к. содержание сарматских могильников, расположенных в междуречье Дона и Волги оставалось ему неизвестными, то единственным этноопределяющим признаком остались хорошо датирующиеся предметы греческого импорта, на основании которых скифские «царские» курганы и были приписаны сарматам¹⁴⁷.

В свою очередь римский импорт стал отличительной чертой погребений «Росов». При этом выделялись «Росы», местного «роксоланского» происхождения, оставившие подкурганые захоронения, и «гетто-дакийского», с которыми связывались поля погребальных урн и распространение обряда трупосожжения. Такое своеобразное определение этнической принадлежности стало следствием сопоставления археологических памятников с его теорией происхождения славян¹⁴⁸.

Хазарские погребения появились в классификации Д. Я. Самоквасова после выделения памятников «салтовского типа». Еще на XII AC ученый сопоставил эти материалы с исследованными им катакомбами Кавказа (Тагаурское ущелье, Комунта и др.), датировал их VI—IX вв. и атрибутировал как хазарские¹⁴⁹.

Среди русских древностей (VII—XI вв. н. э.) своей коллекции он по-прежнему отличал «северянские» и «неизвестного народа»¹⁵⁰. Позднее от всех видов захоронений северян языческой эпохи он отделил погребения Гочевского могильника, которые да-

тировал концом X в.¹⁵¹. Их он подразделял на 8 групп: 1) с мужскими захоронениями (Рис. 41, А–В), 2) с женскими захоронениями (Рис. 41, Г–Е), 3) с детскими захоронениями (Рис. 41, Ж), 4) не имеющие указаний на пол и возраст погребенного, 5) с плохо сохранившимися костяком и инвентарем, 6) с остатками погребений без инвентаря, 7) распаханые, без инвентаря и без костяка, 8) ингумации с элементами кремации¹⁵². В отличие от классификации севернянских захоронений, в основе этой классификации лежит и погребальный обряд, и половозрастные особенности погребенных.

Могилы половецко-татарской эпохи (Рис. 34—35) делились на пять групп: 1) «верхние могилы» Киевских и Полтавских курганов, с конскими костяками, датированные XII в., 2) курганный могильник Александровского уезда, Екатеринославской губернии, «...с могильными ямами, закрытыми сверху камышом, глиною и камнем, а на дне имеющие подбой с костяками, закрытые каменными плитами, деревянными брусками или досками», 3) курганы Новомосковского уезда, Екатеринославской губернии с захоронениями в гробах, поставленных на дно могильной ямы, 4) курганы области Пятигорья с погребениями в гробах на материке, 5) каменные гробницы под Кисловодском. Каждую из них ученый попытался сопоставить с теми или иными племенами кочевников. Так, вторую группу он связал с печенегами, первую — половцами, третью и четвертую — с татарами, а народность пятой, «более древней по бытовому материалу», определить затруднялся. Основанием для этих сопоставлений служила и форма некоторых предметов. Для половцев Самоквасов считал характерными сабли с «широкими концами», а для монголов — с «остроконечными, штыкообразными»¹⁵³.

В вышеприведенных приемах можно увидеть зачатки корреляционного метода. Здесь также идет речь о связи типов вещей в замкнутых комплексах. При этом количество исходного материала позволяло обходиться умозрительными операциями и не требовалось составление корреляционных таблиц. Однако основным отличием работ Д. Я. Самоквасова, например, от работ его европейских современников О. Монтелиуса и С. Мюллера¹⁵⁴, было отсутствие анализа отдельных вещей, построение их типологии. У нас это больше характерно для археологов следующего поколения, например, те же А. А. Спицын и В. А. Городцов уже строили первые типологические ряды вещей и уделяли значительное внимание керамическому материалу¹⁵⁵. В связи с этим показательна дискуссия о культурно-хронологической принадлежности Донецкого городища, возникшая на XII AC. Если Д. Я. Самоквасов, считавший обитателями городища половцев и датировавший его домонгольским временем, по-прежнему ссылался на результаты осмотренного им могильника и отдельные находки с городища¹⁵⁶, то В. А. Городцов, определявший памятник как славянский, руководствовался уже керамическим материалом¹⁵⁷.

Для Д. Я. Самоквасова было достаточно внешнего сходства. У него можно найти лишь некоторые предпосылки к развитию археологических методов. Так, говоря о коллекции каменных изделий, купленных им у польского археолога-любителя графа Завиши, он отмечал: «типичные формы каменных орудий представлены в этой коллекции в постепенном их развитии, заканчивающимся их наилучшими формами»¹⁵⁸. Видимо, некоторые принципы эволюционной типологии ему были знакомы. Пред-

принимал Д. Я. Самоквасов и попытки провести источниковедческий анализ вещи, изучить ее форму. В посмертной работе «Могильные древности Северянской Черниговщины» внимание ученого сосредоточено на описании не только погребального обряда, но и отдельных вещей. Однако далеко не для всех были подобраны аналогии. Исключением стали шлемы, подобие которым Д. Я. Самоквасов увидел на барельефе из столицы Ассирийского царства — Ниневии, и «ножи оригинальной формы с длинными железными ручками» [скрамасаксы. — *А. Г.*] из Черной могилы. Для последних были отмечены более близкие аналоги среди ножей Гнездовского могильника¹⁵⁹.

Применялся Д. Я. Самоквасовым и метод картографирования памятников, но, как и в случае с корреляционным, чаще всего это делалось умозрительно. Таким образом определялась территория распространения древнерусских городищ, северянских курганов, кладов римских денариев, территория распространения погребений киммерийцев, скифов, сармат, «Роксолан-Росов» и других народов, обозначенных в его классификации. Единственным известным нам примером нанесения памятников на топографическую карту, является план Чернигова с указанием курганов¹⁶⁰ (Рис. 2) и карта северянской земли (Рис. 36). Методику составления последней Самоквасов описывал так: «Отметка на географической карте Черниговской, Курской и Полтавской губерний поселений, у которых сохранились древние городища, и в частности городища, сопровождаемые языческими курганными кладбищами северянских погребальных обрядов, показала города Черниговской земли до татарского времени, и в частности города Северянского племенного княжения языческой эпохи; а соединение на карте общерной чертой пограничных городищ дало очертание границ территории Северянского племенного княжения»¹⁶¹. Выделялись и границы волостей, однако к его книге «Северянская земля и Северяне по городищам и могилам» (1908 г.) прикладывалась только карта Черниговской губернии (Рис. 36). Тем не менее, пример составления этой карты показывает, что Д. Я. Самоквасов вполне осознавал сложность употребления картографического метода. В другой работе он указывал: «Для составления... общей археологической карты требуется не только собрать полный материал, но и проверить его трудом специалиста; в противном случае археологическая карта принесет науке больше вреда, чем пользы, потому что, может привести к выводам, основанным на неполном и неверном материале, тормозящем правильное движение научного знания»¹⁶².

В исторических построениях пытался Самоквасов использовать и ретроспективный метод, который понимал следующим образом: «В решении особенно темных, трудных и сложных исторических вопросов, наилучшим методом научного исследования должно признать именуемый краковским академиком Войцеховским «обратно-историческим», по которому должно начинать изучение исторического материала с фактов новейших, более ясных и несомненных, а от них восходить к фактам более древним, менее ясным, до первоначальных; таким способом можно выяснить научно многие исторические вопросы, кажущиеся ныне лежащими за пределами исторического знания»¹⁶³. В современной исторической науке под ретроспективным методом понимается «последовательное проникновение в историческое прошлое с целью определения причины данного события»¹⁶⁴, а в археологии он применяется, глав-

ным образом, при определении этнической принадлежности древних культур и заключается в исследовании связей известных культур с более ранними¹⁶⁵. По мнению Г. С. Лебедева, в его основе лежит обоснованное О. Монтелиусом и достаточно широко применяемое Косиной положение о непрерывности развития культуры, являющееся свидетельством единства ее этнической принадлежности¹⁶⁶. В своих исследованиях Д. Я. Самоквасов доказывал генетические связи между типами погребений, но делал это не на основании археологических признаков, а подгоняя их под свои исторические взгляды. В связи с этим, он вполне допускал существование нескольких видов погребального обряда у одного народа, объясняя это внешними заимствованиями и существованием разных социальных групп. Как попытку использовать этот метод для анализа отдельной находки можно рассматривать вышеприведенный пример со шлемами из Черной могилы, относительно которых он писал, что «формы шлемов восточного и очень древнего происхождения»¹⁶⁷.

Несмотря на отмеченную динамику подходов Д. Я. Самоквасова, можно говорить лишь о зачатках археологического источниковедения. Методология ученого, если понимать этот термин как совокупность методов, сводилась к сопоставлению археологических комплексов (городищ, могил, кладов) друг с другом и данными письменности. Отдельные составляющие комплексов (вещи, элементы погребального обряда) служили основанием для датировки или включения их в ту или иную группу, но при этом специально не анализировались.

Подытоживая все вышеизложенное, можно отметить, что далеко не все, из перечисленных в начале главы современных этапов препарирования археологического источника, выполнялись Д. Я. Самоквасовым. Прежде всего, речь идет о внутренней критике. Ученый не строил типологических рядов вещей, да и практически не занимался анализом отдельных находок, оперируя комплексами. Не осуществлял он и то, что Л. С. Клейн называет оценкой познавательных возможностей — его не интересовала репрезентативность выборки, было достаточно одного факта для построения сложной цепочки выводов. Считая археологический источник изначально объективным, Д. Я. Самоквасов не учитывал субъективности исследователя. В результате этого, объективным считалось любое сообщение письменного источника, подтвержденное данными археологии.

Более полно представлена внешняя критика источника, особенно этапы, составляющие полевую археологию. Его методика раскопок была ориентирована на подробное описание комплекса и первичную, объектную, реконструкцию открываемых остатков, но в полной мере это справедливо только по отношению к погребениям. При этом наиболее уязвимым местом методики Д. Я. Самоквасова была фиксация объектов, особенно ее графическая составляющая. Понятийный аппарат ученого сохранил большое количество неконкретизированных терминов, но главным недостатком было описание не всех памятников, а только самых ярких и типичных.

Заключительным этапом перед переходом к толкованию источников была их классификация, при которой использовались стратиграфические наблюдения и корреляция монет и датирующих находок. В условиях незначительного количества археологического материала последняя операция была исключительно умозрительной.

Отмеченные пробелы во внутренней и внешней критике археологического источника отразились и на процедуре его толкования, сводившийся к прямолинейному соотношению с данными письменных источников, реже этнографии. Все это, в свою очередь, влекло за собой некорректные, с современной точки зрения, исторические построения.

Однако несовершенство методик и методов Д. Я. Самоквасова следует связывать не с недостатками отдельного исследователя, а с общим развитием археологической науки, находившейся еще на стадии своего становления.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клейн Л. С. Археологические источники. Учебное пособие. Л., 1978; *Он же*. Археологические источники. СПб., 1995.

² Клейн Л. С. Археологические источники. Учебное пособие... С. 63, 79.

³ Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для проведения раскопок курганов // Труды III АС. Киев, 1878. Т. I. С. LXIX—LXXII.

⁴ Щавелев С. П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д. Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 26.

⁵ Инструкции для описания городищ, курганов и пещер... С. LXIX

⁶ Самоквасов Д. Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873. С. 112.

⁷ Самоквасов Д. Я. Историческое значение городищ // Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. I. Киев, 1878. С. 230.

⁸ Инструкции для описания городищ, курганов и пещер... С. LXIX—LXXII.

⁹ Самоквасов Д. Я. Древние земляные насыпи и значение для истории // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. I. № 3. С. 358.

¹⁰ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908. С. 262—263.

¹¹ Самоквасов Д. Я. Археологическое богатство Малороссии // Живописная Россия. Отчество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. V. Малороссия, Подолия и Вольнь. Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Киевские губернии. Ч. I. СПб. — М., 1897. С. 91.

¹² Самоквасов Д. Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 10

¹³ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян. Источники и литература. Варшава, 1878. С. 208.

¹⁴ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли. М., 1908.

¹⁵ Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. I. Киев, 1878. С. LXXX—LXXXV.

¹⁶ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение в истории // Труды III АС в Киеве 1874. Т. I. Киев, 1878. С. 186.

¹⁷ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 209—213.

¹⁸ Инструкции для описания городищ, курганов и пещер...

¹⁹ Бойко А. Л. Из истории методики полевых исследований в дореволюционной России // Донская археология. Ростов н/Д, 2000. № 2. С. 75—78.

²⁰ Труды III АС... С. LXXXI—LXXXV.

²¹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // МИА. № 11. М—Л., 1949. С. 25.

²² ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 3. Д. 252.

²³ РА ИИМК. Ф. 1. 1889 г. Оп. 55; Ф. 1. 1891. Оп. 54. и др.

²⁴ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение... С. 205 и др. раб.

²⁵ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 24—51.

²⁶ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение... С. 205.

²⁷ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 25

²⁸ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли...

²⁹ Самоквасов Д. Я. Инструкция для научного исследования курганов (и дополнения к ней А. П. Богданова) // Антропологическая выставка 1879 г. М., 1879. Т. II.

³⁰ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли... С. 84.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 142.

³³ Спицын А. А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895.

³⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 131.

³⁵ Щавелев С. П. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д. Я. Самоквасова) // РА. 1993. № 1. С. 232.

³⁶ Спицын А. А. Археологические раскопки. СПб., 1910.

³⁷ Бобринский А. А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. I—III. СПб., 1887—1901.

³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Д. 26. Л. 102—106.

³⁹ Самоквасов Д. Я. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908.

⁴⁰ Там же. С. 15.

⁴¹ Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли... С. 157.

⁴² Самоквасов Д. Я. Раскопки древних могил... С. 9.

⁴³ Там же. С. 11.

⁴⁴ Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда Д. Я. Самоквасова. Посмертное издание. М., 1916. С. 8.

⁴⁵ Могильные древности Северянской Черниговщины Д. Я. Самоквасова. Посмертное издание. М., 1917. С. 16.

⁴⁶ Бойко А. Л. Указ. соч. С. 78—80.

⁴⁷ Городцов В. А. Дневник археологических раскопок 1926 г. /Сост. Л. А. Беляев, Е. В. Буланкина // Великое княжество: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.

⁴⁸ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. М., 1915. С. 4

⁴⁹ Там же. С. 5—7.

⁵⁰ Спицын А. А. Археологические раскопки...

⁵¹ Городцов В. А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914.

⁵² Бойко А. Л. Из истории методики полевых исследований... С. 78—80.

⁵³ Спицын А. А. Археологические раскопки... С. 33, 34, 64.

⁵⁴ Городцов В. А. Руководство... С. 3.

⁵⁵ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843—1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С. П. Щавелева. Курск, 2007. С. 103.

- ⁵⁶ Самоквасов Д. Я. Раскопки древних могил... С. 19.
- ⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 115.
- ⁵⁸ Щавелев С. П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д. Я. Самоквасова. Курск, 1998. С. 77.
- ⁵⁹ Смирнов А. С. Представления об охране древностей в обществе и государственных институтах Российской империи // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 20: Эпоха металла Восточной Европы (история исследований, публикации). Воронеж, 2006. С. 67—73.
- ⁶⁰ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова. С. 236.
- ⁶¹ Самоквасов Д. Я. Древние города России... С. 110—112.
- ⁶² Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли... С. 163.
- ⁶³ Раскопки Северянских курганов в Чернигове...
- ⁶⁴ Там же. С. 5.
- ⁶⁵ Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию: учебное пособие. Кн. 1: Метаархеология. СПб., 2004. С. 229—301.
- ⁶⁶ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение... С. 185.
- ⁶⁷ Там же. С. 195, 199.
- ⁶⁸ Щавелев С. П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д. Я. Самоквасова... С. 28.
- ⁶⁹ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение для истории... С. 219, 223; *Он же*. Древние земляные насыпи и значение для...; *Он же*. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 203—204 и др. раб.
- ⁷⁰ Труды III АС в России...
- ⁷¹ Труды IV АС в России бывшего Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Т. I. Казань, 1884...
- ⁷² Самоквасов Д. Я. Историческое значение городищ... С. 231.
- ⁷³ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 193.
- ⁷⁴ Самоквасов Д. Я. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии // Из протоколов Антропологической выставки 1879 г. Отдельный оттиск. М., 1880. Т. III. С. 2.
- ⁷⁵ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли... С. 262.
- ⁷⁶ Самоквасов Д. Я. Инструкция для научного исследования курганов...
- ⁷⁷ Инструкции для описания городищ, курганов и пещер... С. LXIX—LXXII.
- ⁷⁸ Самоквасов Д. Я. Инструкция для научного исследования курганов...
- ⁷⁹ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение... С. 205.
- ⁸⁰ Словарь археологических терминов / Сост.: Ю. П. Матвеев. Воронеж, 2006. С. 15.
- ⁸¹ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение...
- ⁸² Там же. С. 189.
- ⁸³ Самоквасов Д. Я. Древние земляные насыпи и их значение для истории...
- ⁸⁴ Щавелев С. П. Этнографические материалы в научном наследии археолога Д. Я. Самоквасова // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., 1997. С. 164—165.
- ⁸⁵ Труды III АС в России... С. LXXXI—LXXXV.
- ⁸⁶ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли... С. 83—84
- ⁸⁷ Самоквасов Д. Я. Основания хронологического распределения этнографических материалов, открытых в могилах Южной и Центральной России // Труды Большого [VIII] Археологического съезда в Москве. 1890. Т. III. М., 1897. С. 50.

- ⁸⁸ Доклад о действиях ИАК за 1883 и 1884 гг. // Отчет ИАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891. С. XLV—LIII.
- ⁸⁹ Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей профессора Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892. С. 60—81.
- ⁹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 80
- ⁹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 65
- ⁹² Самоквасов Д. Я. Археологическое богатство Малороссии... С. 69, 75, 78—79, 81, 85, 87—88, 91.; *Он же*. Основания хронологической классификации и каталог...
- ⁹³ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1908 г. Д. 162. Л. 15
- ⁹⁴ Атлас Гочевских древностей. М., 1915; Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева...; Раскопки Северянских курганов в Чернигове...; Могильные древности Северянской Черниговщины...
- ⁹⁵ Могильные древности Северянской Черниговщины... С. 20.
- ⁹⁶ Там же. С. 37.
- ⁹⁷ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева... С. VII.
- ⁹⁸ Самоквасов Д. Я. О городищах и курганах в земле Северян...; *Он же*. Древние земляные насыпи и их значение для истории...; *Он же*. Об историческом значении городищ // Труды КГСК. Вып. IV. Курск, 1874. С. 177—203; *Он же*. Северянские курганы и их значение...; *Он же*. Историческое значение городищ... и др. раб.
- ⁹⁹ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 112.
- ¹⁰⁰ Самоквасов Д. Я. Историческое значение городищ... С. 231
- ¹⁰¹ Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М. 1868. С. 160.
- ¹⁰² Уваров А. С. О существенных и второстепенных признаках народности могильных насыпей // Древности. Труды ИМАО. Т. III. Вып. 3. М., 1873. С. 268.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 265, 267.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 269—286.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 276.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 280—285.
- ¹⁰⁸ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872. С. 22.
- ¹⁰⁹ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение...; *Он же*. Древние земляные насыпи и их значение для истории...
- ¹¹⁰ Самоквасов Д. Я. Результаты исследования Черниговских курганов с кострищами // Древности. Труды ИМАО. Т. IV. Вып. 2. М., 1874. С. 78—79.
- ¹¹¹ Самоквасов Д. Я. Северянские курганы и их значение... С. 194.
- ¹¹² Там же. С. 205.
- ¹¹³ Там же. С. 207—214.
- ¹¹⁴ Клейн Л. С. Археологические источники. Учебное пособие... С. 74.
- ¹¹⁵ Самоквасов Д. Я. История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 248—249.
- ¹¹⁶ Там же. Ссылки, примечания и дополнения. С. 68.
- ¹¹⁷ Там же. С. 207—208.
- ¹¹⁸ Самоквасов Д. Я. О городищах и курганах в земле Северян и их значении в истории... С. 9.
- ¹¹⁹ Ковалевский М. М. Еще раз о г. Самоквасове и его методологических приемах // Критическое Обозрение. № 8. 1879. С. 15—24.

- ¹²⁰ *Самоквасов Д. Я.* Новейшие приемы научной критики. По поводу статей гг. Дитятина и Ковалевского в № 8 Критического обозрения за 1879 год // ЖМНП. Ч. 208. 1880. № 3. Отдел. 2. С. 160—171.
- ¹²¹ Там же. С. 6.
- ¹²² *Самоквасов Д. Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии... С. 12.
- ¹²³ РА ИИМК. Ф.1. 1889 г. Оп. 55. Л. 41—45 об.
- ¹²⁴ *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. VIII.
- ¹²⁵ Древности. Труды ИМАО. Т. IX. Вып. 1. М., 1881. С. 10
- ¹²⁶ *Самоквасов Д. Я.* Северянские курганы и их значение в истории... С. 214.
- ¹²⁷ *Антонович В.Б.* О типах погребений в курганах Киевской губернии // Труды VIII АС в Москве. 1890. Т. III. М., 1897. С. 68—69.
- ¹²⁸ *Самоквасов Д. Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии... С. 13.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ *Самоквасов Д. Я.* Археологическое богатство Малороссии... С. 91.
- ¹³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 351. Л. 70.
- ¹³² Могильные древности Северянской Черниговщины... С. 74
- ¹³³ ОПИ ГИМ Ф.17. Оп.1. Д.630. Л. 189.
- ¹³⁴ Перечень археологических исследований Д. Я. Самоквасова, составленный им самим между 1910 и 1911 гг. / Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843—1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С. П. Щавелева. Курск, 2007. С. 486.
- ¹³⁵ РА ИИМК. Ф.1. Оп. 1882 г. Д. 20. Л. 79.
- ¹³⁶ Отчет Д. Я. Самоквасова о раскопках на р. Конке // РА ИИМК. Ф.1. Оп. 1882 г. Д. 20. Л. 81.
- ¹³⁷ Там же. С. 79—81 об.
- ¹³⁸ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 56.
- ¹³⁹ Там же. С. 136.
- ¹⁴⁰ *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб., 1994. С. 6—7, 14—15.
- ¹⁴¹ *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологической классификации, описание и каталог... С. XXVI—XXVII.
- ¹⁴² *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологического распределения... С. 46—53.
- ¹⁴³ *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. 1899. VIII.
- ¹⁴⁴ *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. № 15. СПб., 1905; *Он же.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Там же; *Он же.* Отчет о раскопках Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича близ д. Овсиновки Витебской губ. // Там же; *Он же.* Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. Т. VIII. Вып. 1. СПб., 1906; *Он же.* Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. В. Н. Глазовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1907.
- ¹⁴⁵ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 43.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 140—141.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 149.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 166.
- ¹⁴⁹ Труды XII АС в Харькове. 1902 г. Т. III. М., 1905. С. 332.

- ¹⁵⁰ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 231—237.
- ¹⁵¹ Могильные древности Северянской Черниговщины... С. 74.
- ¹⁵² Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева... С. 7—8.
- ¹⁵³ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 253—254.
- ¹⁵⁴ *Клейн Л. С.* Археологическая типология. Л., 1991. С. 37—40.
- ¹⁵⁵ *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI АС в Киеве. Т. I. М., 1901; *Спицын А. А.* Расселение древне-русских племен по археологическим данным...
- ¹⁵⁶ Труды XII АС в Харькове... С. 330—331.
- ¹⁵⁷ *Цыбин М.В.* В. А. Городцов и проблемы историко-археологического изучения юго-востока Древней Руси // Исторические записки. Воронеж, 1999. Вып. 4. С. 204—215.
- ¹⁵⁸ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 1.
- ¹⁵⁹ Могильные древности Северянской Черниговщины... С. 10—11.
- ¹⁶⁰ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 189.
- ¹⁶¹ *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне... С. 24.
- ¹⁶² *Самоквасов Д. Я.* Археологические карты В. Б. Антоновича. Киев, 1906. С. 7—8.
- ¹⁶³ *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне... С. 43—44.
- ¹⁶⁴ Методологические проблемы истории / Под общ. ред. В. Н. Сидорцова. Мн., 2006. С. 221.
- ¹⁶⁵ Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 6.
- ¹⁶⁶ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 336.
- ¹⁶⁷ Могильные древности Северянской Черниговщины... С. 10.

ГЛАВА 5. ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ОСВЕЩЕНИИ Д. Я. САМОКВАСОВА

Исходя из своих теоретико-методологических позиций, Д. Я. Самоквасов одним из первых в отечественной историографии приступил к широкому привлечению данных археологии для изучения не только ранних периодов русской истории, но и истории права. Во второй главе уже отмечалось более широкое толкование предмета этой дисциплины ее энциклопедический характер. История права рассматривалась в системе развития русского государства, членимая ученым на несколько периодов. В конце 70-х гг. их было два: 1) «образование государства» и 2) «его историческое развитие». Каждый из них делился на два «отделения». Первый — с древнейших времен до призвания Рюрика и от Рюрика до Ивана III, второй — от Ивана III до реформ Петра I и от реформ Петра I до современного Д. Я. Самоквасову времени¹. К концу 1880-х гг. «отделения» превратились в эпохи: «эпоха племенных государств», «эпоха удельных государств», «эпоха московского царства» и «эпоха российской империи»².

Самостоятельное значение данные археологии имели для изучения первого из обозначенных периодов. При исследовании последующих «эпох» ученый вполне обходился другими видами источников. В рамках этого «древнейшего периода», помимо вопросов правоведческих, анализ которых не входит в задачи нашей работы, ставилось несколько «общих», «исходных» исторических проблем. Их решение считалось необходимым условием изучения истории права. «Пока основные вопросы славянорусской истории не решены наукою положительно, до тех пор научная разработка древнейшего периода истории русского права, по нашему мнению, невозможна» — писал Д. Я. Самоквасов³. Такими проблемами он называл этногенез «русских Славян»⁴ и изучение «начал» их «политического существования» («быта») ⁵. Последняя из названных сводилась к вопросам происхождения и эволюции древнерусского города и государства.

5.1. Д. Я. Самоквасов об этногенезе славян и формировании восточнославянской общности

Проблема происхождения славян — одна из наиболее сложных проблем современного славяноведения. Многие поколения ученых прилагали и прилагают усилия для ее разрешения. За долгую историю ее исследования накопилось огромное количество разнообразных гипотез и теорий. В последние десятилетия наблюдается их постоянное увеличение, и связано это, прежде всего, с использованием данных различных наук. Среди первых отечественных ученых, обратившихся к междисциплинарному источниковедению, был и Д. Я. Самоквасов⁶.

Первые попытки привлечения археологического материала для решения проблемы происхождения славян В. В. Седов относил к последним десятилетиям XIX века⁷. Однако уже фон Антон в сочинении «Первые линии опыта о происхождении, нравах, обычаях, мнениях и знаниях древних славян» (в 2 томах. 1783—1789) высказывал гипотезу, что лужицкие славяне потомки так называемой «лужицкой культуры», и поме-

шал прародину славян — севернее Карпат⁸. «Вещественные памятники древних европейских народов, находящиеся на поверхности земли или во внутренности ее...» в числе прочих источников перечислял и П. И. Шафарик⁹.

Выступил «со своей собственной теорией происхождения славян»¹⁰ и Д. Я. Самоквасов. По нашему мнению, отправной точкой в этом вопросе следует считать исследование курганов на р. Россаве в 1877 г.¹¹. До этого ученый специально этим вопросом не занимался, придерживаясь достаточно распространенной точки зрения, основанной на сообщениях летописи, о расселении славянских племен на территории России в VI—VII вв. н. э.¹².

Во время раскопок были сделаны важные наблюдения, позволившие ему написать: «Счастливая раскопка в Каневском уезде дает надежду решить вопрос, стоящий на очереди о стародавности Славян в Преднепровье... Ныне сличение несомненно славянских могил, открытых в Чернигове, со своеобразным способом трупосожжения, относящейся к последней эпохе язычества, с могилами нижних слоев россавских курганов, с подобным же характерным обрядом трупосожжения, но относящихся к глубочайшей древности, дает нам право надеяться с продолжением исследований утвердить мнение о стародавнем пребывании Славян в Приднепровье на положительных, бесспорных доказательствах...»¹³. Однако, как показано во второй главе, раскопки следующего, 1878 года, больше таких погребений не выявили. Видимо, и поэтому в его первых работах археологические источники и не играли ведущей роли при аргументации. Тем не менее, полевые исследования, а также первые попытки распределения могильных древностей по историческим эпохам, подтолкнули Д. Я. Самоквасова к разработке проблемы происхождения славян. Вполне осознавал ученый и перспективность привлечения погребальных и поселенческих материалов, уже в середине 80-х гг. призывая: «Немедленно, в широких размерах, людьми сведущими в истории должна быть предпринята научная разработка вещественных памятников, оставленных нашими предками в центральных областях Европы, потому что в них начало, воскресенье и богатство нашей истории»¹⁴.

Ко времени выхода работ Д. Я. Самоквасов был сделан ряд важнейших открытий, оказавших существенное влияние на решение проблемы этногенеза славян. Прежде всего, речь идет об успехах сравнительного языкознания. Немецким лингвистом Ф. Боппом была доказана принадлежность славянского языка к индоевропейской языковой семье. После его работ А. Шлейхер, М. Мюллер, Э. Лотнер и др. пытались уже установить степень родства между языками этой семьи и выявить последовательность их отделения. В среде отечественных историков по-прежнему господствовало восходящее к сообщению Начальной летописи представление о Дунайской прародине славян. Как правило, их считали автохтонным населением, пришедшим вместе с другими индоевропейцами из Азии¹⁵. Кроме того, к разработке вопросов, связанных с происхождением славян, подключаются антропологи. Ведущим отечественным специалистом этого времени являлся А. П. Богданов. Именно ему и писал Д. Я. Самоквасов уже в конце 1880 г.: «В настоящее время я готовлю к печати работу, в которой доказываю, что господствующая в исторической литературе настоящего времени теория монгольского происхождения скифов... не имеет за себя никаких фактических

оснований в древней европейской истории, а напротив, множество фактов, встреченных мной в древней истории, географии и этнографии, начиная с Гомера и Гезиода, и оканчивая писателями XI столетия, доказывают ближайшее родство скифов с древними ирано-арийскими народами, с одной стороны, и новыми германо-славяно-литовскими народами, с другой. К тому же заключению меня привело обозрение новейших выводов сравнительной лингвистики. Теперь я очень рад, что антропология, со своей стороны, не только не противоречит индоевропейскому происхождению скифов, но готова подтвердить его формами скифского лица и черепа...»¹⁶.

Работой, о которой шла речь в письме, стал доклад «Генетическое, этнографическое сродство Скифов и Славян», прочитанный в 1881 г. на V АС в Тифлисе¹⁷. На следующем, VI АС в Одессе, темой исследования стали клады римских динариев¹⁸, анализ которых стал одним из важнейших доказательств его теории. Оба реферата легли в основу обобщающей работы «Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян»¹⁹, а уже как ее части были опубликованы в трудах указанных съездов, что подтверждает переписка Д. Я. Самоквасова с графиней П. С. Уваровой²⁰.

В этногенезе восточных славян Д. Я. Самоквасов выделял два этапа: образование общей славянской народности и ее распад на славян южных, западных и восточных.

Общим индоевропейским предком славян, германцев и балтов он считал скифов, пришедших с территории Ирана. В качестве доказательства этого положения были привлечены выводы историков, лингвистов и антропологов. Д. Я. Самоквасов достаточно подробно анализировал схемы членения индоевропейского языка, предложенные Шлейхером, Шмидтом, Цейсом и др., согласно которым, существовала германо-балто-славянская общность. Также им были использованы аргументы В. В. Григорьева, изложенные в работе «О скифском народе Саках», и данные К. М. Бэра и А. П. Богданова по краниологии скифов. Основным источником стали сообщения Геродота и других античных авторов²¹.

В результате изображалась индоевропейская народность, занимающая огромную территорию между Уральскими горами, Каспийским и Черным морем, Северным Кавказом, Рейном, Балтийским морем и пустынями Азии, в рамках которой, по мнению Д. Я. Самоквасова, и происходил процесс образования новых этносов — постепенное появление этнографических признаков, отличающих один народ от другого²². Ключевыми факторами этногенеза, обуславливающими специфику в образе жизни, нравах, обычаях, религии и языке, у него выступали особенности географических и этнографических влияний, отсутствие между племенами различных областей политического единства. Так, по Д. Я. Самоквасову, гористая местность способствовала сохранению «вольной, разбойничьей жизни», степь — кочевому хозяйству, а равнины, орошаемые реками, благоприятствовали развитию земледелия. Из внешних влияний отмечались греческое, оказавшее воздействие на юго-восточные племена, римское, распространявшееся на юго-западе, кельтское — на западе и финское — на востоке. В соответствии с подобными представлениями, первыми должны были обособиться в отдельный «этнографический тип» племена наиболее удаленные от центра этой общности, помещаемого ученым в границах «бывшей державы Киммерийцев». К доисторическим временам относилось отделение германцев, а затем балтов

и сарматов. Предки славян локализовались Д. Я. Самоквасовым в самом центре «Европейской Скифии», что объясняло более позднее оформление этого этноса и сохранение у него значительного количества общих этнографических черт со скифами времени Геродота²³.

Надо отметить, что в этих подходах ученого хорошо прослеживается стремление к механическому переносу биологических закономерностей на общественное развитие.

Пытаясь доказать генетическую связь славян и скифов, большую роль ученый отводил фактам употребления древними и средневековыми источниками этнонима «скифы» в отношении славян или территории, занимаемой ими в тот или иной период, а также общим этнографическим чертам в религии, быте, обычаях и погребальном обряде.

В религии: 1) поклонение явлениям природы; 2) жертвоприношения; 3) отсутствие храмов, жертвенников и кумиров, за исключением кумира бога войны; 4) отсутствие класса жрецов, функции которых осуществляли цари или князья; 5) наличие многочисленного «класса гадателей»; 6) сходство способа «опрокидывания и улавливания животных» использовавшегося крестьянами Малороссии и способа приношения жертвы у скифов.

В обычаях: 1) казнь всей семьи «разбойника»; 2) присутствии института судебного поединка; 3) скрепление договоров кровью.

В погребальном обряде: 1) захоронение вместе с покойником сопровождающих лиц (жены, раба и т. д.); 2) ритуальное нанесение увечий после смерти своего правителя; 3) поминание покойника через год; 4) вера в душу, непокидающую землю в течение сорока дней;

В быту: 1) существование бань; 2) сходство в одежде; 3) общий антропологический тип; 3) одинаковые типы посуды²⁴.

В этой части сочинения ученого практически отсутствует археологическая аргументация, даже сходство в погребальном обряде обосновывалось сопоставлением описаний Геродота с сообщениями летописи и арабских источников. Из археологических находок для доказательства антропологического сходства были привлечены только сосуды с изображениями скифов из Чертомлыка и Куль-Обы, а также типы посуды, открытые в скифских могилах И. Е. Забелиным, но вслед за которым, они сравнивались не с вещами из курганов и поселений славян, а с предметами, бытовавшими еще в XIX в.²⁵.

Вторая часть монографии Д. Я. Самоквасова была посвящена происхождению восточных славян. Отправной точкой в этом вопросе, как и для многих историков того периода, стало летописное сообщение о расселении славян, которое рассматривалась не как легенда, а как историческое свидетельство. Поскольку летописец прародиной восточных славян считал Дунай, то и их предков искали среди народов, упоминаемых у древних авторов. Наиболее подходящими на эту роль оказались гето-дакийцы.

Генетическая связь последних со скифами объяснялась следующими историческими событиями: пришедшие из-за Дона сарматские племена, покорив скифов, во II в. до н. э. под именем роксолан, буров, бастарнов и язигов передвигаются в обла-

сти между Днестром и Дунаем и, смешавшись здесь с местными племенами, образуют мощное государство во главе с гетами. В рамках гето-дакийского государства, по мнению ученого, и образовался народ — предок южных, западных и восточных славян. Войной гетов с римлянами, сопоставляемыми с летописными «волохами», и обращением гетского царства в римскую провинцию Дакию объяснялся географический и политический распад праславянской общности, также отраженный в летописи²⁶.

Главным доказательством историчности расселения славянских племен из дунайской прародины стали клады римского серебра. Д. Я. Самоквасов не был первым, кто попытался дать объяснение этому явлению, но первым связал его с этногенезом славян. Упоминание о находках римских монет в Средней и Восточной Европе встречаются в исторических сочинениях XVIII — первой половины XIX в. немецкий историк начала XVIII века Либкнехт писал, что «монеты римских цезарей были потеряны в славянских землях позднейшими пришельцами». Различные мнения по этому вопросу были высказаны Т. Байером, Т. Чацким, Ф. Крузе, Гильдештедтом, И. Крашевским, И. Лельвелем, И. Фундуклеем, К. Вибергом и другими историками и нумизматами. В 1876 г. в Кракове вышла в свет работа польского историка И. Садовского. Исследователь нарисовал широкую картину развития торговых связей в первые века I тысячелетия н. э., привлекая не только письменные свидетельства, но и археологические и нумизматические находки. Направления торговых путей он прослеживал по местам сосредоточения привозных вещей и монет, придавая решающее значение торговле с «янтарным» с Балтийским побережьем²⁷.

Самоквасов же, сопоставив исторические данные и археологический материал, относящийся к кладам римских монет, делал следующие выводы:

1. Клады, открытые в землях расселения восточнославянских и польских племен, содержат только монеты римских императоров I, II и III вв. н. э., следовательно, эти клады неторгового происхождения, т. к. в денежных кладах торгового происхождения встречаются монеты различных государств.

2. Наибольшее количество кладов встречается в центральных областях Европы. Открытые здесь клады содержат сотни и тысячи экземпляров, в отличие от соседних регионов, где римские монеты или не встречаются совсем, или встречаются только единичными экземплярами. Отсутствие кладов на балтийском побережье опровергает теорию появления римских монет у варваров в результате торговли янтарем.

3. Теснимые волохами славяне вынесли свое имущество в виде легко уносимого металла, что и объясняет большое количество кладов монет, а большое количество серебряных предметов в славянских могилах является следствием утилизации части этого денежного имущества.

4. Римские монеты со времени Септимия Севера до времени падения Западной Римской империи встречаются очень редко и только отдельными экземплярами. Этот факт говорит о прекращении выселения предков славян из дунайских областей в эпоху Септимия Севера.

5. Монеты до императора Трояна встречаются в кладах редкими экземплярами, а монеты со времени Трояна до Септимия Севера сотнями и тысячами. Следовательно, начало выселения славян относится ко времени правления императора Трояна²⁸.

Полученные выводы позволили ученому утверждать, что «начало русской истории положительно обозначено на монетах римских императоров, оставленных первоначальными славянскими колонистами, русскими и поляками, на побережьях Вислы, Днестра, Припети, Десны, Сейма, Сожи и Оки. Русский историк имеет полную возможность следить историю его предков со II века по X век, включительно, на основании богатых материалов, сохранившихся в древнеславянских кладбищах и селитьбах (городищах), отличить которые теперь легко при посредстве римских монет и других римских изделий»²⁹.

Отмеченные закономерности в распространении и составе кладов римского серебра и другие источники Самоквасов использовал и для доказательства более тесного единства «русских» и поляков, существования общего предка и истории. В таких взглядах можно заметить отголоски государственной политики, направленной на доказательство исконно русской принадлежности северо-Западного края³⁰. Прослеживается это уже в названии его реферата «О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов», опубликованного в трудах VIII АС в Москве³¹. В этой работе его теория, не претерпев изменений, получила лишь дополнительную аргументацию в виде новых находок кладов и отдельных монет.

Более серьезное значение для развития его подходов имело четкое распределение погребений по эпохам, позволившее связать погребения «скифской эпохи» с первым этапом этногенеза славян, а могилы «сарматской эпохи» со вторым. Для первой эпохи считались характерными подкурганное захоронения с ингумациями со следами влияния греческой культуры, а для второй — курганы и грунтовые могилы (поля погребений) с кремациями и предметами римской цивилизации. Могильник с трупосождением, открытый в Александровском уезде Екатеринославской губернии у с. Новогеоргиевка, датировался гуннским временем и помещался сразу и в сарматскую, и в славянскую эпохи³². Представляется, что эти наблюдения стали одной из причин переосмысления отдельных положений его взглядов на происхождение и ранние периоды исторического развития восточных славян, фиксируемого уже в работах начала XX века.

Отстаиваемая Д. Я. Самоквасовым в 80-е гг. теория происхождения восточных славян, стала заметным явлением в исторической науке того времени и имела как своих сторонников, как правило, среди патриотично настроенной части научной общности, так и противников.

После выхода его книги «Происхождение Славян. Происхождение русских Славян» многие корреспонденты, откликаясь на его просьбу, изложенную в этом издании, сообщали ему о новых находках римских динариев, клады которых являлись одним из главных аргументов ученого. Некоторые, как польский археолог А. Киркор, отмечали: «Что касается до Вашей теории, я вполне с Вами согласен и придаю высокое значение находкам римских монет»³³.

Известный деятель народного образования второй половины XIX в. Н. П. Авенариус, увлекавшийся археологией, так писал Д. Я. Самоквасову: «Четверо суток напролет пожирал я Вашу «Историю русского права», а некоторые главы прочел по два

раза. Книга эта в высшей степени интересна и неминуемо произведет сильный переворот в науке...»³⁴.

А. С. Уваров, выступая на прениях по поводу доклада ученого «Генетическое, этнографическое сродство Скифов и Славян», хотя и обратил внимание на использование референтом «нового этнографического приема» для решения обозначенной проблемы, но основные выводы исследователя поставил под сомнение. По его представлению, сопоставляя этнографические черты погребального обряда скифов и славян, Д. Я. Самоквасов осветил лишь одну сторону этого вопроса, не обратив внимания на другую «существенную и составляющую главную суть» обряда. Граф имел в виду тот факт, что в гробницах царских скифов И. Е. Забелиным открыты труположения, в то время, как славяне своих покойников сжигали.

С этим замечанием не согласился Д. И. Иловайский, считавший недоказанным, что все славяне погребали только трупосожжением, ставя способ захоронения в зависимость от природных условий. Однако вопрос о родстве скифов и славян он также считал нерешенным окончательно. К прочным завоеваниям науки он отнес лишь, то положение, что скифы были арийцами. Кроме того, оппонент обратил внимание на использование источников более поздней эпохи, когда термин скифы имел уже в большей степени смысл географический, чем этнический. К подобному выводу пришел и Д. А. Хвольсон, считавший, что имя «скифы» было коллективное имя всех неизвестных грекам северных народов, исчезнувшее во II и III вв. после распада скифской народности на более мелкие подразделения, среди которых были и славяне³⁵.

На второй выпуск «Истории русского права» Д. Я. Самоквасова был опубликован ряд рецензий в периодических изданиях, но наиболее острые споры разгорелись на VIII Археологическом съезде в Москве после его доклада «О происхождении русских и польских Славян и о причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов»³⁶.

В обсуждении этой проблемы принимали участие многие видные ученые того времени. А. А. Кочубинский, поддерживая Д. Я. Самоквасова в вопросе о существовании славян в римское время на нижнем Дунае, предлагал более осторожно относиться к «признанию непогрешимости его решения» и обратиться к более точным данным языка. В качестве дополнительного доказательства доклада он приводил основание Трояном колонии «Чернензис», толкуя это название как славянское, и слово «жупан», написанное на золотой чаше, из клада найденного на р. Мароша.

Соглашался с теорией Д. Я. Самоквасова теперь и Д. И. Иловайский, но славян видел не в гето-дакийцах, а в сарматах³⁷.

Известный лингвист А. И. Соболевский подвергал сомнению, лингвистические доказательства родства славян со скифами и гето-дакийцами. Сравнивая славянский (до-славянский или летто-славянский) и скифский языки он приходил к выводу, что скифы не были предками славян. Более вероятных их потомков ученый предлагал искать в иранской языковой семье. Рассматривая же гетские слова, приведенные Диоскоридом, и некоторые собственные имена, он соглашался с учеными, видевшими в гето-дакийцах родственников албанцев. Не поддерживал он и интерпретации Д. Я. Самоквасовым кладов римских монет как сокровищ, на которые обменяли свое

имущество гето-дакийцы, бежавшие от римского владычества. «Какое «громоздкое и тяжелое имущество», спрашивал он, могли продать уходившие с родины славяне, за что они могли получить так много денег, что из них сохранились в разных местах Польши и юго-западной России большие клады?»³⁸. Упомянувшегося в «Слове о полку Игореве» Траяна он считал мифическим, не имеющим ничего общего с историческим персонажем, а сообщение летописи о расселении славян заимствованным из «греческих» источников³⁹.

Интересны отзывы на эту теорию В. Б. Антоновича, с которым у Д. Я. Самоквасова установились тесные научные связи после совместных показательных раскопок и подготовки инструкции во время III Археологического съезда. Получив «Происхождение Славян...», В. Б. Антонович ответил: «Относительно же других кладов... я совершенно согласен с Вашим мнением. Мне не случалось ни видеть, ни слышать про монеты, найденные в нашем крае, которые были бы раньше Нервы и позже Септимия Севера — эту особенность я объясняю себе временем римского господства в Траяновой, т. е. Прикарпатской Дакии»⁴⁰. Однако, проводя аналогии с кладами арабских дирхемов, В. Б. Антонович считал, что клады римских монет указывают не на время и маршрут колонизации славянских земель, а на торговые пути⁴¹.

Одним из самых непримиримых оппонентов Д. Я. Самоквасова был Д. Н. Анучин. В «Вестнике Европы» и «Русских Ведомостях» были опубликованы его рецензии на теорию Д. Я. Самоквасова происхождения славян, вышедшие позднее отдельной брошюрой под названием «Кто вводит в науку большие недоразумения? Вопрос и ответ г-ну профессору Д. Я. Самоквасову»⁴². Помимо этого, Дмитрий Николаевич достаточно критично высказывался о рефератах Самоквасова, прочитанных на археологических съездах.

Он отстаивал теорию торгового происхождения кладов римских монет. Появление римского серебра ученый объяснял еще и «...удачными набегами, возвращением на родину служивших или торговавших в пределах Империи Германцев и Славян и т. д.»⁴³. Еще одним доказательством, выдвигаемым против теории Д. Я. Самоквасова, было изображение скифов с лошадьми, в то время как «славяне народ совершенно не конный»⁴⁴.

В исследованиях историков также имели место отзывы на точку зрения Д. Я. Самоквасова. Высокую оценку первый и второй выпуски «Истории Русского права» получили в фундаментальном труде М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим источникам и научным сочинениям»⁴⁵. Автор, поместив Д. Я. Самоквасова в один ряд с такими учеными как Забелин и Иловайский, называет его среди тех, кто «...раскрывает наши древнейшие времена... на основании исторических и археологических данных», при этом «...подрывает научность Шлёцера...» и «...удаляется от западничества и отрицательного отношения к нашему прошедшему...»⁴⁶. Отметим, что Д. Я. Самоквасов и сам подчеркивал, что сочинения И. Е. Забелина были «источником для его выводов»⁴⁷. Известному историку-юристу Н. П. Загоскину мысль Д. Я. Самоквасова о генетическом родстве славян со скифами представлялась «весьма вероятностной», но оставалась на уровне «более или менее удачной и остроумной гипотезы»⁴⁸. В. О. Ключевский же называл подобные

изыскания «упражнениями в критическом остроумии или попыткой решить уравнение с тремя неизвестными»⁴⁹. Весьма скептически к историческим построениям Д. Я. Самоквасова относился А. А. Кизветтер, о чем свидетельствует само название его статьи: «Историк-юморист (заметка по поводу последних произведений г. Самоквасова)»⁵⁰. Л. Нидерле, помещавший прародину славян севернее Карпат между Вислой или Эльбой (в зависимости от этнической принадлежности лужицкой культуры) средним Днепром, Березиной и Десной, писал, что Д. Я. Самоквасов неправ, придерживаясь гипотезы о дунайской прародине славян, «совершенно неправ» полагая, «что русские славяне вышли со своей прародины лишь в римский период» и у него «совершенно неправильная теория», что клады римского серебра являются следами не римской торговли, а движения славян на север от Дуная⁵¹.

Не подтверждаются взгляды Д. Я. Самоквасова и современной наукой. Его интерпретация кладов римских динариев подверглась критике и участиями дискуссии о причинах появления римского серебра в Восточной Европе, разгоревшейся в 1950—60-х гг.⁵². Наличием развитой внешней и внутренней торговли объяснял появление кладов М. Ю. Брайчевский, считавший «совершенно неверной» точку зрения Д. Я. Самоквасова⁵³. В. В. Кропоткин же, отмечая важность введения в научный оборот ценных сведений о находках этого типа памятников, разобрал и исторические объяснения, предлагаемые этим автором. Он считал, что Д. Я. Самоквасов исходил из ряда ошибочных посылок: «во-первых, отождествлял славян с гето-дакийскими племенами; во-вторых, не учитывал территорию распространения и хронологию зарытия кладов римских монет в Восточной Европе»⁵⁴. Последнее замечание он аргументировал тем, что 1) клады были зарыты значительно позже римского завоевания Дакии, поскольку самыми поздними монетами являются денарии конца II в. н. э.; 2) за пределами империи клады распространены не только на славянских землях, но и на других территориях; 3) Д. Я. Самоквасов не принимал во внимание многочисленные находки изделий греческого и римского производства в Центральной и Восточной Европе⁵⁵.

Надо сказать, что в современной отечественной науке не пользуется популярностью и доказываемая Д. Я. Самоквасовым версия о дунайской прародине восточных славян. Большинство исследователей располагают ее либо в междуречье Вислы и Одера, либо в Поднепровье, либо на территории от Одера-Вислы до Днепра⁵⁶. Теория дунайской прародины получила развитие лишь в некоторых работах, например, В. Я. Петрухина⁵⁷ и О. Н. Трубачева⁵⁸. Показателен отзыв М. Б. Щукина на лингвистические наблюдения последнего: «О достоверности их — судить лингвистам, но с точки зрения археолога, историка материальной культуры, этот путь очень малопродуктивен»⁵⁹.

Дальнейшее развитие взгляды Д. Я. Самоквасова получили в работах начала XX в. Модифицированный вариант его теории этногенеза восточных славян излагался в специальной брошюре «Происхождение Русского народа» (1908 г.), а вопросы происхождения северян освещались в монографии «Северянская земля и Северяне по городищам и могилам» (1908 г.). Однако наиболее подробно ее археологическая аргументация изложена в его фундаментальном исследовании «Могила Русской земли».

Опыт дифференциации по «народностям» всех исследованных им археологических памятников, представленный в этой работе, распределение памятников значительной территории на типы, соотнесение их с конкретным этносом, в отдельных случаях с племенем, резко увеличивало количество источников по ранним периодам истории славян. Акцент на этнический аспект, при наложении на эволюционистские воззрения Д. Я. Самоквасова, привел к формированию автохтонной теории славянского этногенеза.

Появление праславянских, «скито-сколотских», племен в Причерноморских степях ученый относил к первой трети VII в. до н. э. Покорив живших здесь киммерийцев, они устремились в Переднюю Азию, где господствовали в течение двадцати восьми лет⁶⁰. Рассматривая дальнейшую судьбу киммерян, ученый предлагал три варианта исторического развития завоеванного народа: «1) часть населения подвергалась избиению, а его земли обращались в непосредственное владение завоевателей; 2) часть населения бежала из своей родины и искала нового отечества в земле, удаленной от завоевателя, и там, в географической и политической разобщенности от своей прародины продолжала самостоятельное развитие своей культуры, верований, права, языка, образуя с течением времени новый этнографический тип, новый народ; 3) часть населения обезоруживается и остается в своей родине, признав над собой главенство народа — победителя, или вступает с ним в неразрывный политический союз, скрепленный религиозными клятвами и заложниками»⁶¹. Согласно данным положениям строились его этногенетические построения, в которых различного рода завоеваниям отводилась важная роль. Так, покоренные киммерийские племена, по мнению исследователя, частью бежали в Азию, частью — в Западную Европу («кимбры» Тацита), а большей частью были вытеснены в области среднего и верхнего течения Кубани, Подкумка, Терека и на территорию Харьковской, Воронежской, Курской и др. губерний. Там они продолжили свое развитие, оставив значительное количество погребений, совершенных по старому погребальному обряду, захоронения с окрашенными и скорченными костяками, но с новыми типами сопровождающего инвентаря, которые Д. Я. Самоквасов выделял в особую группу могил «скифо-сарматской эпохи»⁶².

Вернувшиеся же из Азии скифы в середине VII в. до н. э. создают царство, просуществовавшее более 250 лет. Ученый писал: «Сколоты принесли из Ассирийского царства не только новую железную культуру и материальное богатство, но также новые государственные понятия, религиозные учреждения, и погребальные обряды»⁶³. Здесь проявила себя характерная для эволюционистов биологизация общественных структур⁶⁴. У Д. Я. Самоквасова общество стадии своего развития проходит как единый организм, изменяясь во всех составляющих.

Рассмотрев сообщения Геродота, исследователь определял границы и политическое устройство этого государства. По его мнению, туда входили все кочевые и оседлые народы, занимающие междуречье Дона и Дуная. С юга это «царство» омывалось Черным и Азовскими морями, северные же границы Д. Я. Самоквасов, ссылаясь на «Карту Геродотовой Скифии» профессора Бруна, не проводил далее Днепровских порогов⁶⁵. В Левобережье Днепра пограничными стали южные уезды Курской и Черни-

говской губерний. Подтверждало это расположение и локализация кладбища скифских царей Героса в Посулье. Основанием для этого стало сравнение погребального обряда, описываемого Геродотом, и обряда открытого в «Старшей Могиле» в кургане № 2 у с. Аксютинцы в Посулье⁶⁶. В 60-х гг. XX в. В. А. Ильинская обосновала выдвинутую Д. Я. Самоквасовым гипотезу, правда, не исключала и другую возможность, считая курганы Посулья воинскими дружинными некрополями земледельческо-скотоводческого населения⁶⁷.

Д. Я. Самоквасов высказывал суждение, что все эти племена имели общие религиозные представления, говорили на одном языке и подчинялись верховному правителю племени Царских скифов⁶⁸. Он приводил целый ряд доводов в пользу праславянства скифов, на которых подробно останавливались выше. Интересно, что, говоря о сходстве погребального обряда скифов и славян, ученый привлекал только данные письменных источников. В то же время, аргументируя свою точку зрения на языковую принадлежность скифов, которой посвящал и специальные работы⁶⁹, он опирался на археологические свидетельства. Рассмотрев взгляды академиков Куно и Мюлленгофа (первый выступал за славянство, а второй — за иранство скифского языка), Самоквасов пытался примирить оба мнения. Он писал: «По археологическим фактам, указанным в издании «Могилы Русской земли», между учениями А. Куна и Ш. Мюлленгофа нет противоречия: язык Сколотов-праславян должен был заключать в себе много иранского, соответственно сродству сколотских верований, погребальных обрядов и множеству бытовых изделий вынесенных Сколотами из областей Ирана в VII в. до Р.Х.»⁷⁰. Несомненно, в своих этногенетических построениях исследователь не мог игнорировать достижения сравнительного языкознания. Так, к этому времени уже были известны работы В. Ф. Миллера, на основе анализа варварских имен скифов, убедительно доказавшего иранское происхождение их языка⁷¹.

Представляется, что весьма вольное обращение с данными языкознания, характерное для Д. Я. Самоквасова, было связано с их подчиненным положением по отношению к сообщениям письменных источников и археологическим фактам.

Распаду праславянского единства, по мнению Д. Я. Самоквасова, предшествовали следующие исторические события. В 339 г. до н. э. войска Филиппа Македонского, воспользовавшись междоусобицей, разбивают войска царя державы Парлатов Атея. Следствием этого стало завоевание части скифской территории жившими до этого в междуречье Дона и Волги сарматами и образование между Волгой, Днестром и Северным Кавказом сарматского государства. В то же время союзник Филиппа Македонского царь «Истрийский» в Подунавье создает государство под главенством племени гетов. Царство гетов, пережившее поход Александра Македонского и поход Лизимаха, с которым был заключен союз, достигло своего наивысшего могущества в правление царя Бурибисты, прекратив свое существование после столетнего противостояния с римлянами, превратившись при императоре Трояне в римскую провинцию Дакию⁷². Уже отмечалось, что данному историческому факту Д. Я. Самоквасов придавал большое значение в своей теории происхождения славян. Однако, если в работах 80—90-х гг. акцент был сделан на роли гето-дакийцев-праславян, в результате переселенческой политики римской администрации распавшихся на славян южных, западных

и восточных, то в работах начала XX вв. стало больше внимания уделяться месту населения восточного, сарматского царства в славянском этногенезе.

Восточное царство представлялось им союзом «скиито-сарматских» племен во главе с царями Босфора Киммерийского, погребениями которых он считал курганы сгруппированные в окрестностях Пантикапеи (Царский, Золотой, Куль-Обский и др.). Локализовал Д. Я. Самоквасов и могильник правителей западного царства. Он помещался им ниже Днепровских порогов, в пределах Екатеринославской и частью Херсонской губерний, и связывался с курганами, подобными Александропольскому, Чертомлыкскому и Краснокутскому⁷³.

Среди всех сарматских племен восточного царства наиболее значимое место в формировании восточнославянского этноса отводилось племени Роксалан. По его мнению, оно не только заняло территорию непосредственных владений Царских Скифов, но и расширило ее за счет освоения необитаемой в сколотский период области Героса и бассейна р. Рось. «Россалан» ученый считал народом оседлым, «... жившим в городах и хоронившим своих покойников вблизи городов»⁷⁴. Данные выводы основывались, прежде всего, на анализе археологического материала. Во-первых, их территория, в бассейне Роси, Псла, Суллы и Ворсклы, маркировалась курганами, подобным Аксютинским, однородными по устройству и сопровождающему инвентарю, «... в большинстве своем особого стиля, не греческого и не римского»⁷⁵. Во-вторых, наибольшее количество курганов им отмечалось в окрестностях городищ, отличавшихся от памятников славяно-русского времени более значительными размерами и содержанием. В качестве примера приводилось Пастырское и Басовское городища, на которых встречались керамика местного и греческого производства, бронзовые наконечники стрел, железные ножи с костяными ручками и другие предметы из железа. С роксоланами исследователь соотносил участников сражения с полководцем Митридата Диафаном и сарматские отряды, помогавшие гетам в борьбе с римлянами.

Однако для Д. Я. Самоквасова роксоланы не были прямыми предками русского народа. Ими он считал «Россов», населявших государство, образовавшееся в результате переселения части гето-дакийского населения на Днепр, и оставшееся по его предположению, единственным независимым от Рима государством «надпонтийской области» после завоевания Гетика и Босфора⁷⁶. В результате им изображалось государственное образование «... со смешанным народонаселением, состоявшим из древних Россолан и пришлых гето-дакийских племен, родственных по происхождению и языку, но отличающихся особым наречием и некоторыми обычаями, заимствованными Гетами у Греков и Римлян...»⁷⁷. К таким заимствованиям, помимо отмечаемых в более ранних работах, теперь относились топонимы типа «Рим», «Ромны», «Ромейка», «Волошино», «Трояны», а также обряд трупосожжения⁷⁸.

Актуальной для исследователя была проблема появления у восточных славян кремаций. Он даже предлагал этот вопрос на обсуждение XI АС в Киеве⁷⁹. Происхождение обычая сожжения умерших у гетов Д. Я. Самоквасов связывал с изменением их религиозных представлений под влиянием советника царя Буребисты пророка Декеня. Колонизацией гето-дакийцев ученый объяснял распространение в прародине

русского народа полей погребальных урн, подобных открытым Хвойкой у с. Черняхов. С этой же, но только более богатой и знатной частью населения Росского государства он отождествлял и курганы с трупосожжениями, такие как большой Рыжановский курган, датированный монетой императора Марка Аврелия⁸⁰. К отличительным признакам этих погребений исследователь относил и металлические изделия, инкрустированные камнями и цветным стеклом, большинством археологов считавшихся изделиями готов⁸¹.

По распространению римского серебра, городищ больших размеров, курганов Аксютинского типа и полей погребений исследователь определял и границы государства «Россов», занимавшего с запада от Днепра бассейн р. Рось и ее притоков, с востока — бассейны Псла, Суллы и Ворсклы. Недостаточно исследованной в археологическом отношении он считал юго-восточные пределы этого образования, что нашло отражение в его плане полевых исследований к XIV AC⁸², следствием реализации которого стало изучение В. А. Городцовым Бельского городища⁸³.

Все вышеприведенные факты позволили Д. Я. Самоквасову сделать вывод о могуществе и многолюдстве государства Россов, оставивших тысячи могил (только в Аксютинском могильнике, протянувшегося на 50 верст он насчитал до 10 тыс. курганов) и десятки городов.

Население этого государства, по представлениям ученого, было известно современникам под именем «Остроготов», алан и гуннов и вместе с германцами участвовало в крушении Западной Римской империи⁸⁴.

Подобными историческими построениями Д. Я. Самоквасов пытался не только согласовывать отстаиваемое им летописное сообщение о выселении славян с Дуная с новейшими археологическими открытиями, но и дать объяснение резкой смене погребального обряда. Как верно отмечал Г. С. Лебедев, «в таких случаях миграционистское решение дополнялось диффузионным — распространение одних элементов объяснялось переселением, а других — влиянием культур и народов друг на друга — более развитых на отсталых»⁸⁵. Кроме того, внимания заслуживает попытка исторической атрибуции полей погребений, раскопки которых ученый проводил еще в 70—80-е гг.⁸⁶, а также одна из первых попыток отнесения к одной «культуре» кладов римских монет и черняховских древностей.

В этих представлениях, как и во многих взглядах Д. Я. Самоквасова на раннюю историю славян, заметно стремление во что бы то ни стало доказать, что славяне не только не менее древний и выдающийся народ, чем германцы, начинающий свою историю с сообщений Юлия Цезаря, но и более древний, имеющий право на исторические свидетельства Геродота. Подобных взглядов у нас придерживался историк Д. И. Иловайский, считавший сармат и гуннов славянами⁸⁷, и археолог В. В. Хвойка, построивший теорию автохтонного развития славян, начиная с Трипольской культуры энеолита⁸⁸. Была характерна такая тенденция и для западных археологов, наиболее выпукло проявившаяся себя у Густава Косины и его последователей, гипертрофировавших роль индогерманских племен⁸⁹. В советское время некоторые подходы Д. Я. Самоквасова к решению проблемы славянского этногенеза были развиты Б. А. Рыбаковым⁹⁰.

Важным фактором, приведшим к распаду восточнославянского единства на летописные племена, считалось появление в VII в. хазар, покоривших ослабленных походами на Запад «Россов» и принудивших их к переселению из степной прародины в лесные и болотистые области. Возрастание роли хазар в концепции Д. Я. Самоквасова стало следствием выделения хазарских типов древностей, в результате чего данные письменных источников были подтверждены «положительными» фактами. Расселение восточнославянских племен исследователь доказывал и стратиграфическими наблюдениями, согласно которым «слой жилищ и могил», содержащий предметы славянской культуры, датированный не ранее VII в. н. э., находился непосредственно над «слоем» «первобытной культуры», сопровождавшимся бытовыми предметами из камня, кости, глины и меди. Кроме того, в пользу его теории этногенеза говорил тот факт, что все восточнославянские племена обладали общим языком, религией, правом и другими «этнографическими чертами», отличавшими их от других народов⁹¹. Однако географическая и политическая разобщенность имели, по его мнению, своим следствием различие племенных обычаев, отразившихся в погребальном обряде. Так, для полян, поселившихся на открытых пространствах, он считал преобладающими труположения, а для племен, занявших лесные области — трупосожжения⁹².

Несомненно, теория происхождения славян, отстаиваемая Д. Я. Самоквасовым, представляет сегодня только историографический интерес. Она является ярким примером уязвимости применяемых ученым методов источниковедческого анализа. Многие ее фундаментальные положения были сформулированы как раз вследствие неразработанности критики археологического источника. Тем не менее, она отражает уровень развития отечественной исторической науки 80-х гг. XIX века. Следует отметить перспективность самого подхода к ее решению, в частности, включение данных археологии в число принципиально важных источников. Кроме того, Д. Я. Самоквасовым была показана сложность и многоступенчатость этногенеза восточных славян. Он говорил не о прямом родстве с одним из древних народов, а о формировании в результате контактов нескольких культур и народностей.

5.2. Вопросы изучения древнерусского города в оценке

Д. Я. Самоквасова

Одним из ключевых пунктов взглядов Д. Я. Самоквасова на историю восточнославянских племен в период формирования у них централизованного государства является его теория происхождения и развития древнерусского города. О важности изучения этого вопроса он указывал уже в своей первой публикации⁹³. Этой теме была посвящена его магистерская диссертация «Древние города России»⁹⁴. Обращался к ней ученый и в более поздних своих работах, но основные положения его теории были сформулированы именно в диссертации.

К концу 60-х гг. XIX в. существовал достаточно широкий спектр мнений по вопросам, связанным с изучением древнерусского города⁹⁵. Наглядно это показывает и историографический обзор, приведенный Д. Я. Самоквасовым⁹⁶, завершая который он резюмировал: «...одни из ученых признают в древнеславянских городах посто-

янные жилые места, другие — пустые ограды, населяемые только в военное время; одни населяют их родовыми общинами, другие — договорными общинами, третьи — исключительно военными людьми, четвертые — жрецами; одни видят в них исключительно религиозные центры, другие — административные, третьи — земские...»⁹⁷. Не лучше обстояло дело с определением количества городов (назывались самые разнообразные цифры — от 150 до 600) и временем их возникновения (со времени призвания варягов, с их изгнания, с приходом славян на территорию современной России⁹⁸). Такое разнообразие взглядов во многом объясняется увязкой обозначенных вопросов с проблемой образования Древнерусского государства. Влияние господствующей в первой половине XIX в. точки зрения, согласно которой «дикие, грубые, рассеянные славяне начали делаться людьми только благодаря посредничеству Германцев...»⁹⁹ и поэтому не могли иметь городов, серьезно пошатнул выход «Славянских древностей» П. И. Шафарика. Построив свои выводы на результатах личных исследований городищ, он писал: «Я убежден, что Славяне и в это далекое время, как и в начале IX столетия, по свидетельству истории, жили не только в селениях, но и в обширных укрепленных городах или крепостях»¹⁰⁰.

В существующей «массе противоречий и путанице понятий» и попытался разобраться Д. Я. Самоквасов. Прежде всего, необходимо было определиться с предметом исследования, поскольку термин «город» в древности (ученым рассматривался период до монгольского нашествия) имел самые разные значения. Все сообщения исторических источников он сводил к двум группам: 1) прямые значения (определенная местность), 2) переносные (лица, занимавшие эту местность). В первом случае город рассматривался им как «укрепленный пункт народного поселения», а во втором — как «общественный союз, не имеющий сословного характера»¹⁰¹.

Определив предмет своего исследования — город в значении военного (крепости) и административного центра — он принялся за выяснение количества городов на Руси до монгольского нашествия. Важнейшим источником разрешения этого вопроса стали «вещественные памятники». По представлениям автора, получить полный или хотя бы приблизительный список древнерусских городов можно «... разве тогда только, когда археология исследует и в точности определит местности, известные под названием городищ и составит таким местностям точные списки...»¹⁰².

Вопрос об интерпретации городищ оставался дискуссионным¹⁰³. Споры по этой проблеме, начало которым положили исследования З. Я. Доленги-Ходаковского (А. Чарноцкого), велись еще с 1823 г. Им была предложена теория о богослужбном назначении городищ, подтверждавшаяся результатами «научных путешествий» по Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской и Смоленским губерниям. В ходе исследования Ходаковский составил карту, на которую были нанесены все известные ему городища. Он приходил к выводу, что между Рейном и Камой должно быть не менее 40 000 городищ. Осмотр некоторых из них, позволил ему выдвинуть следующие доказательства этой теории: 1) городища тесны и неудобны для жилья; 2) незначительное расстояние от одного городка до другого (4—8 верст); 3) нахождение вокруг городищ «урочищ» с одинаковыми названиями, многие из которых носили имена славянских божеств; 4) слово «город», имело в эпоху славянского язычества значе-

ние «круг», «ограда»; 5) расположение входа в городища исключительно с востока; 6) валы насыпаны только из чернозема; 7) городища не являлись укреплениями, так как они находятся даже там, где вряд ли шли тогда войны; 8) на городищах отсутствуют остатки зданий, печей и т. п.¹⁰⁴. Исходя из этого, З. Ходаковский писал: «Утверждают, что городища должны быть остатками древних городов. Но уже Шлецер учил нас, что в России до половины IX века не было ни одного города; по сказанию Иордана, Славяне жили не в городах, а в лесах и болотах. Сии однохарактерные окопы... должны быть признаны местами языческого богослужения древних славян, нашими Iucus, священными насыпями, ограждавшие посвященные многобожию места»¹⁰⁵.

При жизни ученого его идеи не получили распространения. Оппонентом З. Я. Доленги-Ходаковского выступил К. Ф. Калайдович, настаивавший на жилом значении указанных археологических памятников. Посещение некоторых городищ и, прежде всего, городища Старой Рязани, которое вне всяких сомнений было остатками одного из древнерусских городов, к тому же, увековеченного литературными источниками и народной памятью, стало основанием к острой критике теории З. Я. Ходаковского¹⁰⁶. Калайдович находил следующие контраргументы: 1) площадь городищ достаточна для проживания в каждом до 300 человек; 2) никакой системы во взаиморасположении городков и урочищ нет, а места поселений выбирались не из религиозных, а из естественных и военно-фортификационных соображений; 3) слово «город» обозначает огражденное селение или крепость; 4) утверждение о расположении входа на городища исключительно с восточной стороны не соответствует действительности; 5) наличие чернозема в валах объясняется природными процессами¹⁰⁷.

Однако, после того, как работы З. Я. Ходаковского были опубликованы М. П. Погодиным, мнение о богослужбном назначении городищ утвердилось в науке. Такая неожиданная позиция ученых объясняется отчасти преобладанием норманизма в исторической среде (это видно и из вышеприведенного высказывания Ходаковского) и научным авторитетом самого М. П. Погодина, а также отчасти недостаточной изученностью данной проблемы, особенно в области полевых исследований. Как уже отмечалось в третьей главе, раскопки городищ практически не проводились, так как были связаны с большими материальными затратами, и в то же время, как правило, не приносили эффектных находок. Поэтому исследователи, в том числе и Д. Я. Самоквасов, гораздо чаще уделяли внимание курганам, посвящая городищам лишь теоретические рассуждения.

Впрочем, было бы неверным представлять, будто изучение городищ в это время вовсе не велось. Ученые продолжали собирать сведения об этих памятниках по различным губерниям, привлекая к «сотрудничеству» местные власти. Так, «по Высочайшему соизволению», киевский губернатор И. Фундуклей представил «Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии», в котором содержались сведения о найденных памятниках и опись обнаруженных при раскопках вещей. Отметим тот факт, что во второй части «Обозрения» дана попытка научной обработки данных — статистика, характерные черты памятников, общие выводы, гипотезы¹⁰⁸.

В это же время появляются работы немногочисленных археологов, проводивших полевые исследования городищ. Они были категорически не согласны с мнением

о культовом предназначении этих памятников, утверждая их жилой и оборонительный характер. Среди таких ученых — В. В. Пассек¹⁰⁹, П. И. Шафарик¹¹⁰, П. И. Кепенен¹¹¹, А. С. Уваров¹¹² и др. Особенно большой резонанс в научных кругах имело издание «Славянских древностей» П. И. Шафарика. Многие историки, в том числе и М. П. Погодин, вынуждены были пересмотреть свои взгляды на древнюю историю славян¹¹³. К. Н. Бестужев-Рюмин называл городища среди исторических источников и сожалел о том, что не может воспользоваться материалами изучения этих памятников¹¹⁴, а М. А. Соловьев писал: «До сих пор наша историческая критика не сделала того, с чего должно было начать историю России, именно, не исследовала и не определила числа и названий всех городов, которая история застаёт на Русской земле во время первого образования нашего народа. Этот инвентарий древней земли русской должен бы служить основанием всех рассуждений о первоначальной истории...»¹¹⁵.

С первых своих работ Д. Я. Самоквасов выступал последовательным сторонником жилого и военно-оборонительного характера городищ. «Будучи того мнения, что только личное знакомство с первичными источниками дает твердость убеждениям в отношении исторических вопросов и, желая проверить путем личного исследования городищ воззрения на эти памятники...»¹¹⁶, он принялся за их изучение. Как уже отмечалось выше, им было осмотрено до 72 городищ в нескольких губерниях европейской части Российской империи¹¹⁷. Состав шурфов («пробных ям») не допускал никаких сомнений, «что щебень, покрывающий внутреннюю часть городищ, кости домашних животных, птиц, рыб, глиняные черепки от разных сосудов, битый дикий камень и кирпич, уголь и зола, лежащие обширными пластами (возникновение которых может быть объяснено только сожжением построек некогда стоявших на городище), а не сваленных где-либо в углу, у котлища или жертвенника, как думали прежде, — указывают на городища, как на памятники древних народных поселений, укрепленные жилища или города древних обитателей России»¹¹⁸. Так, например, в шурфах на Белогорском, Ратском и Волокитинском городищах им были обнаружены различные бытовые предметы, керамика, украшения, оружие, изделия из кости и предметы культа. Кроме того, многие вещи находили аналогии в расположенных поблизости курганах, активно исследуемых ученым, в которых он видел кладбища языческого населения городищ¹¹⁹.

В результате Д. Я. Самоквасову удалось опровергнуть основные аргументы, приводимые З. Я. Ходаковским и его сторонниками. Во-первых, смысл слова «городище», подобно «селищу», «дворищу», «монастырищу», был определен как место оставленного города, о чем свидетельствовали устная традиция и письменные источники. Во-вторых, вопреки убеждениям З. Я. Ходаковского, никакой системы в расположении «городков и урочищ» не обнаружилось, а присутствие рядом водоемов, справедливо объяснялось естественными и военно-фортификационными соображениями. В-третьих, не подтвердилось предположение З. Я. Ходаковского, что все городища имеют вход только с востока, а их валы насыпаны исключительно из чернозема. И, наконец, в-четвертых, была показана ошибочность мнения, что городища слишком малы для проживания большого количества людей, поскольку даже среднее городище, по подсчетам Самоквасова, могло подходить для места жительства до 300 чело-

век. Впрочем, ученый, как, например, и К. Ф. Калайдович, не исключал возможности встретить среди множества городищ и святилища¹²⁰.

Установление жилого и военно-оборонительного назначения городищ позволило говорить о существовании в домонгольской Руси не нескольких сотен, как упоминалось в письменных источниках, а нескольких тысяч городов. Весомым доказательством этого утверждения, помимо полевых исследований, стали данные анкетирования, проведенного по инициативе Д. Я. Самоквасова через Центральный статистический комитет¹²¹. В результате, в качестве приложения в его магистерской диссертации появился «Указатель сохранившихся городищ в Черниговской губернии» (всего 152)¹²², а в трудах Курского статистического комитета был опубликован указатель городищ Курской губернии (более 60)¹²³. Конечно, в число памятников, привлекаемых для доказательства своих взглядов, Д. Я. Самоквасов включал и значительное число городищ раннего железного века, например, такие известные, как Дьяконовское и Юхновское. Причина этого кроется, с одной стороны, в отсутствии систематических раскопок этого типа памятников, с другой — в недостаточной разработанности археологического источниковедения ученого, когда, как уже упоминалось, не уделялось должного внимания анализу отдельной находки.

Однако стоит подчеркнуть, что, по мнению Д. Я. Самоквасова, «...у наших первобытных предков не было ни городов, ни сел в нашем смысле слова, следовательно, не может быть и речи о преобладании в древности городского быта над сельским, и наоборот, сельского быта над городским, быт первобытных народов не похож ни на городской, ни на сельский быт цивилизованных народов...»¹²⁴.

Вопрос о времени и условиях появления первых древнерусских городов им напрямую связывался с уровнем развития «общественного быта» восточнославянского общества, т. е. его политической и социально-экономической организацией. Не встретив в письменных источниках прямых указаний на время образования первых городов на территории России, ученый обратился к косвенным свидетельствам и сравнительному изучению исторических явлений.

Полагая, что «законы народной жизни при неизменности внешних условий также постоянны и неизменны, как законы физические», Д. Я. Самоквасов считал возможным применять выводы, полученные при изучении поселенческой структуры юго-востока России в XV, XVI и XVII вв. к истории формирования поселений и периоды первоначального заселения славянами территории Российской империи¹²⁵.

Анализ источников по повторной колонизации юго-востока России, опустошенного в результате монгольского нашествия, позволил ему опровергнуть распространенную среди последователей «родового быта» славян накануне и в период образования Древнерусского государства¹²⁶ теорию развития поселений через последовательное прохождение трех фаз: хутор → село → город, и предложить другую концепцию, прямо противоположную первой: город → село → хутор. Он предположил, что по мере увеличения численности населения от городов отпочковывались «младшие города» или «пригороды», образуя «политические союзы». Как только городам переставала угрожать опасность, вокруг них возникали села, а от тех, в свою очередь, отделялись хутора. В результате складывалась система управления, когда «младший город»,

подчиняясь «старшему городу», независимо от него, выполнял такие же функции по отношению к своей округе¹²⁷. В свою очередь, это дало возможность утверждать, что при колонизации новых земель славяне были вынуждены объединяться в общины и строить на заселяемых территориях только укрепленные поселки. Следовательно, первые «города» на территории России, по мнению Д. Я. Самоквасова, были построены славянскими переселенцами, находящимися на стадии перехода от родоплеменной организации к общине, т. е., согласно его тогдашним взглядам, в VI—VII вв. н. э.¹²⁸

В результате доказывалось, что задолго до призвания норманнов восточные славяне уже были объединены в несколько самостоятельных союзов, называвшихся «городами», «землями» или «волостями». Когда же во главе этих объединений стали варяжские князья, они получили название княжеств и государств. С появлением варягов связывалось и выделение из среды общинников представлявших собой до этого «безразличную массу» специализированного военного сословия. Необходимость существования укрепленных поселений и после объединения славян в одно государство, поставившее старшие города в зависимость от Киева, Д. Я. Самоквасов объяснял кочевнической опасностью и началом раздробленности, когда княжества стали «...почти в совершенно независимое положение друг к другу наподобие славянских республик до Рюрика...»¹²⁹.

Теория Самоквасова, построенная на широком привлечении данных археологии и содержащая достаточно оригинальные и смелые выводы, уже с момента своего появления была подвергнута как серьезной критике, так и находила сторонников. Еще до публикации магистерской диссертации молодым ученым были сделаны доклады в Императорском Русском географическом обществе и Императорском Московском археологическом обществе. Из присутствующих на заседании ученых его поддержал только граф А. С. Уваров¹³⁰. Особенно остро, по свидетельству самого Д. Я. Самоквасова, прозвучали возражения И. И. Срезневского, защищавшего учение З. Д. Ходаковского¹³¹. В качестве доказательств И. И. Срезневский приводил личные впечатления от осмотра городищ Северского Донца, которые излагались им в специальном исследовании¹³². Обнаруженные там находки — кости, уголь, черепки, — по его мнению, являлись остатками языческих жертвоприношений. Интересно, что в «Древние города России» Д. Я. Самоквасов почему-то включил противоположное утверждение, будто исследования И. И. Срезневского опровергли теорию Ходаковского. Позиция Срезневского в вопросе о характере городищ остается непонятной. Он то называется сторонником теории Ходаковского, то, наоборот, зачисляется в ряды его противников. Видимо, после получения соответствующих археологических свидетельств, Срезневский окончательно перешел в ряды тех, кто утверждал жилое назначение городищ, о чем свидетельствуют его «Материалы для словаря древнерусского языка»¹³³.

Главным оппонентом на защите диссертации выступил известный археолог и историк, создатель школы исследователей истории древней и средневековой Руси В. Б. Антонович. Комиссия при его участии, по словам Д. Я. Самоквасова, заявила, что диссертация «должна обратить на себя особое внимание ученых-исследователей новым методом удачного приложения археологического материала к решению историко-юридических вопросов»¹³⁴.

Наиболее обширную и обстоятельную из многочисленных рецензий, последовавших после публикации этого исследования, подготовил Ф. И. Леонтович. Показательно, что, детально разбирая и критикуя исторические выводы Д. Я. Самоквасова, он постарался обойти археологическую аргументацию автора¹³⁵.

Не принял выводов Д. Я. Самоквасова и преданный сторонник воззрений З. Д. Ходаковского и сторонник «родовой теории» И. Е. Забелин. В своем исследовании «История русской жизни» он писал: «...заслуги Ходаковского были умалены до последней крайности. Однако новая система выдержала еще меньше критику... Она вполне опровергнута г. Леонтовичем»¹³⁶.

С критикой «теории городищ» Д. Я. Самоквасова выступил и М. М. Ковалевский. Он указывал на важность привлечения археологического материала к изучению «ранних форм общественной жизни», но находил опасным одностороннее увлечение «приемами археологии» в русской исторической науке и в подтверждение своей мысли приводил книгу «Древние города России». Ученый не соглашался с выводами Д. Я. Самоквасова «о преобладании... в древний период нашей жизни числа городов над числом сел» и с «фантастическим положением об образовании сел из городов». Главную причину заблуждений последнего он видел в игнорировании историко-сравнительного метода¹³⁷. Свою же рецензию на докторскую диссертацию ученого Ковалевский закончил следующим образом: «...и по вопросу о городах в древней Руси, г. Самоквасов не сказал ничего нового, несмотря на изучение им 7200 городищ. Если городами были укрепленные селения, то об обычаях первобытных племен селиться в укрепленных, природою или искусством, местах мы знаем до него. Если же, напротив, города отличаются от деревень чем-нибудь иным, кроме существования кругом их заборов, то г. Самоквасову не удалось... указать нам, в чем заключается это различие...»¹³⁸.

Реферат Самоквасова «Историческое значение городищ», прочитанный на III Археологическом съезде, вызвал положительные отклики А. С. Уварова, В. Б. Антоновича и др. Только А. О. Шмит заметил, что не каждое городище должно пониматься как древний город или поселение, поскольку многие из них возникли в более позднее время в качестве фортификационных сооружений¹³⁹.

Д. И. Багалея, в своей книге «История Северянской земли до XIV столетия», указывал на «не вполне удовлетворительное» определение Д. Я. Самоквасовым «характера городищ дотатарской эпохи» и некритический подход к списку городищ Черниговской губернии, хотя и соглашался с выводом об их жилом и военно-оборонительном характере¹⁴⁰.

На «односторонность» взглядов Д. Я. Самоквасова, считавшего восточнославянские городища первыми русскими городами, указывал и Л. Нидерле¹⁴¹.

Несмотря на все критические замечания, «теория городищ» Д. Я. Самоквасова постепенно утверждалась в науке. Так, в 1892 г. Д. Н. Анучин писал: «...теория Самоквасова была встречена сначала возражениями... но потом с ней примерились, а Пич познакомил с нею западных ученых, подтвердив ее, со своей стороны, данными и наблюдениями из западноевропейских стран...»¹⁴². Как одна из господствующих в литературе теория Д. Я. Самоквасова приводится в «Бытовой археологии» В. А. Городцова¹⁴³.

Взгляды Д. Я. Самоквасова на содержание понятия «древнерусский город», происхождение и развитие последнего, оформившиеся уже в начале 70-х гг. XIX в., стали основой для его дальнейших исследований. Несмотря на то, что после «Древних городов России» специальных работ, посвященных древнерусскому городу, у Д. Я. Самоквасова не выходило, эта проблема затрагивалась в его университетских курсах по истории русского права, а также в других обобщающих исследованиях ученого уже в рамках изучения проблемы происхождения государства у восточных славян. При этом серьезных трансформаций его взглядов не зафиксировано. Можно отметить лишь отнесение к скифской эпохе Юхновского городища¹⁴⁴, а затем и некоторых других (Пастырское, Бельское) т. е. вычленение из всей массы городищ памятников более раннего периода, которые стали соотноситься с предками славян.

Собственно, это вполне объяснимо, если учитывать, что как таковой «городской археологии» в России до второй половины 1900 гг. не было¹⁴⁵. Из немногочисленных городищ, раскопанных самим Д. Я. Самоквасовым, можно назвать Ратское, Юхновское, Яблоновское, «Княжья гора», Гочево и это были чуть ли не единственные примеры раскопок этого типа памятников в центральных областях Российской империи. Как результат — их редкое использование в качестве исторических источников. В течение 1870—1900 гг., пожалуй, лишь историки «киевской школы» В. Б. Антоновича в своих сочинениях, посвященных отдельным областям Древнерусского государства, привлекали городища¹⁴⁶. В большинстве трудов эти данные носили вторичный характер и были заимствованы из работ археологов, в том числе и из публикаций Д. Я. Самоквасова¹⁴⁷. Исключением стали исследования П. В. Голубовского, употреблявшего археологические свидетельства для локализации летописных городов, реконструкции племенных границ и путей славянской колонизации¹⁴⁸, и В. Г. Ляскоронского, пытавшегося привлечь опыт изучения поселений для характеристики славянского быта, ремесла и торговли¹⁴⁹, реконструировавшего оборонительные линии древнерусских городов по берегам рек Сула, Псёл, Ворскла¹⁵⁰.

Основное значение исследований Д. Я. Самоквасова заключается в том, что он убедительно показал жилой и военно-оборонительный характер городищ. Выяснение исторической роли славяно-русских городищ позволило ввести их в круг источников по отечественной истории, что в свою очередь стало основой для создания целостной системы взглядов на характер, происхождение и развитие древнерусского города. Конечно, его теория в отдельных местах напоминает скорее логическую схему, но это была попытка осмыслить имеющийся фонд источников. Полевое исследование городищ, по сути, только начиналось и носило в подавляющем большинстве случаев разведочный характер. При этом открытые поселения славяно-русского времени не выявлялись вовсе. Неудивительно, что современные исследования опровергают многие взгляды ученого. Например, древнейшими поселениями донских славян, по мнению А. З. Винникова, были неукрепленные селища¹⁵¹, да и в XII—XIII веках большинство поселений на Дону были сельскими¹⁵². В отличие от Д. Я. Самоквасова большинство авторов называет не один, а несколько возможных путей образования укрепленных поселений¹⁵³. Однако находятся и примеры, подтверждающие его теорию. Так, археологические данные по истории возникновения и развития Старой Рязани свидетель-

ствуют, что сравнительно мощная крепость появилась как военный форпост на еще не освоенной славянами территории и лишь позднее обросла сетью многочисленных сельских поселений и превратилась в мощный административный центр¹⁵⁴.

5.3. Проблема становления государства у восточных славян в работах Д. Я. Самоквасова

Пытался привлекать данные археологии Д. Я. Самоквасов и при аргументации своих взглядов на проблему образования государства у восточных славян. Несмотря на то, что специальных работ этому вопросу он не посвящал, тот или иной его аспект затрагивался практически во всех выпусках «Истории русского права» и ряде других работ.

Ко времени выхода первых работ Д. Я. Самоквасова достаточно широкое распространение имел норманизм. Среди норманистов были такие авторитетные историки первой половины XIX в. как А. Л. Шлецер¹⁵⁵, Н. М. Карамзин¹⁵⁶, М. П. Погодин¹⁵⁷ и др., доказывающие отсутствие каких-либо зачатков государственности у восточных славян до Рюрика. Основоположителем «классического норманизма», построенного на качественной критике источников, Г. С. Лебедев называет А. Л. Шлецера, а quintessence его взглядов сводит к формуле: «скандинавы или норманны в пространном смысле основали русскую державу»¹⁵⁸. В свое время еще К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал, что А. Л. Шлецер смотрел на славян как на «американских дикарей», которым скандинавы «принесли, веру, законы, гражданственность»¹⁵⁹. Эти выводы оказали серьезное влияние на Н. М. Карамзина, который, по оценке А. А. Хлевова, «впервые конституировал норманнский теоретический тезис в обобщающем курсе русской истории, введя положения о норманстве призванных князей в число аксиом прошлого»¹⁶⁰. Однако с появлением работ П. И. Шафарика¹⁶¹, С. А. Геденова¹⁶², Д. И. Иловайского¹⁶³, И. Е. Забелина¹⁶⁴ и других исследователей получил свое развитие и антинорманизм. К середине XIX века помимо крайних точек зрения, распространение получают и более взвешенные позиции. Показательны в этом отношении взгляды С. М. Соловьева. С одной стороны, начальным событием русской истории он считал утверждение у восточных славян власти варяжских конунгов, с другой — указывал, что варяги в своем общественном развитии стояли не выше славян и быстро слились с ними¹⁶⁵.

Для Д. Я. Самоквасова такие принципиальные в споре норманистов и антинорманистов вопросы, как происхождение термина «Русь» и национальность первых киевских князей, имели второстепенное значение. Становление государства, под которым понималась «...автономная и автократная форма общежития, состоящая из трех неразрывно связанных институтов: территории, народа и верховной власти»¹⁶⁶, понималось им как сложный и многоступенчатый процесс, сопряженный с развитием общества.

По его мнению, любое древнее оседлое общество в своей эволюции проходило три ступени. Первая — это политически независимые, управляемые собранием общинников и градоначальником города-государства. На второй ступени города должны были объединяться в союзы, подчиненные одному, «главному», городу. Достигая

третьей ступени развития, союзы городов объединяются в одно государство, население распадается на два класса — военный и земледельческий, появляются открытые поселения¹⁶⁷.

В этой логике рассматривалось и становление государства у восточных славян. Д. Я. Самоквасов считал, что восточные славяне уже до Рюрика, находились на второй ступени, т. е. были объединены в союзы городов — племенные государства¹⁶⁸. Отсюда и название периода — «эпоха племенных княжений».

Наличие «государственного быта» у восточных славян он пытался доказать на примере объединения северян, а полученные выводы распространял на все восточнославянские племена, что подтверждают его выпуски «Истории русского права»¹⁶⁹.

Близкие Д. Я. Самоквасову взгляды отстаивал И. Д. Беляев, писавший «что летописец, христианский монах, односторонне смотрел на быт язычников, «обычаи поганных, не ведущих закона Божия», что Северяне языческой эпохи не стояли на степени дикости звероловов и рыболовов, что они имели общественные союзы, вели торговые сношения с отдаленным востоком, вообще стояли на несравненно высшей степени цивилизации, нежели обыкновенно думают»¹⁷⁰. Его выводы, построенные только на сообщениях письменных источников, Д. Я. Самоквасов и постарался подтвердить новой аргументацией, в том числе и данными археологии.

Уже в начале 70-х гг., в своей магистерской диссертации, ученый доказывал, что первоначальным способом общественной жизни славян был город. Получила развитие эта мысль и в более поздних работах: «...общезитие всех древних оседлых народов, подобно общезитию племен русских Славян, началось группою скученных изб, обведенных общим для них укреплением, т. е. городом в древнем смысле этого слова, — общиною, а не хутором и семьею»¹⁷¹.

У северян он вычленил «три формы городских общественных союзов, подчиненных старшему городу»: 1) община — город, 2) волость — союз городов, 3) земля или племенное княжение — союз союзов¹⁷².

Представления о таком устройстве древнерусского общества, когда территория племени делилась на городские волости, с их общино-вечевым строем, были широко распространены в отечественной общественно-политической и научной мысли 60—70-х гг. XIX в. Основная идея, ставшая, по мнению М. Б. Свердлова стереотипом, заключалась в отстаивании особого пути развития России, отличного от западноевропейского с его феодализмом¹⁷³.

Д. Я. Самоквасов, как и большинство исследователей, и дореволюционных, и современных, затрагивавших вопрос о содержании терминов «земля» и «волость», различал эти два понятия, считая «волость» составной частью «земли»¹⁷⁴.

Однако письменные источники сообщали лишь примерные границы расселения племени северян не говоря о внутреннем устройстве. Тогда Д. Я. Самоквасов, одним из первых в отечественной историографии, обратился к данным археологии. С помощью картографирования городищ, сопровождаемых курганами с северянским погребальным обрядом, он попытался определить границы этой земли.

В результате — граница Северянской земли на западе доходила до Остерского уезда, содержащего только городища «великокняжеского» периода, с северо-запада от-

делялась «пустынными областями и болотами» среднего течения Сновы и Ваги, северным рубежом стали болотистые и лесные области истоков Унечи, Ельни и Дубны, а с востока эту территорию ограничивала незаселенная полоса земли от левобережья Судости и Десны до бассейнов р. Клевени и Сейма.

Таким же способом внутри этих границ были зафиксированы волости — группы городищ и могильников, разделенные полосами незаселенной территории. Всего выделялось десять волостей: 1) Черниговская (40 городищ на Днестре от Любича до Старого Глыбова и на Десне от р. Моровска до р. Сосницы), 2) Стародубская (26 городищ в правобережье среднего течения Судости и верхнего течения Сновы), 3) Новгородская (32 городища в среднем течении Десны), 4) Воргольская (21 городище в бассейне рр. Сейма и Клевени), 5) Переяславская (22 городища в бассейне Трубежа и Супоя), 6) Всеволожская (20 городищ в верхнем течении Остра и Удая), 7) Суджанская (22 городища в бассейне р. Псел, от устья р. Долгий Колодец до устья р. Груни), 8) Липовская (21 городище области р. Ромен), 9) Посульская (течение Сулы от устья р. Ромен до впадения в Днепр) и 10) «Посеймье» (26 городищ в среднем течении р. Сейма от устья р. Снагости до устья р. Рати)¹⁷⁵ (Рис. 27).

Все волости состояли из «пригородов» и «старших городов». Отличительным признаком последних стали более значительные размеры, наличие сложной системы укреплений и большее количество языческих могил рядом. Близкие к этим критерии были положены в основу разработанной в 80-х гг. XX в. классификации А. В. Кузы¹⁷⁶. Продолжались и попытки выделения групп концентрации городищ и курганов, в которых также видят различного рода территориальные образования, называемые либо «волостями», либо «малыми племенами»¹⁷⁷. Наиболее исследованным, и одновременно дискуссионным¹⁷⁸, в настоящее время следует признать объединение «семичей» или «семцев», освещенном в работах В. В. Енукова¹⁷⁹.

Наглядно подтверждали мнение о цивилизованности северян и раскопки курганов. Уже первые полевые изыскания ученого, позволившие выделить погребения северян, значительно расширили базу источников. Наиболее сильное впечатление производили большие курганы, расположенные в столице северян Чернигове. Так, в Черной могиле, огромном кургане, высотой до 11 м и свыше 40 м в диаметре основания, были открыты останки двух мужчин и женщины. На остатках кострища и в насыпи кургана оказались многочисленные образцы вооружения, атрибуты религиозного культа, орудия труда, предметы быта, ювелирные изделия, игрушки, в том числе и такие уникальные вещи как пара турьих рогов и бронзовая, первоначально позолоченная, статуэтка языческого идола. У Д. Я. Самоквасова не возникало сомнений, что перед ним князь северян¹⁸⁰. Однако высказывались и другие предположения насчет общественно-политического статуса и народности лиц, похороненных там. Например, А. С. Уваров среди находок, выделяя предметы «...с признаками западноевропейской, именно норманнской фабрикации...», говорил о южном — византийском — и северном — норманнском — влиянии на культуру славян¹⁸¹. Нет общепринятого мнения и у современных исследователей. Некоторые высказали мысль о самостоятельных, чернигово-северских, династиях той поры, но не местных, а, скорее всего, скандинавов по происхождению, как и первые новгородско-киевские Рюрикови-

чи¹⁸². Большинство же ученых относят подобные погребения к захоронениям дружинников, вопрос об этнической принадлежности которых остается дискуссионным. Е. А. Шинаков, рассматривая историографию проблемы, выделяет три основные версии социально-этнической интерпретации и истоков данного типа погребального обряда. Одна группа исследователей (Т. А. Пушкина, В. Я. Петрухин, В. А. Кольчатов и др.) все захоронения Восточной Европы считает скандинавскими по происхождению. Г. С. Лебедев отстаивал мнение, согласно которому, происхождение обряда в IX в. имело центрально-шведские корни, но связывал его не со всей верхушкой скандинавского общества, а только с «королевской дружиной». Об общеиндоевропейских сакральных корнях происхождения данного обряда, возникающего у разных народов этой общности самостоятельно говорит А. П. Моця. В Древнерусском государстве, по его мнению, к которому склоняется и Е. А. Шинаков, такие захоронения являлись вариантом погребального обряда представителей правящей прослойки¹⁸³. Подобной точки зрения придерживается и основной исследователь творчества Д. Я. Самоквасова С. П. Щавелев¹⁸⁴, а также известный археолог-славист В. В. Седов, писавший: «Все попытки определить этнос погребенных в Черной Могиле обречены на неудачу. В X в. дружинное сословие Руси было новообразованием, культура которого синтезировала в себе и славянские, и скандинавские, и финские, и степные (хазаро-венгерские) элементы»¹⁸⁵.

Значение полученных Д. Я. Самоквасовым результатов, их влияние на последующее изучение истории славян накануне и в период образования государства хорошо иллюстрирует вызванный ими резонанс в научной общественности. «Новостью, важной и неожиданной для любого историка» называл результаты его раскопок Н. И. Костомаров¹⁸⁶. «...Заявил свое полное согласие с выводами Д. Я. Самоквасова...» и Д. И. Иловайский¹⁸⁷. «...В высшей степени любопытные результаты...» раскопок Самоквасова он считал «неопровержимым» «вещественным подтверждением» своих антинорманистских взглядов. Из данных, полученных при исследовании курганов, он делал вывод об «...исконном пребывании могучего Русского племени...» в Приднепровье, воинственного, с развитой торговлей и «гражданственностью», которому принадлежит роль объединителя восточнославянских племен¹⁸⁸. В другой работе он отождествлял население, оставившее эти курганы, с одним из гуннских племен (савирами)¹⁸⁹. Д. И. Багалея, автор книги о Северянской земле¹⁹⁰, при характеристике «быта» северян опирался на работы Д. Я. Самоквасова, что позволило И. А. Линиченко упрекнуть его в слишком большом заимствовании из сочинений этого ученого¹⁹¹. Отвечая же, Д. И. Багалея подчеркивал, что иначе поступить не мог, поскольку «...статьи Самоквасова, по своему содержанию, не литературное пособие для историка, а первоисточник, подобный летописям»¹⁹². В. З. Завитневич, говоря о значении археологических раскопок, писал в 1887 г.: «Успехи в области археологии не замедлили отразиться и на истории. В археологических данных история открыла целый ряд новых сведений, которые пролили новый свет на такие эпохи, о которых или ничего не было известно, или существовали ложные известия письменных источников. Особенно драгоценными для исторической науки оказались археологические данные, пролившие истинный свет на культуру славяно-русских племен в период до образо-

вания русского государства. В отношении к этому периоду нашей истории археология произвела настоящий переворот. Оказалось, что у тех же Северян языческой эпохи... видны следы «неравенства общественных классов», существовали «отдаленные торговые сношения». В одежде, костюме, вооружении, занятиях, домашней обстановке, верованиях язычника Северянина видны несомненные следы значительного культурного развития...»¹⁹³. При этом он отсылал читателя к реферату Д. Я. Самоквасова, опубликованному в трудах III АС.

Именно в реферате «Северянские курганы и их значение в истории» Д. Я. Самоквасов приводил аргументы в пользу существования у северян социальной дифференциации. Все курганы он делил на 3 вида: 1) курганы с погребальными урнами, не превышающие 2 м высоты и 28 м окружности основания — могилы рядовых северян, 2) черниговские, седневские и стародубские курганы с кострищами, не превышающие 6 м отвесной высоты и 70 м в окружности основания, без военных доспехов — могилы знати; 3) «Черная Могила», «Гульбище» и княжны Чорны — могилы княжеского ранга¹⁹⁴. После определения северянской принадлежности покуранных труположений в ямах они были связаны с «могилами черни». Доказательством этого стало их более значительное количество, небольшие размеры насыпи и бедность сопровождающего инвентаря¹⁹⁵. Всего же Д. Я. Самоквасов выделял четыре общественных «класса» у славян в языческий период — жрецы, князья, свободные люди и рабы¹⁹⁶.

Были «памятники вещественные» и среди источников, подтверждающих богатство «экономического быта» северян и других восточных славян языческой эпохи. Их поселения реконструировались как деревянные, срубные, дома, в которых проживали отдельные семьи, составляющие городскую общину, с клетями и одринами, обведенные рвом, валом и деревянной оградой с башнями (вежами)¹⁹⁷. При реконструкции внешнего облика и планировки поселений учитывались и результаты полевых исследований. В одной из своих последних работ, посвященной раскопкам Гочевского археологического комплекса, Д. Я. Самоквасов писал о городище «Царский дворец»: «Граншея, проведенная в насыпи городка с юга на север, обнаружила три печища желищ-землянок, подобных открытым, по моим указаниям, на окраинах площади Донецкого городища... Как и в других древних городищах, частные жилища — полуземлянки помещались только по окраинам площади, с внутренней стороны вала, ее окружавшего, а середина оставалась свободной от построек, — принадлежала всем жителям городка, служила местом общественных собраний; по этой причине по окраинам площади толщина слоя насыпи, лежащего на материковой глине, восходила до трех аршин и постепенно уменьшалась до трех четвертей по направлению к центру площади»¹⁹⁸.

Орудия труда, зерна пшеницы, ячменя, овса и ржи, обнаруженные в погребениях, привлекались в подтверждение земледелия как основы хозяйственной деятельности славян, при этом скотоводству и другим промыслам отводилась вспомогательная роль. Импортные вещи и отдельные монеты из тех же могил, а также клады, служили доказательством разветвленных торговых сношений. Так, клады византийских монет VI—X вв., обнаруженные в Киеве и области Днепровских порогов, те же монеты и другие артефакты византийского происхождения из погребений славян, позво-

лили утверждать не только подлинность русско-византийских договоров, в том числе и 907 г., но и реальность военных походов на Константинополь в правление Аскольда и Дира¹⁹⁹.

Находка же орнаментированного фрагмента реберной кости барана в одном из Черниговских курганов позволила говорить о существовании письма еще до принятия алфавита²⁰⁰.

Дополнительную аргументацию существования племенных государств у восточных славян получило в процессе разработки теории их этногенеза. Д. Я. Самоквасов считал, что на стадии племенных государств находились и скифы, и сарматы, и гето-дакийцы, а их объединение в единое государство было внешним и сводилось к выплате дани господствующему племени. Внутреннее же устройство оставалось неизменным. Эти народы были объединены в племена, обладающие своей территорией, управлявшиеся «...своим царем, своими волостными начальниками и своим собранием народа...»²⁰¹. После падения гетского государства славянские племена то объединялись под властью завоевателя (Германарих, Атилла), то распадались на независимые племенные княжения. В работах начала XX в. последним таким объединением считалось государство «Россов», после крушения которого и началось колонизационное движение в центральные области России племен, перенесших «в новую родину... государственную форму общежития своей прародины»²⁰².

Таким образом, процесс зарождения государственности у восточных славян Д. Я. Самоквасов видел как результат их внутреннего, многовекового развития. Исходя из этого, создание государства первых Рюриковичей, которых он считал норманнами, представлялось им лишь как очередное внешнее объединение.

Согласно его взглядам, Рюрик и его дружина были приглашены Новгородцами в качестве пограничной стражи, но в результате, они с помощью военной силы подчинили новгородцев. Отсюда выводился и характер власти завоевателей как собственников земли, а не как князей, призванных народом на каких бы то ни было договорных условиях²⁰³. Создание русского государства, появление понятия о единой Русской земле Д. Я. Самоквасов считал результатом завоевательных походов приемника Рюрика князя Олега. Прямую аналогию этим событиям он видел в захвате Британии англосаксами.

С завоеваниями Рюрика и первых Рюриковичей связывал Д. Я. Самоквасов и происхождение термина «Русь», подчеркивая, что в языческую эпоху он имел не этническое, а политическое значение, обозначая «политический союз». При этом он считал его древнее этнонима «славяне», начало употребления которого по отношению к восточным славянам относил к периоду распространения христианства, когда он был заимствован из памятников письменности юго-западных славян²⁰⁴.

Включение славянских племен в состав Древнерусского государства считалось началом благоприятного периода в их развитии этого объединения: «...Северяне и вообще Русы языческой эпохи были народом оседлым, земледельческим и производившим отдаленные торговые, военные и служебные сношения, обогащавшие Русь всеми предметами цивилизации Европы и Азии IX и X столетий. По экономическому богатству Русь эпохи договоров с Греками стояла не ниже Руси первых столетий христианского времени...»²⁰⁵.

Славянские племенные княжения после распада государства «Россов» Д. Я. Самоквасов характеризовал следующими словами: «Размножившись в новых родинах, русские племена в своей географической и политической разрозненности, были слабыми народцами, неспособными к самостоятельной государственной жизни, представляли собой легкую добычу для завоевателя»²⁰⁶. Такими завоевателями и стали норманны на севере, и хазары на юге. Именно стремлением укрыться от хазар он объяснял строительство первыми поселенцами-северянами своих городков на небольших несудоходных речках, подобных Белоусу, Стриженю, Малотечи, Клевени, скрытых лесами и болотами. Доказательство того, что хазарам все же удалось найти беглецов и обложить их данью, которую уподоблял «татарскому выходу» времени монгольского владычества, Д. Я. Самоквасов пытался найти в содержании северянских погребений. Как более ранние, соотносимые со временем хазарского владычества (VIII–конец IX в.), выделялись могилы, не содержащие предметов вооружения и роскоши. Такими были труположения в ямах и трупосожжения в урнах, которые не только сопровождали древнейшие поселения Северян (Чернигов, Седнев, Шестовицы, Любич, Стародуб и др.), но и уступали в богатстве курганам с трупосожжениями, датированным концом IX—X вв.²⁰⁷. Этот факт позволяет говорить о попытке создания внутренней хронологии северянских древностей, где рубежом стало конкретное историческое событие — поход Олега на северян в 884 г.

Еще одно подтверждение процесса создания централизованного государства ученый видел в появлении в северянской земле «чужеродного» народа, переселенного первыми Рюриковичами для охраны границ вновь созданного государства. С ним в начале XX века он стал связывать могилы «неизвестного народа» — погребения на горизонте или в неглубоких ямах, датированных X в., со специфическим сопутствующим инвентарем, отсутствующим в северянских могилах. В числе поселений со смешанным населением были названы расположенные южнее Сейма поселения у Николаевского Белогорского монастыря (Горнальское городище) и у г. Глинска²⁰⁸. Сюда же относились и захоронения Гочевского археологического комплекса, датированные концом X в. и отличающиеся своим устройством и содержанием от северянских²⁰⁹.

Отдельные взгляды Д. Я. Самоквасова, имеющие вид предположений, в общих чертах подтверждаются современными исследователями, конечно, на совершенно ином уровне аргументации. Так, анализ состава женских украшений Гочевского могильника позволил Е. А. Шинакову говорить о полиэтничном составе его населения²¹⁰. Связь погребений на горизонте и спиралевидных височных колец с «новой общностью», возникшей во 2-й четверти XI в. в результате колонизации Северной земли из различных регионов Древнерусского государства отстаивает А. В. Григорьев²¹¹. Правда, последняя точка зрения встретила возражения В. В. Енукова²¹².

Несмотря на вышесказанное, государство первых Рюриковичей Д. Я. Самоквасов уподоблял завоевательным монархиям, связь которых держалась только на силе завоевателей и не являлась долговечной. Решающими событиями, которые «...скрепили племена русских Славян единством этнографическим, послужившим основой последующей политической силы русского народа...», признавались рецепция христианства и образование «удельных государств»²¹³. Первый фактор способствовал превра-

щению завоевательной власти первых Рюриковичей во власть христианских государей — законодателей, правителей и судей своего народа, что привело к созданию нового государственного строя. Надо сказать, что Д. Я. Самоквасов говорил о существовании христиан и до крещения Руси. Способствовало этому и выделение «древнейших русских могил христианского времени» — погребений совершенных по христианскому обряду, но под курганом. В качестве примера приводилось захоронение, исследованное во время раскопок на III АС в Китаевской пустыни под Киевом. Не исключал он возможности открытия целых кладбищ таких курганов²¹⁴.

Разделение Древней Руси на уделы между многочисленными Рюриковичами, по мнению ученого, способствовало распространению новой религии, появлению нового государственного порядка и образованию единого «русского народа». В этом дроблении, в перемещении князей и их дружин, он видел причину разрушения прежнего единства племенных земель, сглаживания местных особенностей. Поэтому, с одной стороны, период XII — первой половины XIII в. воспринимался им как период «вывоза русских капиталов» византийским духовенством и междоусобных войн, которые, ослабляя Русь, привели к ее завоеванию монголами²¹⁵, с другой — подчеркивалось, что «при внешнем дроблении Руси на уделы государство росло и крепло внутреннее единство Русской земли и русского народа»²¹⁶.

Обращение к изучению «удельной эпохи» в истории Древней Руси привело и к более пристальному вниманию к археологическим памятникам христианского времени домонгольского периода, но это характерно в основном для работ начала XX в. Д. Я. Самоквасов подчеркивал необходимость археологического изучения древнерусских поселений этого времени, с целью выяснения их «устройства и бытовой обстановки», но при этом они практически не были объектами его полевых исследований. С созданием централизованного государства, согласно его теории происхождения и развития поселений, появлялись и новые типы памятников — «селища», «дворища», «монастырища» и «церквища»²¹⁷. Возникновение первых сел он относил к XI в., считая их поселениями временного, сезонного характера. Упомянутые же в письменных источниках «княжеские», «боярские» и «монастырские» села, населенные смердами, закупам и рабами, по мнению Д. Я. Самоквасова, сформировались не ранее XII—XIII веков. Примечательно, что как «княжеское село» было атрибутировано городище «Княжья гора»²¹⁸. Здесь, как и в случае с выделением «старших» и «младших» городов можно увидеть попытку их социальной типологии, в основу которой были положены и археологические признаки.

В завершение главы можно констатировать, что Д. Я. Самоквасовым были высказаны авторские взгляды на древнюю историю восточных славян, целостность которых дает основания называть их концепцией. Ученый пытался построить их на междисциплинарной основе, отводя важное место данным археологии. По мнению некоторых исследователей, они выполняли лишь роль иллюстраций к его историческим построениям²¹⁹. Анализ же работ Д. Я. Самоквасова показывает, что «памятники вещественные» воспринимались как полноценные исторические источники. Более того, они считались объективнее письменных сообщений и в случае их подтверждения, делали таковыми и их. Сам ученый значение археологических источников для истори-

ка и историка-юриста определял так: «Археология исправляет, поясняет темные и дополняет неполные известия литературных памятников, отрицая одни из них и давая другим значение положительных исторических фактов»²²⁰.

Исходя из этого, основным методом исторического исследования у Д. Я. Самоквасова стало сопоставление разных видов источников. Однако если критика письменных источников была уже достаточно разработанной, то, как показано в четвертой главе, в источниковедческой обработке археологического материала существовали серьезные пробелы. При этом в работах этого ученого, в том числе и при сопоставлении письменных и археологических данных, в полной мере проявились такие недостатки методологии, как отсутствие целостного анализа системы, построение выводов на основании прямолинейных аналогии, а не на тождестве структур, а также достаточно консервативные и даже шовинистские общественно-политические взгляды.

Имели свои последствия и незначительные масштабы полевых исследований в стране. Несмотря на то, что фонд археологических источников пополнялся стремительными темпами, многие, известные сегодня, типы древностей еще не были выделены. Прослеживается взаимосвязь его полевых исследований с историческими построениями. Выделение новых «культур» приводило к дальнейшему развитию его теорий. Так, к предкам славян сначала были отнесены скифы, затем гето-дакийцы, сарматы и, наконец, «роксаланы» и «россы». Изучение исключительно городищ, без выявления неукрепленных поселений, привело к отрицанию существования у славян языческой эпохи открытых селищ и утверждению мнения о «городе» как изначальном способе их проживания.

Установление генетического родства славян со скифами, сарматами и гето-дакийцами, среди ведущих доказательств которого были данные археологии (география кладов римского серебра и определение культурно-хронологической принадлежности погребений южных и центральных областей Российской империи), позволило рассматривать древнерусское государство, его политическое и социально-экономическое устройство как прямого приемника скифского, сарматского и «росского» царств.

Привлекал ученый археологические источники и для доказательства существования государственности у славян накануне и в период призвания норманнов. Центрами общественно-политической и культурной жизни восточных славян Д. Я. Самоквасов считал города, что подтверждалось результатами исследования городищ. Масштабные раскопки славяно-русских курганов, в том числе и таких значимых, как «Черная могила», «Гульбище» и др., свидетельствовали о высоком уровне развития у восточных славян хозяйства, торговли, на что указывал и проведенный анализ типологии и состава кладов арабских и византийских монет, а также социально-имущественной дифференциации. Все это, в совокупности с данными письменных источников, позволило Д. Я. Самоквасову говорить о наличии у восточных славян уже до создания централизованного государства Рюриковичей так называемых «племенных княжений» или «племенных государств».

В целом, стремление ученого использовать данные археологии в процессе разработки исследовательских тем исторической науки заслуживает высокой оценки. Предлагаемые Д. Я. Самоквасовым исторические построения были заметными со-

бытиями того времени, но, вместе с тем, многие их фундаментальные положения не подтверждаются современными изысканиями. При этом, надо иметь в виду еще несовершенство методико-методологической и источниковой базы археологии. Применительно к тому времени можно говорить лишь о предпосылках становления того раздела науки, который сегодня понимается как славяно-русская археология.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян. Вып. 1. Литература. Источники. Методы ученой разработки источников. Варшава, 1878. С. III—IV.

² *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Университетский курс. Кн. 1. Языческая эпоха. Источники. Содержание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. Варшава, 1888. С. 4; *Он же.* Курс истории русского права. М., 1908. С. X.

³ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян. Варшава, 1884. С. IV.

⁴ Там же.

⁵ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. I.

⁶ *Щавелев С. П. Д. Я.* Самоквасов — историк русского государства и права // Государство и право. 1993. № 2. С. 114—120; *Он же.* Историк Русской земли... др.

⁷ *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 24.

⁸ *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 15.

⁹ *Шафарик П. И.* Славянские древности. М., 1847. Т. I. С. 7.

¹⁰ *Загоскин Н. П.* История права Русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т. I. Введение. I. Наука истории русского права. II. Формация народа и государства. Казань, 1899. С. 120.

¹¹ Древности. Труды ИМАО. Т. VII. Вып. 3. М., 1878. Протоколы. С. 49—51; *Самоквасов Д. Я.* [Этнографические материалы из курганов Киевской губернии, Каневского уезда, при впадении р. Россавы в р. Рось] // Труды V съезда русских естествоиспытателей и врачей в Варшаве. Сентябрь 1876 г. Протоколы секции антропологии и этнографии. Варшава, 1877.

¹² *Самоквасов Д. Я.* Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873. С. 143.

¹³ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... Ссылки, примечания и дополнения. С. 68.

¹⁴ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян... С. VIII.

¹⁵ *Седов В. В.* Указ. соч. С. 19—24.

¹⁶ АРАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 581. Л. 17—18 об.

¹⁷ *Самоквасов Д. Я.* Генетическое, этнографическое сродство Скифов и славян // Труды V АС в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. 196—201.

¹⁸ *Самоквасов Д. Я.* Клады Римских монет в пределах земель русских и польских Славян // Труды VI АС в Одессе. 1884. Т. III. Одесса, 1887.

¹⁹ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян...

²⁰ Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843—1911) / Составление, вступительная статья и комментарии С. П. Щавелева. Курск, 2007. С. 400—410.

²¹ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян... С. 6—14.

²² Там же. С. 62.

²³ Там же. С. 63—68.

²⁴ *Самоквасов Д. Я.* Генетическое, этнографическое сродство Скифов и славян... С. 199—202.

²⁵ Там же. С. 198, 201.

²⁶ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян... С. 89—111.

²⁷ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 8—9.

²⁸ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян... С. 140—144.

²⁹ Там же. С. 145—149.

³⁰ *Смирнов А. С.* Археология в имперском пространстве России // Из истории отечественной археологии. Воронеж, 2008. С. 79.

³¹ *Самоквасов Д. Я.* О происхождении русских и польских славян и о причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов // Труды Большого [VIII] АС. Т. III. М., 1897. С. 31—43;

³² *Самоквасов Д. Я.* Основания хронологического распределения этнографических материалов, открытых в могилах Южной и Центральной России // Труды Большого [VIII] Археологического съезда в Москве. 1890. Т. III. М., 1897.

³³ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 46—50.

³⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 119—122.

³⁵ Труды V АС в Тифлисе. 1881. М., 1887. С. 203.

³⁶ *Самоквасов Д. Я.* О происхождении русских и польских Славян... С. 31—43.

³⁷ Труды Большого [VIII] АС в Москве. Т. III. М., 1897. С. 136—138.

³⁸ *Соболевский А. И.* Критика и библиография // ЖМНП. Ч. 237. 1884. № 1. С. 161—162.

³⁹ Там же. С. 162.

⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 26. Л. 81—82.

⁴¹ Труды Большого [VIII] АС... С. 139—140.

⁴² *Анучин Д. Н.* Кто вводит в науку большие недоразумения? Вопрос и ответ г-ну профессору Д. Я. Самоквасову. М., 1888.

⁴³ Труды Большого [VIII] АС... С. 139.

⁴⁴ Труды V АС в Тифлисе... С. LXXV—LXX.

⁴⁵ *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям СПб., 1884.

⁴⁶ Там же. С. 273, 509.

⁴⁷ *Забелин И. Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 195.

⁴⁸ *Загоскин Н. П.* Указ. соч. С. 45.

⁴⁹ *Ключевский В. О.* Краткое пособие по русской истории. М., 1900. С. 9.

⁵⁰ Утис [Кизеветтер А.А.]. Историк-юморист (Заметки по поводу последних произведений г. Самоквасова) // Русская мысль. 1904. № 3. Отд. 2-й. С. 31—40.

⁵¹ Нидерле Л. Славянские древности. М., 2001. С. 22, 165, 384.

⁵² *Брайчевский М. Ю.* О распространении римских монет у древних восточных славян // ВДИ. 1954. С. 124; *Кропоткин В. В.* Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. 1951. № 4. С. 250—251; *Он же.* Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР // ВДИ. 1954. № 3. С. 156—157; *Он же.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 124—125 и др.

- ⁵³ *Брайчевский М. Ю.* Указ. соч. С. 124.
- ⁵⁴ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы... С. 9.
- ⁵⁵ Там же. С. 10.
- ⁵⁶ Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 5.
- ⁵⁷ *Петрухин В. Я.* Дунайская предыстория славян и начальная Русь // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1997; *Он же.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 4—15.
- ⁵⁸ *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
- ⁵⁹ *Шукин М. Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 30.
- ⁶⁰ *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908. С. 63—64.
- ⁶¹ Там же. С. 65.
- ⁶² Там же. С. 65—66.
- ⁶³ Там же. С. 140.
- ⁶⁴ *Клейн Л. С.* Археологическая периодизация: подходы и критерии // STRATUM plus. Культурная антропология. Археология. Время последних неандертальцев. Кишинев. 2000. № 1. С. 499.
- ⁶⁵ *Самоковасов Д. Я.* План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV Археологического Съезда // Труды Московского предварительного комитета по устройству четырнадцатого Археологического съезда / Под. ред. В. К. Трутовского. Вып. 1. М., 1906. С. 9.
- ⁶⁶ *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 136—137.
- ⁶⁷ *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.
- ⁶⁸ *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 136—137.
- ⁶⁹ *Самоковасов Д. Я.* О славянском элементе в языке древних скифов // Древности. Труды ИМАО. Т. XIX. Вып. 1. М., 1901. Протоколы. С. 26; *Он же.* О происхождении русского языка от языка скифов эпохи Геродота // Древности. Труды ИМАО. Т. XIX. Вып. 3. М., 1902. Протоколы. С. 42.
- ⁷⁰ *Самоковасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 84.
- ⁷¹ *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Часть III. Исследование. М., 1887; *Он же.* О сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. III // ЖМНП. X. С. 340—349; *Он же.* Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. X. С. 232—282; *Он же.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области // Материалы по археологии Кавказа. 1888. Т. III. С. 110—118.
- ⁷² *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 146—147.
- ⁷³ Там же. С. 162.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ *Самоковасов Д. Я.* Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908. С. 8.
- ⁷⁶ *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 163—166.
- ⁷⁷ Там же. С. 166.
- ⁷⁸ *Самоковасов Д. Я.* Происхождение русского народа. М., 1908. С. 9.
- ⁷⁹ Труды XI АС в Киеве. 1899. Т. II. М., 1902.

- ⁸⁰ *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 173.
- ⁸¹ Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV Археологического съезда Д. Я. Самоковасова. Посмертное издание. М., 1916. С. VII.
- ⁸² *Самоковасов Д. Я.* План археологических работ... С. 20.
- ⁸³ *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV АС в Чернигове. 1908 г. Т. III. М., 1911. Протоколы. С. 93—161.
- ⁸⁴ *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 174.
- ⁸⁵ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 373.
- ⁸⁶ *Самоковасов Д. Я.* Об антропологических и археологических материалах эпохи язычества в пределах Царства Польского // Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Ч. 1. М., 1880. С. 175—179; *Он же.* Антропологические и археологические материалы эпохи язычества в пределах Привислинского края. Отд. оттиск из Варшавских губернских ведомостей. 1880. № 22. Варшава, 1880.
- ⁸⁷ *Иловыйский Д. И.* Начало Руси. («Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»). М., 2004.
- ⁸⁸ *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
- ⁸⁹ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии... С. 335—337.
- ⁹⁰ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993 и др. раб.
- ⁹¹ *Самоковасов Д. Я.* Курс истории русского права. М., 1908. С. XXI.
- ⁹² *Самоковасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 235.
- ⁹³ *Самоковасов Д. Я.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления. I. Современное состояние вопроса о государственных и общественных отношениях в удельный период древней Руси // ЖМНП. Ч. 145. 1869. № 11. С. 64.
- ⁹⁴ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873.
- ⁹⁵ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1992; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. М., 1988. С. 9—10; *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности северо-запада России (славяно-фино-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993; Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 5—8; *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 11—15; *Он же.* Древнерусские городища X—XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. С. 7—8. Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 129—130; *Ширина Д. А.* Русский средневековый город в дореволюционной историографии // Исторические записки. М., 1982. Т. 108; Становление и развитие обществ (город и государство). Л., 1986. С. 190—199 и др. раб.
- ⁹⁶ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России... С. 1—32.
- ⁹⁷ Там же. С. 20.
- ⁹⁸ Там же. С. 3—11.
- ⁹⁹ *Шлецер А. Л.* Нестор / пер. Языкова. Т. II. СПб., 1809. С. 178.
- ¹⁰⁰ *Шафарик П. И.* Указ. соч. С. 377.
- ¹⁰¹ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России... С. 71—73.
- ¹⁰² Там же. С. 79.
- ¹⁰³ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Т. III. С. 38—87; *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии... С. 57—66; *Он же.* Следопыты земли московской. М., 1988. С. 8—26 и др.

- ¹⁰⁴ Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. М., 1837. Т. 1. Кн.3. С. 49—95.
- ¹⁰⁵ Донесение о первых успехах путешествия Зорияна Долуга-Ходаковского. Из Москвы 13-го липца 1822 // Русский исторический сборник. М., 1844. Т. 7. С.10.
- ¹⁰⁶ *Калайдович К. Ф.* Письма к Алексею Фёдоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 19—61.
- ¹⁰⁸ Фундуклей И. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев, 1848.
- ¹⁰⁹ *Пассек В. В.* Исследования в области русской истории. М., 1870; *Цыбин М. В.* У истоков историко-археологического изучения юго-востока Древней Руси: В. В. Пассек // Вопросы истории славян. Воронеж, 1998. Вып. 12.
- ¹¹⁰ *Шафарик П. И.* Указ. соч. С. 377—378.
- ¹¹¹ *Кеттен П. И.* Записка о путешествии по славянским землям и архивам // Библиографические листы. 1825. № 33. С. 474—488; № 34. С. 490—495; *Он же.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
- ¹¹² *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1871.
- ¹¹³ *Лантева Л. П.* Указ. соч. С. 93—99.
- ¹¹⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 160.
- ¹¹⁵ Энциклопедический лексикон. М., 1838. Т. XV. С.15.
- ¹¹⁶ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России... С. 109.
- ¹¹⁷ *Щавелев С. П.* *Вклад Д. Я. Самоковасова в полевую археологию (по архивной рукописи ученого) // Проблемы первобытной археологии Евразии. М., 2004. С.96.*
- ¹¹⁸ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России... С. 116.
- ¹¹⁹ *Самоковасов Д. Я.* Историческое значение городищ // Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. I. Киев, 1878. С. 231—234.
- ¹²⁰ *Самоковасов Д. Я.* История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 190; *Дубровский Ю. А.* Городища как тип археологических памятников в оценке Д. Я. Самоковасова // Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 3. Воронеж, 2000. С. 31.
- ¹²¹ *Щавелев С. П.* Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоковасова 1872—1873 гг. и ее результаты) // РА. 1992. № 1. С. 255—264.
- ¹²² *Самоковасов Д. Я.* Древние города России... Приложение.
- ¹²³ Труды КГСК. Вып. IV. Курск, 1874. С. 177—214.
- ¹²⁴ *Самоковасов Д. Я.* История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 169.
- ¹²⁵ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России... С. 146.
- ¹²⁶ Этой теории придерживались С. М. Соловьев, И. Е. Забелин и др. См.: *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Мн., 1997. С. 339—340.
- ¹²⁷ *Самоковасов Д. Я.* Древние города России... С. 45—54.
- ¹²⁸ Там же. С. 128—143.
- ¹²⁹ Там же. С.157.
- ¹³⁰ *Самоковасов Д. Я.* История русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян... С. 65.

- ¹³¹ *Самоковасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне... С. 2—3.
- ¹³² *Срезневский И. И.* О городищах в землях славянских, преимущественно западных // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т. 2. С. 532.
- ¹³³ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1.
- ¹³⁴ *Самоковасов Д. Я.* Северянская земля... С. 3—4.
- ¹³⁵ *Леонтович Ф. И.* Рец. на кн.: *Самоковасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873. // Сборник государственных знаний. СПб., 1875. Т. II. Отд.2. С. 37.
- ¹³⁶ *Забелин И. Е.* История русской жизни. М., 1876. С. 551; *Он же.* История русской жизни. М., 1909. С. 594.
- ¹³⁷ *Ковалевский М. М.* Рец. на кн.: *Самоковасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873. // Юридический Вестник, 1878. № 1. С. 22.
- ¹³⁸ *Ковалевский М. М.* Еще раз о г. Самоковасове и его методологических приемах... С. 25.
- ¹³⁹ Труды III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. I. Киев, 1878. С. XXXIII—XXXV.
- ¹⁴⁰ *Багалец Д. И.* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882. С. 59—63.
- ¹⁴¹ Нидерле Л. Славянские древности. М., 2001. С. 430.
- ¹⁴² Цит. по: *Филиппов А. Н.* *Труды Д. Я. Самоковасова в области русского права // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып.2. М., 1914. С. 424—425.*
- ¹⁴³ *Городцов В. А.* Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910. С. 252 и др.
- ¹⁴⁴ *Самоковасов Д. Я.* Вещественные памятники древности в пределах Малороссии // Из протоколов Антропологической выставки 1879 г. Отдельный оттиск. М., 1880. Т. III. С. 10.
- ¹⁴⁵ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии... С. 359.
- ¹⁴⁶ *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 79—81. *Ляскоронский В. Г.* История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII в. Киев. 1897. С. 202—267; *Он же.* Городища, курганы и длинные (змиевы) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Труды XIII Археологического съезда. М., 1907. С. 158—210; *Данилевич В. Е.* Донецкое городище и город Донец. Киев, 1905.
- ¹⁴⁷ *Михальченко С. И.* Археологические источники в трудах историков «киевской школы» // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы конференции (26—28 ноября 1991 г.). Курск, 1991. С.61—62.
- ¹⁴⁸ *Голубовский П. В.* История Смоленской земли... С. 79—81.
- ¹⁴⁹ *Ляскоронский В. Г.* История Переяславльской земли... С. 202—267.
- ¹⁵⁰ *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змиевы) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Труды XIII АС в Екатеринославле. 1905. Т. II. М., 1907. С. 158—210.
- ¹⁵¹ *Винников А. З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII— начало XI века). Воронеж, 1995. С. 11.
- ¹⁵² *Цыбин М. В.* Юго-восточная окраина Руси в XII—XIV вв. (по данным археологии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1987. С. 10; *Тропин Н. А.* Сельские поселения XII—XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж, 2004. С. 200.
- ¹⁵³ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978; *Петрухин В. Я., Пушклина Т. А.* К предистории древнерусского города // История СССР. № 1. 1979; *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980; *Он же.* Западные земли домонголь-

ской Руси: очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. Кн. I; *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // *ВИ.* № 12. 1980. С. 24—42; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982; *Седов В. В.* Начало годов на Руси // *Труды V Международного конгресса славянской археологии.* Т. I. Вып. I. М., 1987; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города — государства Древней Руси. Л., 1988; *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989; *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989; *Носов Е. Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси // *Древности Северо-запада России (славяно-фино-угорское взаимодействие, русские города Балтики)* СПб., 1993. С. 59—78 и др.

¹⁵⁴ *Чернецов А. В., Стрикалов И. Ю.* Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // *Русь в XIII веке: Древности темного времени.* М., 2003. С. 18.

¹⁵⁵ *Шлецер А. Л.* *Нестор. Русские летописи на древне-славянском языке.* Ч. 1—3. / Перевод Д. Языкова. СПб., 1809—1819.

¹⁵⁶ *Карамзин Н. М.* *История государства Российского.* СПб; М., 2003.

¹⁵⁷ *Погодин М. П.* *Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей.* М., 1839; *Он же.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. М., 1846; и др. раб.

¹⁵⁸ *Лебедев Г. С.* *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси.* СПб., 2005. С. 25.

¹⁵⁹ *Бестужев-Рюмин К. Н.* *Биографии и характеристики.* Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг. СПб., 1882. С. 170.

¹⁶⁰ *Хлезов А. А.* *Норманская проблема в отечественной исторической науке.* СПб., 1997. С. 18.

¹⁶¹ *Шафарик П. И.* *Указ. соч.*

¹⁶² *Гедеонов С. А.* *Варяги и Русь.* М., 2005; *Фомин В. В.* *Русская историческая наука и С. А. Гедеонов* // Там же. С. 8—53.

¹⁶³ *Иловайский Д. И.* *Начало Руси. («Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю»).* М., 2004. С. 7—178. (О мнимом призвании варягов // *Русский вестник.* 1871. Ноябрь и декабрь; *Еще о норманизме (Ответ Погодину)* // *Русский вестник.* 1872. Ноябрь и декабрь).

¹⁶⁴ *Забелин И. Е.* *История русской жизни с древнейших времен.* Ч. 1. М., 1876.

¹⁶⁵ *Черепнин Л. В.* *Отечественные историки XVIII—XX вв. Сборники статей, выступлений, воспоминаний.* М., 1984. С. 36.

¹⁶⁶ *Самоковасов Д. Я.* *История русского права. Университетский курс...* С. 337.

¹⁶⁷ *Самоковасов Д. Я.* *Общества оседлых народов (Происхождение оседлого состояния. Города древних и диких земледельческих народов. История городских поселений древних и диких народов)* // *ВУИ.* 1887. № 1. С. 1—32; № 2. С. 33—70; *Он же.* *История городского общежития древних и диких народов* // Там же. 1887. № 6. С. 1—16. *Он же.* *Курс истории русского права...* С. 71—72.

¹⁶⁸ *Самоковасов Д. Я.* *История русского права. Университетский курс...* С. 266.

¹⁶⁹ *Самоковасов Д. Я.* *Курс истории русского права...*

¹⁷⁰ *Временник Московского общества истории и древностей российских.* М., 1850. Кн. VIII. С. 14.

¹⁷¹ *Самоковасов Д. Я.* *Северянская земля и Северяне...* С. 49—58.

¹⁷² Там же. С. 60.

¹⁷³ *Свердлов М. Б.* *Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв.* СПб., 1996. С. 126.

¹⁷⁴ *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* *Древняя Русь: очерки политического и социального строя.* М., 2008. С. 10—11.

¹⁷⁵ *Самоковасов Д. Я.* *Северянская земля и Северяне...* С. 29—32.

¹⁷⁶ *Куза А. В.* *Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX — середины XIII в.: Методика исследования* // *Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э.* Воронеж, 1983; *Он же.* *Малые города Древней Руси.* М., 1989. С. 40—70; *Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село.* М., 1985. С. 39—50. и др. раб.

¹⁷⁷ *Шинаков Е. А.* «Восточные территории» Древней Руси в конце X— начале XIII вв. // *Археология славянского юго-востока: Материалы к межвузовской научной конференции.* Воронеж. 1991. С. 82—93; *Узянов А. А.* *Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье* // *Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы.* М., 1993. С. 93—95.

¹⁷⁸ *Щавелев С. П.* «Град Римов» и «Посеймье» (два этюда к исторической географии Курского края) // *курские тетради: Курск и куряне глазами ученых.* Тетрадь пятая: К 100-летию со дня рождения Ю. А. Липкина (1904—1983). Ч.1. Курск, 2004. С. 62—71.

¹⁷⁹ *Енуков В. В.* *Славяне до Рюриковичей (Курский край.* Т. III.). Курск, 2005.

¹⁸⁰ *Самоковасов Д. Я.* *Северянские курганы и их значение в истории* // *Труды III АС в Киеве 1874.* Т. I. Киев, 1878. С. 205.

¹⁸¹ *Труды IV АС в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г.* Т. I. Казань, 1884. С. LXXVII.

¹⁸² *Петрухин В. Я.* *Начало этнокультурной истории Руси...* С. 171, 193.

¹⁸³ *Шинаков Е. А.* *От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей.* Брянск — СПб., 1995. С. 34—35.

¹⁸⁴ *Щавелев С. П.* *Историк русской земли...* С. 66; *Щавелев А. С., Щавелев С. П.* *Черная могила* // *ВИ.* 2001. № 2. и др. раб.

¹⁸⁵ *Седов В. В.* *Древнерусская народность.* М., 1999. С. 211.

¹⁸⁶ *Костомаров Н. И.* *Исторические произведения. Автобиография.* Киев, 1989. С. 639.

¹⁸⁷ *Труды III АС...* С. XXXIII—XXXV.

¹⁸⁸ *Иловайский Д. И.* *Начало Руси...* С. 449.

¹⁸⁹ Там же. С. 607.

¹⁹⁰ *Багалея Д. И.* *История Северской земли...*; *Михальченко С. И.* *Археологические источники в трудах историков Киевской школы* // *Археология и история юго-востока Руси* // *Тезисы конференции (26—28 ноября 1991).* Курск, 1991. С. 61—62.

¹⁹¹ *Линниченко И. А.* *Сочинения П. Голубовского и Д. Багалея.* СПб., 1883. С. 28.

¹⁹² Цит. по: *Самоковасов Д. Я.* *Происхождение русского народа.* М., 1908. С. 12.

¹⁹³ *Завитневич В. З.* *Научное значение археологических раскопок* // *Труды Киевской духовной академии.* 1887. № 8. С. 32—33.

¹⁹⁴ *Самоковасов Д. Я.* *Северянские курганы и их значение...* С. 223.

¹⁹⁵ *Самоковасов Д. Я.* *Вещественные памятники древности в пределах Малороссии...* С. 12.

¹⁹⁶ *Самоковасов Д. Я.* *История русского права. Университетский курс...* С. 361.

¹⁹⁷ Там же. С. 306—309.

¹⁹⁸ *Гочевские древности, Обоянского уезда, Курской губернии* // *Щавелев А.С., Щавелев С. П.* *Гочевские древности Курской губернии: 1909—2009. Век археологии Верхнего Псла.* Курск, 2009. С. 16.

¹⁹⁹ *Самоквасов Д. Я.* Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях Славяноруссов к Грекам до Владимира Святославича Равноапостольного. Варшава, 1888. С. 5—6 и далее; историография вопроса: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. С. 84—89.

²⁰⁰ Речь профессора Д. Я. Самоквасова... С. 5—6.

²⁰¹ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Университетский курс... С. 350, 354.

²⁰² Там же. С. 354.

²⁰³ *Самоквасов Д. Я.* Главнейшие моменты в государственном развитии древней Руси // ВУИ. 1886. № 1. С. 12—14

²⁰⁴ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Университетский курс... С. 77.

²⁰⁵ *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне... С. 102.

²⁰⁶ Раскопки Северянских курганов в Чернигове... С. 2.

²⁰⁷ *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне... С. 14—18.

²⁰⁸ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 236—237.

²⁰⁹ Могильные древности Северянской *Черниговщины* Д. Я. Самоквасова. Посмертное издание. М., 1917. С. 74.

²¹⁰ *Шинаков Е. А.* Население верхнего течения реки Пселл... С. 88—92.

²¹¹ *Григорьев А. В.* Северская земля и данные археологии. Тула, 2000. С. 222.

²¹² *Енуков В. В.* Указ. соч. С. 288—304.

²¹³ *Самоквасов Д. Я.* Курс истории русского права... С. 341—342.

²¹⁴ *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли... С. 254—255.

²¹⁵ *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и Северяне... С. 102.

²¹⁶ *Самоквасов Д. Я.* Курс истории русского права... С. 343.

²¹⁷ *Самоквасов Д. Я.* План археологических работ... С. 12—13.

²¹⁸ Там же. С. 13—14.

²¹⁹ *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // МИА. № 11. 1949. С. 8; *Григорьев А. В.* Указ. соч. С. 6—7.

²²⁰ *Самоквасов Д. Я.* История русского права. Университетский курс... С. 144.

Подводя итоги, отметим, что с позиций сегодняшнего дня, наследие Д. Я. Самоквасова, в первую очередь, представляет интерес как отражение процесса развития отечественной дореволюционной археологии от общей «русской археологии» как науки о древностях, к так называемым частным археологиям, в основе которых — изучение ископаемых остатков жизнедеятельности человека. В случае Д. Я. Самоквасова это археология славяно-русская.

Более чем за сорок лет интенсивной научной деятельности Д. Я. Самоквасов в своих построениях прошел длительный путь развития, начиная от разработки отдельных проблем археологии и истории восточных славян и до создания авторской концепции их исторического развития.

Обращение этого ученого к данным археологии стало следствием установки на комплексное, междисциплинарное изучение древнейшего периода русской истории и истории русского права, истоки чего лежали в позитивистской методологии. Собственный исследовательский опыт, восприятие археологического материала как полноценного исторического источника, привели Д. Я. Самоквасова к постепенному осознанию специфики его изучения, необходимости выделения отдельной науки, предметом которой был бы не древний быт народов, а вещественные источники. Уже с конца 80-х гг. заметны тенденции к пониманию археологии как науки, изучающей ископаемые остатки жизнедеятельности человека, проявившиеся более четко в работах начала XX века. Как часть этой науки рассматривалась «славяно-русская археология», в которую Д. Я. Самоквасов включал и скифо-сарматскую археологию, в современном ее понимании.

Будучи представителем «исторического» направления, он отводил ей роль историко-этнографической, вспомогательной исторической дисциплины. Ее основными задачами ученый видел определение времени и народности открываемых древностей, следствием чего явилось создание специфического варианта региональной хронологии, представляющего собой совмещение археологической и исторической периодизации.

Важно подчеркнуть, что касающиеся археологии выводы и построения ученого в значительной степени опирались на результаты проводимых под его руководством полевых исследований, включая раскопки объектов, результаты изучения которых не потеряли научной значимости до настоящего времени.

По своему характеру полевые работы Д. Я. Самоквасова представляли собой сочетание широко распространенной в предшествующий период практики «научных путешествий» с небольшими разведочными раскопками и стремления к наиболее полному исследованию того или иного памятника. Вскрытие нескольких курганов в группе и распространение полученных выводов на весь могильник позволяла в течение одного сезона обследовать значительную территорию. В условиях, когда целые регионы расселения летописных славян оставались необследованными, такой экстенсивный способ изучения давал свои результаты, хотя и сказывался на качестве полученного источника.

Как и его предшественниками, З. Я. Ходаковским и В. В. Пассеком, Д. Я. Самоквасовым была сформулирована и последовательно реализовывалась «программа», в его случае, изучения древностей летописных северян. Итогом осуществления этой

«программы» стала солидная база археологических источников славяно-русского времени, главным образом курганов, которая и сегодня остается основной для изучения погребальных памятников Днепровского лесостепного левобережья.

Несмотря на то, что курганы и городища восточных славян являлись центральным объектом исследований ученого, им открыт и изучен целый ряд памятников других археологических эпох, в том числе и эталонных. Это были и целенаправленные исследования, как в случае с курганами скифов и сармат, считавшихся предками славян, и случайные, сопутствующие раскопки и разведки, когда речь идет об эпохе камня и бронзы.

При масштабности полевых исследований можно говорить лишь о зачатках археологического источниковедения. Далеко не все из современных этапов препарирования археологического источника выполнялись Д. Я. Самоквасовым. Прежде всего, речь идет о внутренней критике. Некоторые предпосылки к изучению отдельных находок прослеживаются лишь в работах начала XX в. Не осуществлял он и то, что Л. С. Клейн называет оценкой познавательных возможностей — его не интересовала репрезентативность выборки, было достаточно одного факта для построения сложной цепочки выводов. Считая археологический источник изначально объективным, Д. Я. Самоквасов не учитывал субъективности исследователя. В результате этого, объективным считалось любое сообщение письменного источника, подтвержденное данными археологии.

Более полно представлена внешняя критика источника, особенно этапы, составляющие полевую археологию. Его методика раскопок была ориентирована на подробное описание комплекса и первичную, объектную, реконструкцию открываемых остатков, но в полной мере это справедливо только по отношению к погребениям. При этом наиболее уязвимым местом методики Д. Я. Самоквасова была фиксация объектов. Понятийный аппарат ученого еще содержал большое количество неконкретизированных терминов, но более существенным недостатком было описание не всех памятников, а только самых ярких и одного из типичных. Тем не менее, работы Д. Я. Самоквасова оказывали серьезное влияние на развитие методики полевых археологических исследований, включая его вклад в разработку принятой на III Археологическом съезде «Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и раскопки курганов».

Заключительным этапом перед переходом к толкованию источников у Д. Я. Самоквасова выступала их классификация, при которой использовались стратиграфические наблюдения и корреляция монет и датирующих находок. В условиях незначительного количества археологического материала последняя операция была исключительно умозрительной.

Отмеченные пробелы во внутренней и внешней критике археологического источника, отразились и на процедуре его толкования. Методология ученого, если понимать этот термин как совокупность методов, сводилась к прямолинейному сопоставлению археологических комплексов (городищ, могил, кладов) друг с другом и данными письменности, реже этнографии. Отдельные составляющие комплексов (вещи, элементы погребального обряда) служили основанием для датировки или включе-

ния их в ту или иную группу, но при этом специально не анализировались. Все это, в свою очередь, влекло за собой ошибочные, с современной точки зрения, исторические построения.

Весьма важным представляется стремление ученого использовать данные археологии в процессе разработки ряда исследовательских тем исторической науки: этногенеза славян и формирования восточнославянской общности, изучение древнерусского города и даже при рассмотрении вопросов становления древнерусского государства.

Установление генетического родства славян со скифами, сарматами и гето-дакийцами, среди ведущих доказательств которого были данные археологии (география кладов римского серебра и определение культурно-хронологической принадлежности погребений южных и центральных областей Российской империи), позволило рассматривать древнерусское государство, его политическое и социально-экономическое устройство как прямого приемника скифского, сарматского и «росского» царств.

Д. Я. Самоквасов доказал жилой и военно-оборонительный характер городищ, ввел данный тип памятников в круг источников по отечественной истории. Это, в свою очередь, стало основой для создания целостной системы взглядов на характер, происхождение и развитие древнерусского города. Конечно, его теория в отдельных местах напоминает скорее логическую схему, но это была попытка осмыслить имеющийся фонд источников. Полевое исследование городищ, по сути, только начиналось и носило, в подавляющем большинстве случаев, разведочный характер. Открытые поселения славяно-русского времени не выявлялись вовсе, что подтверждало отсутствие сел у славян языческой эпохи.

Центрами общественно-политической и культурной жизни восточных славян Д. Я. Самоквасов считал города, что подтверждалось результатами исследования городищ. Масштабные раскопки славяно-русских курганов, в том числе и таких значимых, как «Черная могила», «Гульбище» и др., свидетельствовали о высоком уровне развития у восточных славян хозяйства, торговли, на что указывал и проведенный анализ типографии и состава кладов арабских и византийских монет, а также социально-имущественной дифференциации. Все это, в совокупности с данными письменных источников, позволило Д. Я. Самоквасову говорить о наличии у восточных славян уже до создания централизованного государства Рюриковичей так называемых «племенных княжений» или «племенных государств».

Предлагаемые этим ученым исторические построения были заметными событиями того времени, вместе с тем, многие их фундаментальные положения не подтверждаются современными изысканиями. При этом нельзя забывать, что применительно к тому времени можно говорить лишь о предпосылках становления того раздела науки, который сегодня понимается как славяно-русская археология.

Инструкция для научного исследования курганов [и дополнения к ней А. П. Богданова] / Д. Я. Самоквасов // Антропологическая выставка ИОЛЕАЭ. — Т. II. — М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878—1879. — С. 51—55 (Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXI). — Отд. оттиск: — М., 1878 (№ 24 материалов Антропологической выставки).

1) Инструкция для научного исследования курганов.

Д. Я. Самоквасова.

Значение курганов. Каждый курган, каждая могила дикой эпохи представляет собою вещественный памятник нашей истории. Этот памятник является достоянием современной науки и сохраняется для будущих поколений правильной научной раскопкой, вдумчивым и полным описанием его внешней формы и внутреннего содержания. Раскопка и описание курганов, по своему значению для науки, подобны изданию исторических памятников и одинаково требуют от исследователя изысканных знаний; но разница здесь состоит в том, что ошибки, невнимательности и неполноты в издании писанного памятника могут быть исправлены вторичным его изданием, так как оригинал его сохраняется в архиве; раскопкой — изданием кургана оригинал памятника уничтожается, а потому неполнота в описании раскопки или ошибки в этом описании в большинстве случаев уже не могут быть исправлены. Следовательно, раскопка, несправильно и неполно описанная, не только бесполезна для науки, но вредна: уничтожая исторический памятник, она может повести к неутраченным в науке выводам.

Дневник раскопок. Научное исследование курганов обуславливается правильными ведениями дневника раскопок, в котором, с возможной вдумчивостью и полнотой, должны быть записаны сведения о внешних условиях исследованных курганов, способ раскопки, устройств могил и могильного содержания.

Литература о курганах. В описании внешних условий исследованных курганов должны быть сообщены сведения об их местонахождении, местоположении, количестве в данной местности, формах, величии, местных названиях и местных преданиях об их происхождении и историческом значении.

1. Местонахождение. За указанием губернии, уезда и волости, в которых находятся исследованные курганы, должны быть указаны: направление и расстояние исследованных насыпей от ближайшего к ним поселения: города, села, деревни; расстояние их от ближайшего водохранилища: реки, источника, озера, болота, колодца; расстояние их от ближайшего городища или городка, если таковые имеются в окрестностях помещенных описываемых курганов.

2. Местоположение. Должно быть указано: помещены ли описываемые курганы на возвышенности или склоны ее, на равнине или низменном месте, в полях, лугах или лесах?

3. Количество. В сообщении сведений о количестве курганов, исследованных в данном пункте, требуются

ответы на следующие вопросы: сколько насыпей исследовано? Сколько насыпей оставлено неисследованными? Не имеются ли курганные насыпи в окрестностях исследованного пункта на расстоянии до трех верст во все стороны, а если они имеются, то в каком количестве? Не сохранилось ли в местных жителях воспоминаний о курганах, существовавших в данном пункте, но уничтоженных путем раскопки, путем раскопки кладовых камен и ради простого любопытства, а равно при проезде на дороге, возведении построек, при добычании песка, глины, камня и пр? Не сохранилось ли в пунктах исследования и его окрестностях следов курганных насыпей, уничтоженных по причинам вышеуказанным?

4. Форма. При описании формы исследованных насыпей должны быть сообщены сведения, указывающие на общий вид кургана, его вершину, поперечность и основание. Исследованный курган имел ли форму волнуара или продолговатую или конусообразную? вершину острую, тупую или низкую? поверхность поросшую (дерном, кустарником, лесом) или распаханную? В окрестности основания не сохранилось ли следов оградного рва или вала, а если сохранилось, то каковы их высота, ширина и глубина? Не было ли обгорожено основание валунами, битыми камнями или каменными плитами?

5. Величина. В описании величины курганной насыпи должны быть выражены в саженах или аршинах: величина окружности основания, расстояние от одной стороны основания через вершину насыпи до противоположной его стороны и отвесная высота насыпи от вершины через центр насыпи до основания.

6. Местные названия. В сообщении сведений о местных названиях курганных насыпей требуется отады на следующие вопросы: как вообще называются курганные насыпи в данной местности, например: курганы, древние могилы, татарские, литовские, шведские могилы, сонки, концы, золотовки, марены, робасницы и пр.? Не имеются ли некоторые из курганов в данной местности особыми, собственными названиями, например: Черная Могила, Старшая Могила, Баалбина Могила, Острая Могила, Половецкий Курган, Гульбише, Сорска, Перенятка, Двина, Пастушка и пр.?

7. Местные предания о происхождении и значении курганов. Кроме содержания преданий, должны быть сообщены, если возможно, сведения о причинах происхождения того или другого предания.

Способ раскопки. За описанием внешних условий исследованных курганов должно следовать в дневнике раскопки описание способа раскопки.

Курган может быть раскопан тремя способами: 1, послойною съемкою земли, начиная с вершины; 2, прорытием колодца, 3, сквозною траншеею. В двух последних случаях в дневник раскопки должны быть обозначены размеры колодца или траншеи. На основании опыта можно рекомендовать при раскопке курганов соблюдение следующих приемов:

1. Раскопка курганов, как отдельно стоящих, так и групп, состоящих из нескольких или многих насыпей, должна быть начата вырытием пробной ямы близ подножия исследуемых курганов, с целью определить род почвы и материка в местности расположения исследуемых курганов.

2. Одиночные курганы и два или три из расположенных группами, назначенные для исследования, должны быть раскапываемы или послойною съемкою насыпи с вершины до основания или колодезь (насыпи до трех аршин высоты) или сквозною траншеею (насыпи выше трех аршин высоты), поперечник которой должен быть не менее площади, получаемой отрезом верхней части кургана до половины его высоты. Если между вершиною и подножием насыпи будет встричена могила, то ее устройство и содержание должны быть описаны по правилам, излагаемым ниже, но находка могилы в насыпи не должна останавливать его дальнейшую раскопку; кроме верхних могил очень часто встречаются в тех же курганах нижние могилы, устроенные на подножии насыпи или ниже ее, вырытые в материке. По достижении грунта, узнать который легко по слитию с верхними слоями почвы местности, обнаруженными пробною ямою, грунт должен быть оценен (выкоблен) желтыми лопатами или заступами. Тогда, если в исследуемом кургане имеется могила ниже насыпи, в грунт обнаружится яма в размерах могилы, отличное по цвету от окружающей грунтовой земли. Дальнейшая раскопка производится послойною съемкою земли в размер обнаруженной могилы до появления признаков близости остатков погребенного.

3. Убедившись в способе устройства могилы в данной группе курганов раскопкою нескольких из них связанным способом, исследователь может раскапывать остальные колодезь или траншеею, поперечник которых должен быть не менее поперечника площади, образуемой слитием вершины исследуемого кургана на треть его высоты.

4. При раскопке курганов необходимо употребление толстого железного или стального чула, длиною не более 1 1/2 аршина. При появлении признаков близости остова (следы сгнившего дерева от верхней крышки могилы, провалившейся на ее дно, особенная рыхлость земли, открытие какой либо вещи, кости и пр.) при посредстве чула должно определить направление остова, отскаль его череп и бедренные кости; затем, от черепа в направлении остова должно отыскать два аршина двенадцать, зершков и очертить остова так, чтобы со всех его сторон оставалось около четверта земли; потом зид о-черченного круга зынуть землю на четверть ниже остова и очистить дно; наконец, осторожно тонкими слоями срыть вадь остовом землю настолько, чтобы зема покрывала его слоем толщиной до двух зершков. Дальнейшую работу исследователь должен производить лично,

не доверяя рабочим извлечение из могилы найденных в ней предметов.

5. При помощи ручной лопаты, ножа и сухого вилка, оконанный вышеуказанным способом остов исследователь освобождает из земли, начиная с черепа, на раздвигая частей остова и оставляя найденные вещи на месте находки.

6. Разрываемая над остовом и по бокам его земля тщательно просматривается, а в случае находки мелких вещей, например: бус, зерен и пр., просеивается на ручное металлическое решето.

7. Найденные при остове и на нем вещи оставляются на месте их положения в могиле до тех пор, пока весь остов будет освобожден от земли и занесено в дневник раскопки, как положение остова, так и расположение вещей, при нем найденных.

8. Если раскопка пробных курганов обнаружит группу насыпей с остатками трупоожжения, с печенками от костров, на которых были сожжены покойники, то все курганы такой группы должны быть срыты послойно, начиная с вершины во всю величину насыпи до уровня кострища, а затем ниже кострища должно прорыть колодезь до грунта.

9. Открытие в насыпи исследуемого кургана остова, гробницы, сосуда со жженными костями, кострища и пр., на какой бы высоте насыпи они не были найдены, не должно служить поводом к прекращению дальнейшей раскопки этой насыпи; раскопку ее следует прекратить не иначе, как зылив убившись, что колодезь или траншея выкопаны до грунта и что ниже насыпи нет могил, вырытой в грунте.

Устройство могил. За описанием способа раскопки должно следовать в дневнике раскопки описание устройства могил, найденных в исследованных курганах.

1. При открытии в курганной насыпи сосудов со жженными костями должны быть отмечены: число сосудов с костями и число сосудов пустых, то есть наполненных только землею или землею и остатками пищи; взаимное расположение сосудов, то есть найдены ли они на одном уровне или один ниже другого, и расстояние одного сосуда от другого, положение сосудов в кургане, то есть расстояние их местонахождения от вершины насыпи и ее основания. Кроме сосудов со жженными костями и сосудов пустых не было ли найдено в том же кургане угля, неса, несожженного остова и пр.?

2. При открытии в курганной насыпи кострища, то есть печенки, на котором сожжены покойники, должны быть отмечены: толщина угольного слоя; размеры печенки, расстояние его от вершины кургана и основания. Не было ли найдено в том же кургане сосуда с костями, несожженного остова, следов жертвоприношения и проч.?

3. При открытии в кургане остатков несожженного покойника должно быть отмечено расстояние ложа покойника от вершины и основания кургана. Не было ли обнаружено при остове следов сгнившего гроба или гробницы?

4. При открытии гроба должны быть описаны его размеры, устройство и материал.

5. При открытии гробницы должны быть отмечены: материал (доски, брусля, камень, обожженная глина и пр.);

способ устройства (срубъ, частокость); размеры (глубина, длина и ширина).

Содержимое могилы. Наконец, за описанием устройства могилы должно следовать в дневникъ раскопокъ описание содержимого могилы, въ которомъ должны быть обозначены: положеніе остатковъ погребеннаго и положеніе вещей, при немъ найденныхъ.

1. При описаніи положенія остова должно быть указано направленіе головы, положеніе конечностей и величина остова.

2. Украшенія и другія вещи, найденныя при остовахъ,

должны быть записаны въ дневникъ съ обозначеніемъ положенія, въ какомъ они найдены въ могилѣ относительно остова.

Примечаніе I. Все находки, открытыя въ дашпои курганной насыпи, должны быть пронумерованы № этой насыпи и сохранены отдѣльно по курганамъ.

Примечаніе II. Дневникъ раскопокъ долженъ храниться въ томъ собраніи, куда поступаютъ курганныя находки.

Примечаніе III. Каждый курганъ, при раскопкѣ котораго не были составлены дневникъ раскопокъ, считается потеряннымъ для науки.

2) Дополненіе къ инструкціи по раскопкѣ кургановъ.

А. П. Богданова.

Представленная Д. Я. Самоквасовымъ программа, признанная удовлетворительною Археологическою комиссіею въ научномъ отношеніи, можетъ быть дополнена нѣкоторыми вышшими, такъ сказать, частностими, истекающими изъ цѣли раскопокъ кургановъ для нашей Антропологической выставки и нашего Антропологическаго музея. Эти цѣли очевидно не могли занять мѣсто въ общей программѣ, но весьма важны для специальныхъ задачъ Комитета. Мои прибавленія будутъ касаться только музейской или коллекторской стороны добыванія предметовъ изъ кургановъ.

А. Раскопка кургановъ съ Антропологическими цѣлями не тоже самое по своимъ вышшимъ требованіямъ, что раскопка съ чисто-археологическими видами. Для археолога изложеніе одного погребеннаго, но окруженнаго особенно значительнымъ числомъ предметовъ и особенно характеристичными бытовыми частностями, можетъ представлять гораздо большій научный интересъ, чѣмъ раскопки десятковъ кургановъ. Для антрополога и его выводовъ необходима извѣстная численность череповъ и костяковъ для возможности выводовъ. Отсюда слѣдуетъ необходимость высказаться отъ Комитета слѣдующія пожеланія лицамъ, желающимъ оказать ему содѣйствіе или работающимъ по его указаніямъ:

1) Хотя каждый курганъ имѣетъ свой интересъ и каждый предметъ, найденный въ немъ, можетъ съ пользою найти мѣсто въ коллекціи выставки, но при выборѣ матеріала для цѣлей Комитета необходимо отдавать предпочтеніе для разрытія тѣмъ мѣстностямъ, въ конхъ попадаются курганныя кладбища съ значительнымъ числомъ кургановъ, дающимъ возможность надѣяться на полученіе 10; 15, 20 и болѣе курганныхъ остововъ изъ одной мѣстности или изъ нѣсколькихъ близлежащихъ. Цѣль собиранія краниологическаго и остеологическаго матеріала состоитъ въ полученіи данныхъ для опредѣленія Антропологическихъ признаковъ племени. Очевидно, гораздо болѣе вѣроятность встрѣтить особей одного доисторическаго племени въ курганахъ одного кладбища или въ нѣсколькихъ близко лежащихъ другъ отъ друга, чѣмъ въ отстоящихъ на значительное разстояніе другъ отъ друга, а тѣмъ болѣе разбросанныхъ въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ, хотя бы и одной и той же губерніи или уѣзда. Поэтому съ точки зрѣнія Антрополога гораздо важнѣе раскопка хотя бы и меньшаго

числа кургановъ, но одной мѣстности и одного кладбища, чѣмъ гораздо болѣе число череповъ, но полученныхъ изъ различныхъ мѣстностей, лежащихъ въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

2) Такъ какъ всегда есть вѣроятность встрѣтить въ могилѣ ненормальныя черепа, патологическіе и уродственныя, а также молодыхъ особей, недостигшихъ познаго выраженія антропологическихъ свойствъ племени на своихъ костякахъ, и такъ какъ кромѣ того при нормальныхъ условіяхъ ради череповъ мужскаго и женскаго типа должны быть сравнимы отдѣльно, то для возможности, хотя съ нѣкоторою увѣренностію, брать среднія необходимо до 30 череповъ племени, а слѣдовательно и полученіе не менѣе 30 остоновъ изъ кургановъ той мѣстности или того племени, которое должно быть изучено. Даже при такомъ числѣ окажется, что иногда удобныхъ для изученія, т. е. при выдѣленіи ненормальныхъ и не иногда развитыхъ особей, будетъ только около десятка въ рядахъ мужскаго и женскаго типа, т. е. минимумъ того, что можно желать.

3) Въ виду этихъ условій желаніе при работахъ для Комитета выбирать небольшіе курганы, требующіе менѣе времени и средствъ для раскопки, чѣмъ курганы большіе, такъ какъ съ опредѣленною суммою на издержки можно, по первымъ, рассчитывать на большее число костяковъ и череповъ, хотя можетъ быть и на меньшее число археологическихъ предметовъ.

В. Комитетъ предполагаетъ сдѣлать модели различнаго рода способовъ погребенія, характеризовавшихъ племена различныхъ мѣстностей Россіи. Для возможности этого, кромѣ данныхъ, указанныхъ въ запискѣ Д. Я. Самоквасова, желательно еще: а) представленіе образцовъ различныхъ слоевъ насыпи кургановъ извѣстной мѣстности, а также материка, на которомъ лежали остова, чтобы по этимъ образцамъ можно было вѣрно произвести на моделяхъ и способъ образованія насыпи.

б) Хотя бы грубый чертежъ могилы, т. е. положеніе костей скелета и черепа, а также и размѣщеніе вещей около него.

в) Опредѣленіе разстояній, на которыхъ помещались предметы отъ костей, толщины слоевъ насыпи и тому подобнаго частности, могущія облегчить изготовленіе модели. Если курганъ по вышности чѣмъ либо отличался, то тоже слѣду-

дуетъ дать хотя бы самый грубый, но по возможности вѣрный чертежъ. Если курганъ обложенъ камнями, то необходимыми образцы такихъ камней.

С. Необходимо взять изъ кургана все кости, перенумеровать ихъ и не оставлять ничего, развѣ только такія, кои совершенно истлѣли, такъ какъ, кромѣ черепа и челюстей, любознаны и остальные части скелета, и Комитетъ предполагаетъ дѣлать собраніе смонтированныхъ костяковъ изъ кургановъ, имѣя уже начатое и могущее доставить матеріалъ для многихъ частныхъ изслѣдованій.

2) Нужно особенно заботиться о томъ, чтобы при разрытіи кургана не попортить черепа и не потерять зубовъ съ челюстей. Если зубы вываливаются, то ихъ закрѣпить въ асбестъ клеемъ.

3) Черепа бывають наполнены землею и нѣсколько сырми при вынутіи ихъ изъ могилы. Слѣдуетъ ихъ оставить въ комнатѣ нѣкоторое время для просушки, причѣмъ переносить нужно осторожно, чтобы отъ толчковъ не разошлись швы. Когда земля обсохнетъ въ черепѣ и около черепа, то осторожно удалить ее. Не слѣдуетъ обмывать черепа, какъ это дѣлали нѣкоторые въ прошломъ году, не правильно новьяя моя просьба о очисткѣ очищенныхъ череповъ. Подъ очисткою и разумѣлъ только отдѣленіе комковъ земли снаружи и внутри черепа.

4) Нужно тщательно обособлять кости одного скелета отъ другаго въ случай ихъ помѣщенія въ одномъ ящикѣ для пересылки. Въ прошломъ году случалось не разъ, что

кости приходили перепутанными и подборъ ихъ требовалъ значительнаго труда, легко избѣгаемаго при тщательной ушаквѣ. Нужно помнить, что кости, завернутыя кое какъ въ толстую бумагу и небрежно завязанныя, отъ толчковъ въ дорогѣ высыпаются и перепутываются.

Д. Комитетъ будетъ особенно благодаренъ за доставленіе не однихъ только костяковъ и череповъ изъ кургановъ, но также и всего найденнаго при нихъ. Общество Любителей Естественнаго давно уже стремится къ тому, чтобы въ своемъ музее составить такую коллекцію, въ которой находились бы все предметы каждаго кургана, антропологическіе и археологическіе, кои вѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ давали бы возможность воссоздать всю обстановку кургана. Часто это бываетъ особенно полезно и при краниологическихъ изслѣдованіяхъ. Такъ случается, что въ серіи череповъ изъ извѣстнаго района незначительныя различія совершенно своеобразными признаками. Для антрополога весьма важно для дальнѣйшихъ выводовъ имѣть возможность убѣдиться по протоколу раскопки и вещамъ, были ли окружены такіе черепа совершенно тою же обстановкою, какъ и остальные, или же и въ окружающихъ ихъ предметахъ выражалось отиачіе. Въ послѣднемъ случаѣ получилось бы довольно существенное основаніе для предположенія о принадлежности къ совершенно другому племени такихъ череповъ и о случайномъ (въ антропологическомъ отношеніи) появленіи ихъ въ племенной серіи череповъ изслѣдуемой мѣстности.

Отрывок из отчета Д. Я. Самоквасова в ИАК о раскопках славянских курганов в г. Глинске

Глинская группа курганов.

При въезде изъ защитного города Глинска, Роменского уезда, Полтавской губ., къ р. Суль, съ правой стороны дороги, вблизи „защиты“, на покатости горы, сохранилось болѣе пятидесяти небольших кургановъ, отъ едва заметныхъ возвышенностей до 2 арш. отвѣсной высоты и отъ 25 до 35 арш. въ окружности основания, расположенныхъ другъ вблизи друга. Покатость горы, занятая сохранившимися курганами, отдѣляется отъ примыкающаго поля съ западной и юго-западной стороны сѣвѣннѣйшимъ оврагомъ. Тѣмъ курганнаго кладбища съ сѣверной стороны стороны занята еврейскими кладбищами, и отведенные подъ него курганы покрывали еврейскими могилами новѣйшаго времени. Недавно къ еврейскому кладбищу прирѣзана еще часть курганнаго кладбища, но до новѣйшаго года въ этой части новѣйшихъ погребеній еще не было. Съ южной южной стороны къ курганамъ примыкающъ недавно построенный здѣсь кирпичный заводъ (цегельня). Прилежащая къ площади кургановъ поле и огородъ несагнѣнно также были заняти въ древности курганами, отъ ко-

торыхъ не сохранилось уже никакихъ слѣдовъ, за исключеніемъ шефкальней, погребеніи которыхъ оврагомъ, а потому уничтожены отъ раскопки, и одного кургана въ огородѣ, уничтожена потому, что на немъ растутъ три березы. Понимаяму уничтожена группа кургановъ представляетъ часть кладбища курганнаго кладбища давно уже разрушеннаго подъ постройку, и сохранившаяся часть уничтожена потому, что погребенія на сѣверной оврагомъ, прорытой оврагомъ и неудобна для раскопки. Работы, добывающія глину, мертвотка находили, погребенія, теловѣсткія кости, бусы, кольца и другіе предметы, подобныя предметамъ найденнымъ лично въ уничтоженныхъ курганахъ этой группы. Такие же предметы, по словамъ жителей, были найдены при возведеніи построекъ и проведеніи канавъ въ огородѣ примыкающихъ къ уничтоженнымъ курганамъ. Во время раскопокъ отысканы славянскихъ предметовъ были примѣнены переданы И. А. Лимонченко четыре найденныя при раскопкахъ костянаго подъ ровнотю поверхности серебряныя проволоки, свернутыя спирально, совер-

шлемно сходства с найденными в курганах.

В сказанной группе раскопаны лично в сообществе с г-н. Линниконкой С. А. М. зарыты тридцать пять курганов.

№ 1 Высота - два арш., окружность основания - тридцать пять аршин; в центральной части группы. Под центром насыпи могильная яма, около трех арш. длины, в направлении с востока на запад, пяти четвертей ширины и трех четвертей глубины. На дне ямы теловогеский астов, голова на запад; туловище на спину; руки вытянуты по бокам туловища, ноги вытянуты. Три костяка: на пальцы правой кисти - середряные кольца, со спаянными концами; угловой кисти окисший железный покрыв. В толще кургана, в южной половине, на подошве насыпи, в разстоянии двух аршин от центральной могилы - остатки детского астова в описанном положении взрослого астова, а при нем, под широким телом - девять стеклянных бус, из которых: одна гладкая позолоченная и восемь рубчатых, - четыре черные и четыре зеленые бусы.

№ 2^и Высота - полтора арш., окружность основания - тридцать пять аршин; рядом с предыдущим Под центром насыпи, в могильной яме, около арш. глубины, - костяк головы на северо-запад; руки сложены кисти ли в широкую часть ладони; ноги вытянуты. В доках головы - фрагменты раздробившихся середряных сережек; на груди под широким телом - два ряда стеклянных позолоченных бус (по пятнадцати в ряду) и пять крупных граненых бус из аметиста.

№ 3^и Высота - три четверти арш.; окружность основания около двадцати пяти аршин. На подошве насыпи - костяк, голова на запад, на спину; конечности вытянуты. На черепе середряная лента, огибающая череп от лба к затылку, с крючками на концах; с доков черепа пять середряных проволочек, закрученных книзу в четыре и пять оборотов, а сверху в один оборот; на груди, под широким телом, - серебряные стеклянн. бусы и бронзовых позолоченных, формы бусенчиков, составленные из двух половинок, с углками; восточная монета (сильно износ)

Хвостка, сложенная подваском кверху; на правой руке бронзовая браслетка и кольцо из бронзовой проволоки, расположенное в середине и загнутое в три оборота.

№ 4^{тм} Эва. захоронение возвышение в виде предвдвигала кургана. На глубине 7 футов четвертый-человеческий астов, головою на запад; конечности вытянуты. У головы: серебряная лента обвивающая голову, продырявленная на концах, пять бронзовых спиралей; под нижней челюстью серебристая из мелких бус и бронзовая подвасок, в форме бус Беттисова, состоящая из двух половинок в гирляндах, на пальцах правой кисти бронзовое плоское кольцо. Под телом же возвышением, у ног описанного астова найдены фрагменты человеческого астова, сложенного в беспорядке и между костями найдены обломки серебряной ленты, две бронзовые спирали и девятнадцать стеклянных позолотенных бус.

№ 5^{тм} Высота — один аршин, окружность основания — тридцать аршин; в части отведенной под еврейское кладбище. Под центром насыпи, в ложбинке ям, около арша глубины — остаток

того человеческого астова, обращенного головою на то-запад. У головы слюды разлохившиеся серебристые, в серебряных алодо-видных подвасках; под нижней челюстью восемь стеклянних позолотенных бус и крупная граненая бус в виде сердолика.

№ 6^{тм} Высота около двух аршин, окружность основания — тридцать пять аршин; над обвалом в верхней части группы. На глубине двух в половиноаршин от вершины насыпи слюды разлохившиеся дерева, на протяжении около трех аршин ширины и трех четвертей ширины, (форма огибала гроба), а в виде человеческого астова, обращенный головою на запад, на спине; левая рука вытянута, а правая прижата кистью к телу; ноги вытянуты. У головы четыре серебряных кольца, без стайки концы и фрагменты разлохившиеся крупные алодо-видных подвасок; под нижней челюстью слюды разлохившиеся серебряная из глиняных бус; на пальцах кисти руки два серебряных кольца, без стайки концы; у левой голени тригирлянда из гирлянда.

№ 7^{тм} Высота — один арш окружность основания около тридцати аршин; в виде кургана.

На подошве насыпи — костяк, голову на того западе; руки ладонями кисти на сгиб отъ, ноги вытянуты; на черепе — округлая середняя проволока, огибающая череп (головной обруч), загнувшись с одного конца крючком, а с другого разширенная в форму тонкого серебряного лимба, с боков головы — две серебряные спирали и две подваски из морских раковин (тонита сурфеа), с бронзовыми украшениями, ожерелье из мелких бус и бронзовых подвасок, формы пуровки, или буденников; часть ожерелья сохранилась с нитками на которых наизямы бусы и подваски, и часть водитность водстановить форму всего ожерелья. В ногах стопа, в раздвении двух четвертей от правой пясти, найден глиняный горшок. В северо-западной половине того же кургана, в раздвении трех четвертей от оплечного стопа, найден кости другого человеческого стопа, сброшенные в беспорядке в общую яму; повидимому эти кости были брошены сюда из центральной части кургана при устройстве могилы от стопа, сохранившего правильную поворот.

№ 8. Высота — около аршин, округность основания — около тридцати арш.; в той западной части могильника, вблизи предыдущего кургана. На подошве насыпи, под продолговатым плоским — обертанный человеческий стопа, голову на того западе, водит головы которого найдены одна буса и два серебряных колечка, без спайки концов.

№ 9^{мб} Высота — около арш.; округность основания — двадцать восемь арш.; в центральной части могильника. На подошве насыпи стопа, голову на того западе; кисти рук на сгиб отъ, ноги вытянуты; голова — сережка из бронзовой проволоки, с серебряного алодовидного подваска.

№ 10^{мб} Плати арш. По устройству могилы подобный предыдущему. На подошве насыпи стопа, с бронзовыми колечками, без спайки концов, на правой кисти.

№ 11 и 12. Высота — около двух аршин, округность основания — около тридцати аршин; вблизи кургана № 5. Под центром насыпи, в могильных ямах, около аршина глубины — признаки раздв. срубленной деревянной гробов, а в них

Костяки, головою на запад; конюшности
востануты; возитъ лубочая кистей-ориску-
ные коврики, сохранивши раздробившися,
ферьанная рурка.

Остатки двадцать три кургана, раско-
паны въ мѣсяцъ присутствія, заклю-
чили въ себѣ только теловѣстныя коста-
ки, безъ сохранившіяся украшеній, или
украшеніями, представлявшими
собой дуплѣты предметовъ, найден-
ныхъ въ опитанныхъ курганахъ,
эти дуплѣты переданы мною И. А.
Лимниченко и Р. А. Мазарани.

По устройству могилъ, положенію
въ могилахъ остатковъ погребенныхъ
и предметовъ, при костьякахъ найден-
ныхъ, опитанная группа кургановъ
очень сходна съ Тотмогорскою группою
кургановъ Суджанскаго уѣзда, Кур-
ской губ. Нѣсколько кургановъ та-
кого же устройства и содержанія
сохранилось въ самомъ городѣ
Тиминкѣ, на возвышенности, лежа-
щей по прямой сторонѣ, заходяща
за базарную площадь. Въ этихъ
курганахъ, подъ веретеними могила-
ми христіанскаго погребенія, И. А.
Лимниченко и Р. А. Мазарани встрѣ-
тили извѣстныя могили, по устрой-

История культуры населения Русской земли по могильным древностям.
Лекция 23 ноября 1908 г. в Политехническом музее в пользу фонда
Орловской ученой архивной комиссии, предназначенного для местных
археологических раскопок

Предметъ лекціи: Исторія культуры населенія Русской земли по
могильнымъ древностямъ.

Вступленіе: археологическія раскопки въ Сѣверянской землѣ
1872—1876 гг.; раскопки въ послѣдующіе годы въ областяхъ
между Вислою и Терскою, Чернымъ моремъ и рѣкою Москвою;
хронологическая классификація могилъ Русской земли.

I. Могилы киммерійской эпохи.

Время, устройство и содержаніе могилъ киммерійской эпохи.

Свѣтоты картины:

1. Многомогильный курганъ подъ Кисловодскомъ.
2. Устройство гробницъ и положеніе костьяковъ въ курганахъ Кисловодска и Пятигорска.
3. Положеніе костьяковъ въ гробницахъ кургана Панской могилы у села Россавы Каневского уѣзда.
4. Дольмень Царства Польскаго, села Коссево подъ Новогеоргиевскомъ, и положеніе въ немъ костьяковъ.
5. Бытовыя издѣлія изъ кости, камня и бронзы гробницъ Кисловодска и Пятигорска.
6. Бытовыя издѣлія изъ кости, камня и бронзы гробницъ Безсчастной могилы у с. Новогригорьевки, Александровск. у., Екатеринос. г.
7. Бытовыя бронзовыя издѣлія кургановъ Кисловодска и Пятигорска.
8. Бытовыя бронзовыя издѣлія гробницъ у аула Кобани въ Осетіи. Демонстрація подлинныхъ каменныхъ теса, топора и булавы и бронзовыхъ наконечниковъ и украшеній изъ Кисловодскихъ и Пятигорскихъ кургановъ раскопки В. Р. Апухтина.

— 2 —

II. Могилы скифо-сарматской эпохи.

Разрушение Ассирийского царства Скитами. Время образования въ Киммерийской земли царствъ Сколотовъ и Сарматовъ и появленія греческихъ городовъ. Разрушение Сколотскаго царства Филиппомъ Македонскимъ, и образование въ Сколотіи царствъ Гетовъ и Сарматовъ. Устройство и содержаніе могилъ греческихъ, сколотскихъ и сарматскихъ.

Свѣтоты картины:

9. Греческая каменная гробница съ деревяннымъ саркофагомъ.
10. Греческій саркофагъ, украшенный золотою инкрустаціей.
11. Нерейда, везущая душу въ загробное царство.
- 12 и 13. Бытовые издѣлія неограбленныхъ греческихъ могилъ.
14. Рыжановская неограбленная скифская катакомба.
15. Дно ограбленной гробницы Старшей могилы у с. Аксютинецъ, Роменскаго у.
16. Ограбленная гробница большого кургана у с. Аксютинецъ.
17. Неограбленная гробница съ мужскимъ и женскимъ костяками у с. Аксютинецъ.
18. Бытовые издѣлія изъ ограбленныхъ могилъ у с. Аксютинецъ.
19. Золотыя украшения Куль-обской гробницы подъ Керчью.
20. Электровый сосудъ Куль-обской гробницы съ изображеніями Скитовъ.
21. Изображенія Скитовъ на серебряной вазѣ Чертомлыцкой катакомбы.
22. Изображеніе «древа жизни» на Чертомлыцкой вазѣ.

III. Могилы гето-росской эпохи.

Завоеваніе царства Гетовъ Римлянами и выселеніе Гето-дакійскихъ племенъ въ области Вислы и Днѣпра. Прародины Поляковъ и Россовъ. Устройство и содержаніе могилъ гето-росской эпохи.

Свѣтоты картины:

23. Устройство могилъ съ погребальными урнами.
24. Гробница съ кострищемъ у с. Яблоновки Каневского уѣзда.
25. Гробница съ костякомъ у с. Яблоновки Каневского уѣзда.

— 3 —

26. Бытовые издѣлія Яблоновскихъ кургановъ.
27. Золотыя украшения могилъ съ кострищами у с. Новогригорьевки Александровскаго у., Екатеринославской губ.

IV. Могилы русской эпохи.

Завоеваніе русской прародины Козарами. Движеніе Россовъ въ сѣверныя и западныя льсистыя области и происхожденіе русскихъ племенныхъ княженій, обособленныхъ географически и политически. Политическое объединеніе русскихъ племенъ въ X-мъ вѣкѣ подъ властью князей Рюриковичей. Военные походы Россовъ въ Грецію. Крещеніе Русскаго народа въ концѣ X-го вѣка. Устройство и содержаніе русскихъ могилъ языческой эпохи.

Свѣтоты картины:

28. Черниговская Черная могила въ началѣ раскопки.
29. Жертва и кострище Черной могилы.
30. Гробница Гуцинскаго кургана подъ Черниговымъ съ человѣческимъ и лошадинымъ костяками.
31. Болдинскій курганъ съ могильною ямой и человѣческимъ костякомъ.
32. Суджанскій курганъ безъ могильной ямы съ человѣческимъ костякомъ.
33. Длинноголовый и короткоголовый черепа.

V. Могилы Печенѣговъ, Половцовъ и Татаръ.

Устройство и содержаніе языческихъ могилъ Русской земли времени христіанства Русскаго народа.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Вліяніе культуръ ассирійской, греческой, римской и козарской на культуру Русскаго народа. Демонстрація подлинныхъ могильныхъ древностей Чернигова и Москвы. Значеніе восточнаго «древа жизни» въ исторіи русскаго искусства.

Д. Самоквасовъ.

20-е ноября 1908 г.

**Список публикаций А. Н. Голотвина, посвященных научному наследию
Д. Я. Самоквасова**

1. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и изучение славяно-русских курганов на юго-востоке Древней Руси / А. Н. Голотвин // Новик: Сборник статей студентов и аспирантов ВГУ. — Воронеж: «ИСТОКИ», 2004. — Вып. 9. — С. 36—40.
2. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и изучение древних курганов Курской губернии / А. Н. Голотвин // Ю. А. Липкин и археология Курского края. Материалы межрегиональной научной конференции (Курск, 15—17 ноября 2004 г.). — Курск: «Мечта», 2005. — С. 104—105.
3. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и изучение Юго-Востока Древней Руси / А. Н. Голотвин // Археология Юго-Востока Руси: Материалы IV научная конференция. — Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. — С. 40—50.
4. *Голотвин А. Н.* К вопросу о разработке периодизации древностей Д. Я. Самоквасовым / А. Н. Голотвин // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка (13—16 ноября 2006 года). — Липецк: Липецкий педагогический университет, 2006. — С. 359—362.
5. *Голотвин А. Н.* Оценка вклада Д. Я. Самоквасова в изучение славяно-русских древностей в отечественной археологии (русской, советской, российской) / А. Н. Голотвин // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 20: Эпоха металла Восточной Европы (история исследований, публикации). — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. — С. 32—45.
6. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и развитие славяно-русской археологии / А. Н. Голотвин // Вестник ВГУ. Серия. Лингвистика и межкультурные коммуникации. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. — № 2. — Ч. 2. — С. 173—178.
7. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей / А. Н. Голотвин // Материали археологічної дослідження Східної України. — Луганск: Изд-во ДНУ, 2007. — Вып. 7. — С. 199—203.
8. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей Днепровского лесостепного левобережья / А. Н. Голотвин // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної загадки про Чернігів. — Чернігів: Деснянська правда, 2007. — С. 388—392.
9. *Голотвин А. Н.* Археологические источники в работах Д. Я. Самоквасова / А. Н. Голотвин // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Материалы конференции, посвященной 70-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. — Курск: Курский государственный педагогический университет, 2008. С. 35—38.
10. *Голотвин А. Н.* О некоторых проблемах изучения древнерусского города в работах Д. Я. Самоквасова / А. Н. Голотвин // Из истории отечественной археологии. — Вып. 1. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. С. 95—107.

11. *Голотвин А. Н.* О роли археологических данных в работах Д. Я. Самоквасова по истории восточных славян Днепро-Донского междуречья / А. Н. Голотвин // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего Средневековья (Материалы научной конференции). — Воронеж: «ИСТОКИ», 2008. С. 77—80.

12. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и его вклад в отечественную археологию / А. Н. Голотвин // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — Т. III. — М.: ИА РАН, 2008. С. 206—209.

13. *Голотвин А. Н.* Археология в педагогической деятельности Д. Я. Самоквасова / А. Н. Голотвин // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. — Вып. 13. — Воронеж: ВГПУ, 2009. — С. 234—237.

14. *Голотвин А. Н.* «...Ветеран на поприще археологии...». К оценке историко-археологических работ Д. Я. Самоквасова начала XX века / А. Н. Голотвин // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: Мат. конф., посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. — Курск: «ГИРОМ», 2009. С. 18—25.

15. *Голотвин А. Н.* Проблема происхождения славян в работах Д. Я. Самоквасова / А. Н. Голотвин // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Памяти А. А. Иванова. — Липецк: ЛГПУ, 2009. — Вып. 5. — С. 367—384.

16. *Голотвин А. Н.* К проблеме определения археологии как науки в работах Д. Я. Самоквасова / А. Н. Голотвин // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк: ЛГПУ, 2009. — С. 221—231.

17. *Голотвин А. Н.* Д. Я. Самоквасов и археологическое изучение «славяно-русских древностей» / А. Н. Голотвин: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж: Б.и., 2010. — 21 с.

18. *Голотвин А. Н.* Проблема становления государственности у восточных славян в работах Д. Я. Самоквасова / А. Н. Голотвин // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Ч. II. — Липецк: ЛГПУ, 2012. — С. 103—111.

19. *Голотвин А. Н.* К столетию со дня смерти Д. Я. Самоквасова / А. Н. Голотвин // Российская археология, 2012, № 2. — С. 206—213.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	— Археологический институт
АИЗ	— Археологические известия и заметки
АН СССР	— Академия наук СССР
АРАН	— Архив РАН
АС	— Археологический съезд
АО	— Археологические открытия
Б.д.	— без даты
Б.м.	— без места [издания]
ВГУ	— Воронежский государственный университет
ВИ	— Вопросы истории
ВУИ	— Варшавские университетские известия
Вып.	— выпуск
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГСК	— Губернский Статистический комитет
ГУАК	— Губернская Учёная архивная комиссия
Губ.	— губерния
Д.	— Дело
Дер.	— деревня
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Императорская Археологическая комиссия
Изд-е	— издание
Изд-во	— издательство
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
Им.	— имени
ИМАО	— Императорское Московское Археологическое общество
ИОЛЕАЭ	— Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (при Московском университете)
ИРАО	— Императорское Русское Археологическое общества (С.-Петербург)
ИРГО	— Императорское Русское Географическое общество
КГВ	— Курские губернские ведомости
КГМИ	— Курский государственный медицинский институт
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии
КГПИ	— Курский государственный педагогический институт
КЕВ	— Курские епархиальные ведомости
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК
МАМЮ	— Московский архив министерства юстиций
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
МВД	— Министерство внутренних дел

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования [по археологии СССР]
НИИ	— Научно-исследовательский институт
Обл.	— область
Оп.	— опись
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
Отд.	— отделение
Паг.	— пагинация
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи
ПК	— Памятная книжка
ПКТ	— Предварительный комитет
РА	— Российская археология
РА ИИМК	— Рукописный архив ИИМК
РАН	— Российская Академия наук
РАО	— Российская Академия образования
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РИС	— Русский исторический сборник
Р-н	— район
РНБ	— Российская национальная библиотека
РФ	— Российская Федерация
СА	— Советская археология
Сб.	— Сборник
СПб.ГИА	— Санкт-Петербургский государственный исторический архив
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СНК	— Совет народных комиссаров
СЭ	— Советская этнография
Тип.	— Типография
У.	— уезд
Ф.	— фонд
ЧГВ	— Черниговские губернские Ведомости
Х.	— хутор
ЦГИАМ	— Центральный государственный исторический архив [г.] Москвы
ЦИАО	— Церковное Историко-археологическое общество
ЦСК	— Центральный статистический комитет

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА	7
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ Д. Я. САМОКВАСОВА.....	19
ГЛАВА 3. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Д. Я. САМОКВАСОВА.....	69
ГЛАВА 4. ПОДХОДЫ Д. Я. САМОКВАСОВА К МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КРИТИКЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА	104
ГЛАВА 5. ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ОСВЕЩЕНИИ Д. Я. САМОКВАСОВА	134
5.1. Д. Я. Самоквасов об этногенезе славян и формировании восточнославянской общности	134
5.2. Вопросы изучения древнерусского города в оценке Д. Я. Самоквасова.....	147
5.3. Проблема становления государства у восточных славян в работах Д. Я. Самоквасова	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Инструкция для научного исследования курганов [и дополнения к ней А. П. Богданова] / Д. Я. Самоквасов // Антропологическая выставка ИОЛЕАЭ. — Т. II. — М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878—1879. — С. 51— 55 (Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXI). — Отд. оттиск: — М., 1878 (№ 24 материалов Антропологической выставки).....	176
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Отрывок из отчета Д. Я. Самоквасова в ИАК о раскопках славянских курганов в г. Глинске	180
ПРИЛОЖЕНИЕ № 3. История культуры населения Русской земли по могильным древностям. Лекция 23 ноября 1908 г. в Политехническом музее в пользу фонда Орловской ученой архивной комиссии, предназначенного для местных археологических раскопок	189
ПРИЛОЖЕНИЕ № 4. Список публикаций А. Н. Голотвина, посвященных научному наследию Д. Я. Самоквасова.....	192
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	194